

33(02) 401
к70

А. Г. КОРЯГИН
Б. И. ФРОЛОВ

Социальная
утопия
Дж. Гэлбрейта

**А. Г. КОРЯГИН
Б. И. ФРОЛОВ**

Социальная утопия Дж. Гэлбрейта

**Критика концепции
«нового индустриального общества»**

Москва «Мысль» 1978

33.049

K70

K $\frac{10506-113}{004(01)-78}$ 48-78

©Издательство «Мысль». 1978

Современный этап исторического развития характеризуется дальнейшим усилением позиций мировой системы социализма и углублением общего кризиса капитализма, обострением классовой борьбы на идеологическом фронте. В этой обстановке большую актуальность и остроту приобретает критический анализ буржуазной экономической теории, выявление классового содержания ее главных, «базовых», концепций.

Как отмечалось на XXV съезде КПСС, в условиях, когда «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной», в борьбе двух мировоззрений необходима «высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»¹.

Стратегия приспособления империализма к новой исторической обстановке потребовала существенного обновления арсенала буржуазной идеологии, вызвала к жизни ряд новых апологетических концепций применительно к особенностям современного этапа противоборства двух мировых систем и развернувшейся научно-технической революции. Одной из таких буржуазных экономических теорий является концепция «нового индустриального общества», разработанная видным американским экономистом Джоном Кеннетом Гэлбрейтом.

В систематизированном виде эта концепция изложена в книге «Новое индустриальное общество»², хотя отдельные идеи концепции содержатся и в более ранних работах Гэлбрейта — «Американский капитализм» (1952 г.), «Общество изобилия» (1958 г.), в многочисленных журнальных и газетных статьях.

В изданной в 1973 г. книге «Экономические теории

и цели общества»³ Гэлбрейт обобщает свои предыдущие исследования экономики американского капитализма. В этой работе он, не меняя общей теоретической схемы своей концепции, расширяет аргументацию отдельных положений и категорий, частично корректирует свои прежние взгляды, пытаясь привести их в соответствие с резко изменившимися в начале 70-х годов условиями существования американского капитализма. Гэлбрейт вводит в анализ ряд новых понятий, стремится показать широкие возможности практического использования разработанной им якобы «принципиально новой» методологической базы экономической теории для обоснования конкретных мероприятий по коренному усовершенствованию механизма государственно-монополистического регулирования экономики современного капитализма.

В советской литературе накоплен некоторый опыт критики взглядов Гэлбрейта, в том числе и отдельных аспектов концепции «нового индустриального общества». Авторы предлагаемой книги учитывали имеющиеся исследования и в известной мере опирались на них в своей работе. Однако критика концепции Гэлбрейта ограничивается обычно анализом одного или нескольких ее аспектов и дается в связи с рассмотрением того или другого направления буржуазной политэкономии. При всем положительном значении такого метода критики представляется целесообразным дополнить его критическим анализом всего комплекса взглядов Гэлбрейта на экономику современного капитализма в том виде, в каком они изложены в его концепции «нового индустриального общества». Работы отдельных крупных буржуазных экономистов, каким и является Дж. Гэлбрейт, часто представляют собой целые направления в буржуазной экономической теории. Поэтому критический анализ взглядов Гэлбрейта как взаимосвязанной системы позволяет не только всесторонне и глубоко вскрыть апологетическую сущность концепции «нового индустриального общества», но и в какой-то мере судить о кризисном состоянии всей современной буржуазной экономической теории, о ее дальнейшей вульгаризации.

Критический анализ концепции Гэлбрейта по отдельным аспектам имеет существенный недостаток. При таком подходе к вопросу у малоподготовленного читателя может возникнуть представление о Гэлбрейте как о «противнике» системы капитализма и о «революционере» в современной буржуазной экономической науке. Не случайно в предисло-

вии ко второму изданию книги «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт отмечал, что за четыре года после выхода в свет этой книги ее критика отличалась «особым гневом со стороны молодых левых радикалов в США и бóльшей сдержанностью в Восточной Европе и Советском Союзе»⁴.

Необходимо отметить, что Гэлбрейт решает стратегическую задачу апологетики капитализма сравнительно тонкими методами, которые действительно выделяют его среди современных буржуазных экономистов. Концепция «нового индустриального общества» содержит острую критику основных направлений традиционной буржуазной экономической теории и претендует на роль «принципиально новой», способной, по мнению Гэлбрейта, вывести американскую экономическую теорию из тупика. Однако в действительности концепция Гэлбрейта представляет собой не более как новую, хорошо замаскированную форму апологетики государственно-монополистического капитализма.

Отмеченные обстоятельства определили структуру предлагаемой работы, в которой сделана попытка комплексного критического анализа социально-экономической сущности концепции «нового индустриального общества», ее классовой направленности и методологических особенностей. Главное внимание сосредоточивается на критическом разборе новых форм апологетики крупной капиталистической монополии и буржуазного государства. В связи с этим анализируются основные понятия концепции Гэлбрейта: модель двухсистемной «смешанной экономики» США, «индустриальная (планирующая) система», «рыночная система», «развитая корпорация», «промышленное планирование» и «техноструктура», «государство техноструктуры» и «народное государство», «бюрократический симбиоз», «общественное понимание», «сословие педагогов и ученых» и др.

Подробно рассматриваются «доказательства» Гэлбрейта якобы снижающейся революционной роли рабочего класса и его профсоюзов по мере развития научно-технической революции, иллюзии буржуазного экономиста о переходе революционной инициативы к «новому классу» индустриального общества — к интеллигенции. Авторы подвергают критическому анализу теорию конвергенции Гэлбрейта и так называемый «новый социализм», вскрывают буржуазную ограниченность и противоречивость «общей

теории реформ», дают оценку его взглядам на кризис современной буржуазной экономической теории и традиционного американского либерального реформизма.

Введение

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 74.

² *J. K. Galbraith. The New Industrial State. Boston, 1967.*
Русский перевод: *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество.* М., 1969.

³ *J. K. Galbraith. Economics and the Public Purpose. Boston, 1973.* Русский перевод: *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества.* М., 1976.

⁴ *J. K. Galbraith. The New Industrial State, 2d ed. Boston, 1971, p. XIX.*

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ «НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Концепция Гэлбрейта занимает особое место в буржуазной апологетике современного государственно-монополистического капитализма. Это объясняется прежде всего определенной классово-политической позицией Гэлбрейта в трактовке «трансформации» капитализма в «новое индустриальное общество» на основе научно-технического прогресса. Дело еще и в том, что он признает несостоятельность традиционной буржуазной экономической теории и стремится как-то модернизировать ее методологическую базу. Гэлбрейт пытается обосновать идею конвергенции двух систем и таким путем опорочить реальный социализм, а вместе с тем доказать необходимость осуществления комплекса мероприятий по оздоровлению государственно-монополистического капитализма США под лозунгом так называемого «нового социализма».

1. Новая форма апологетики капитализма в условиях научно-технической революции

Основные усилия Гэлбрейт направляет на выяснение социально-экономических последствий научно-технической революции. При этом разрывая диалектическую связь процесса развития науки и техники и господствующих экономических отношений, он изображает исторический путь американского капитализма как эволюционный процесс его «трансформации» в «новое индустриальное общество», происходящий якобы под определяющим воздействием научно-технического прогресса. Таким образом, объективным закономерностям развития капиталистического способа производства противопоставляется некая «логика индустриальной эволюции», при которой социальные явления рассматриваются как непосредственный результат широкого внедрения в производство науки и техники.

В процессе «индустриальной эволюции» современного американского общества исходным пунктом всех изменений, по Гэлбрейту, выступает «техника», «технология»¹. Это своеобразное понятие требует пояснения. «В исследовании сложного комплекса экономических изменений, — утверждает Гэлбрейт, — развитие техники, движимое ее внутренним импульсом, служит отправным пунктом всего анализа»². Активными же факторами, вызывающими постоянные изменения в экономике, выступают такие непосредственные следствия применения современной «техники», как «планирование», специализация и организация производства. Целесообразно уточнить интерпретацию Гэлбрейтом этих понятий, имеющих важное значение в обосновании его концепций.

«Под техникой, — поясняет Гэлбрейт, — понимают последовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач»³. Применение таким образом понимаемой «техники» всегда требует совместных знаний многих специалистов, т. е. организации. В другом месте он дополняет понятие «техника»: «Термин «техника» ассоциируется с понятием «машина»; это и не удивительно, поскольку машинное оборудование представляет собой одно из наиболее наглядных проявлений техники»⁴. Для управления постоянно усложняющимся вещественным воплощением «техники» также нужны специалисты, что обуславливает необходимость дальнейшего развития организации.

Современное развитие науки связано с углублением разделения труда в научно-технической сфере и координацией специализированных знаний, приводящих к усложнению организационных структур и управленческих функций. По мере проникновения науки в производство обе эти сферы деятельности все более нуждаются в специализации, координации и совершенствовании организации. «Почти все следствия применения современной техники и в значительной мере характер функционирования современной промышленности, — считает Гэлбрейт, — определяются прежде всего этой потребностью расчленения возникающих производственных задач... необходимостью использования знаний для решения этих частных задач и, наконец, необходимостью свести воедино элементы задачи в виде законченного цельного продукта»⁵.

Из всех следствий применения современной «техники» шесть, по мнению Гэлбрейта, имеют самое непосредствен-

ное отношение к рассматриваемым им социальным явлениям. Эти следствия можно представить в следующем виде: увеличивается время «между постановкой и завершением задачи»; увеличивается «участвующий в производстве капитал»; усиливается целевой характер ресурсов производства, т. е. любое изменение задания требует использования «иных знаний и иного оборудования»; «современная техника требует специализированной рабочей силы»; «неизбежным спутником специализации является организация»; возникает необходимость контроля со стороны корпорации окружающей ее экономической среды⁶.

Из этих замечаний можно заключить, что у Гэлбрейта понятие «техника» охватывает элементы, характеризующие как уровень развития производительных сил, так и социально-экономические последствия их развития: машины как результат применения научного знания, разделение труда в науке и производстве и носителей специализированных знаний — людей, объединенных в сложные организации. При этом особо подчеркиваются те особенности производительных сил, которые связаны с усилением влияния науки на производство. Другими словами, с понятием «техника» связывается новое качественное состояние производительных сил, которое возникает в результате развития научно-технической революции.

Стремление Гэлбрейта связать все социальные изменения в современном обществе именно с бурным развитием науки не случайно. Буржуазная политическая экономия уже не может игнорировать углубляющуюся зависимость социальных явлений современного капиталистического общества от уровня производительных сил: в условиях научно-технической революции их развитие все более принимает форму взаимодействия науки и производства. Эта зависимость констатируется буржуазной экономической теорией и искаженно трактуется в виде так называемого «императива техники» и ее основных следствий — специализации и организации.

Однако в действительности основные социальные процессы буржуазного общества, связанные с научно-технической революцией, развиваются не просто под воздействием «техники», а в рамках капиталистических производственных отношений, порождающих эксплуатацию и антагонизм, глубокие противоречия. Игнорируя полностью производственные отношения, Гэлбрейт «доказывает» устарелость категории частной собственности в совре-

менных условиях. Тем самым он грубо искажает реальные последствия научно-технической революции, фальсифицирует социально-экономическую сущность рассматриваемых явлений и процессов.

Выхолостив из экономического анализа категории капиталистической частной собственности, рыночной стихии, монополии и конкуренции, эксплуатации, Гэлбрейт вместо картины современного этапа государственно-монополистического капитализма создает утопический образ лишенного буржуазных пороков и противоречий общества, которое он называет «новым индустриальным обществом». Попробуем в общих чертах набросать контуры этого «нового общества» и сравнить его с действительностью.

По утверждению Гэлбрейта, «техника», развиваясь неравномерно по отраслям хозяйства, привела к образованию в экономике США двух различных и противостоящих друг другу систем: «планирующей» и «рыночной»⁷. В этой двухсистемной «смешанной экономике» главной сферой социальных изменений под воздействием «техники» является «планирующая система» («индустриальная система»), т. е. мир наиболее крупных, технически развитых и имеющих сложную организационную структуру монополий. Корпорацию, в которой власть якобы перешла от капиталиста-собственника к особой группе лиц, функционально связанных между собой и представляющих сложную организационную структуру («техноструктуру»), Гэлбрейт называет «развитой (mature)⁸ корпорацией»⁹. Характеризуя «индустриальную систему» в общем виде, он подчеркивает, что современная американская экономика «в существенной своей части представляет собой плановую экономику...»¹⁰, т. е. экономику, где будто бы полностью отсутствуют рыночная стихия и конкуренция. В остальных сферах американской экономики, по его мнению, рыночный механизм еще действует. Это мир мелких предприятий, слабо применяющих новую технику, не имеющих крупных капиталовложений и сложных организационных структур, иначе «рыночная система».

По данным Гэлбрейта, «индустриальная система» в США охватывает более тысячи крупнейших корпораций, производящих половину всей продукции американского частного сектора. А наличие такого развитого ядра в любой экономике (независимо от ее общественно-политической системы), по его мнению, составляет общую отличительную черту современного «нового индустриального общества».

Главными социально-экономическими последствиями широкого применения «техники» в «индустриальной системе», по Гэлбрейту, явились будто бы полная замена рыночной стихии и конкуренции так называемым «планированием» или «промышленным планированием»¹¹ и переход власти в «развитой корпорации» от хозяина-собственника к организации, т. е. к «техноструктуре»¹². Эти процессы якобы представляют собой экономическую основу для коренной «трансформации» частнособственнической природы крупной корпорации. Причем реальные сдвиги в механизме функционирования современной монополии выдаются Гэлбрейтом за некие тенденции к «социализации развитой корпорации», а изменения в государственно-монополистическом регулировании экономики за признак перерождения капиталистического государства как «исполнительного комитета буржуазии» в «исполнительный комитет техноструктуры» (т. е. в «государство техноструктуры». — *Авт.*)¹³.

Переход власти в «развитой корпорации» и во всем обществе от собственников-капиталистов в руки сложной организации («техноструктуры») будто бы изменил и саму природу экономической власти в корпорации, ее цели и механизм использования. Гэлбрейт считает, что одним из важных следствий «революции техноструктуры»¹⁴ является ликвидация социально-экономической основы для классовых конфликтов, для антагонистического противоречия между трудом и капиталом. «Новое индустриальное общество», полагает он, смягчило «боевой дух» рабочего класса и профсоюзов, интегрировало их в «индустриальную систему», выдвинуло в качестве «новой» активной политической силы общественного развития научно-техническую интеллигенцию, и прежде всего так называемое «сословие педагогов и ученых»¹⁵.

Вместе с тем, замечает Гэлбрейт, «новое индустриальное общество», освободившись в ходе научно-технического прогресса от главных пороков капитализма, все же имеет некоторые противоречия и «негативные тенденции» развития. Причем если в книге «Новое индустриальное общество» о противоречиях и «негативных тенденциях» только упоминается, то в работе «Экономические теории и цели общества» этот аспект концепции становится довольно заметным.

Подменив реальные противоречия современного капитализма противоречиями мнимыми, Гэлбрейт причины этих противоречий ищет в конечном счете в последствиях

широкого применения науки и техники. С таких методологических позиций он подвергает критике «техноструктуру» корпораций за излишнее увлечение экономическим ростом и погоней за «нововведениями» в ущерб некоторым насущным целям американского общества, безопасности окружающей среды и «качества жизни» человека. Критике подвергается и экономическая деятельность государства в лице бывшей в то время у власти республиканской администрации за чрезмерное потакание нуждам «индустриальной системы» во вред сбалансированному развитию всей экономической системы американского капитализма.

Таким образом, в книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт с теоретических позиций концепции «нового индустриального общества» пытается истолковать факты резко усилившегося в начале 70-х годов общественного протеста в США против деятельности крупных монополий и коррупции государственного аппарата республиканской администрации, теоретически обосновать необходимость бóльшей «социальной ответственности бизнеса» ради спасения самих основ капиталистического способа производства.

Решение проблемы широкого общественного недовольства антисоциальной деятельностью большого бизнеса и буржуазного государства Гэлбрейт видит в осуществлении целого комплекса социально-экономических мероприятий (по его терминологии — «общей теории реформы») ¹⁶. В таком комплексе мер главный упор делается на стимулировании «реформаторской деятельности» государства по адаптации крупных корпораций к изменившимся условиям «социальной ответственности бизнеса». При этом необходимым условием осуществления «общей теории реформы», самоусовершенствования «нового индустриального общества» выступает раскрепощение распространенных в обществе мнений, идей и традиций от мифов и предрассудков, целенаправленно прививаемых «индустриальной системой». Гэлбрейт наивно призывает к освобождению государственных законодательных и исполнительных органов от излишнего служения «планирующей системе» во имя интересов всей общественности. Осуществление «общей теории реформы» преподносится Гэлбрейтом как путь дальнейшего развития «нового индустриального общества» в направлении к «прогрессивному в интеллектуальном и эстетическом отношениях обществу» ¹⁷ с «рационально и справедливо построенной эконо-

микой»¹⁸ и «народным государством», управляющим экономикой не в интересах «планирующей системы», а «в интересах общества»¹⁹.

Таким образом, из приведенной выше общей характеристики так называемого «нового индустриального общества» можно заключить, что концепция Гэлбрейта искажает сущность, социально-экономические последствия и тенденции научно-технической революции при капитализме. В этом проявляется классовая заинтересованность буржуазного экономиста в затушевывании сущности государственно-монополистического капитализма и углубления его противоречий по мере развития научно-технической революции. Истинный смысл классовой позиции Гэлбрейта станет яснее, если мы перейдем к критическому разбору наиболее важных элементов его концепции: модели двухсистемной «смешанной экономики» и таких фундаментальных понятий, как «промышленное планирование» и «техноструктура».

Автор концепции «нового индустриального общества» стремится разделить американскую экономику на две изолированные и качественно разнородные системы — «планирующую» и «рыночную», возвести противоречия между ними в ранг основного противоречия современного буржуазного общества. Однако выделение «рыночной системы», подробный анализ которой проводится Гэлбрейтом в книге «Экономические теории и цели общества», противопоставление ее «планирующей системе» представляют собой надуманную схему, полностью оторванную от реальной жизни.

В качестве основных критериев деления экономики на две системы выбраны технико-организационные факторы процесса производства: наличие передовой техники и сложной организации, формы управления и контроля со стороны капиталистических фирм над ценами, издержками, потребителями и покупателями. «Имеется глубокое концептуальное различие, — утверждает Гэлбрейт, — между предприятием, находящимся полностью под контролем отдельного лица... и фирмой, которая... не может существовать без организации»²⁰. Это различие якобы непроходимой стеной отделяет «12 млн. мелких фирм» (т. е. «рыночную систему») от «тысячи гигантов», входящих в «планирующую систему».

В характеристике различий между «планирующей» и «рыночной» системами Гэлбрейт главное внимание уделяет категории экономической власти, т. е. контролю над

ценами, издержками, покупателями и потребителями (по его терминологии — контроль над «экономической средой»). Он считает, что в современном обществе такая власть сосредоточивается только в крупных корпорациях, имеющих сложную организацию («техноструктуру»). Поэтому, делает вывод Гэлбрейт, если в различных сферах экономики организация развивается неравномерно, то это порождает большие различия «во власти и, следовательно, в социальных последствиях»²¹.

«Рыночная система вообще несовершенна по сравнению с планирующей системой»²², — заявляет он. Предприятия «рыночной системы» не могут эффективно контролировать «свою экономическую среду», оказывать влияние на потребителей и государство. Эти предприятия (монопольные или конкурентные — по терминологии Гэлбрейта) целиком находятся во власти рыночной конкуренции и контролируются «планирующей системой». «Рыночная система» покупает значительную часть товаров и услуг «планирующей системы» и реализует там свою продукцию по ценам, которые регулируются «планирующей системой».

Слабостью «рыночной системы» по сравнению с «планирующей» объясняет Гэлбрейт и социальные пороки современного американского общества: низкий уровень дохода занятых в «рыночной системе» по сравнению с доходом трудящихся в «планирующей системе», наличие тяжелых условий труда в отраслях «рыночной системы», «эксплуатацию» и «самоэксплуатацию» (разумеется, в буржуазном толковании этих понятий), слабость профсоюзов и недостаточность государственной поддержки «рыночной» части американской экономики.

Однако с точки зрения подлинно научного подхода «рыночную систему» неверно рассматривать как социально однородный сектор экономики, который якобы изолирован и даже противостоит «планирующей экономике». В странах развитого капитализма немонополистический сектор экономики (а именно он в основном составляет «рыночную систему» Гэлбрейта) включает в себя и мелкотоварное хозяйство, основанное на личном труде работника и его семьи, и товарное капиталистическое хозяйство, в котором используется наемный труд. На таких предприятиях еще незавершено отделение капитала-собственности от капитала-функции. Другими словами, здесь мелкий собственник капитала выполняет и функции управляющего. Но взятая сама по себе, эта черта не может быть представлена как определяющий

социально-экономический признак. В «рыночной системе», как и во всей капиталистической экономике, главным является классовое деление и развивающееся на этой основе противоречие между трудом и капиталом. Только такой подход позволяет правильно понять причины возникновения и особенности монополизированного сектора экономики, его неустойчивость и противоречивость, тенденции дальнейшего развития в условиях современной научно-технической революции.

Несостоятельность двухсистемной модели современной капиталистической экономики США обнаруживается в попытках Гэлбрейта противопоставить друг другу различные отряды рабочего класса. Он считает, что рабочие «подвергаются эксплуатации» или же «эксплуатируют самих себя» только в «рыночной системе», где на рынке труда господствует власть работодателя. В «планирующей системе» рабочие якобы находятся «под защитой профсоюзов и государства»²³. Здесь «власть используется фактически для того, чтобы удовлетворить основные требования рабочих»²⁴. «Рабочие в этой части экономики, — заключает Гэлбрейт, — по сравнению с рабочими в рыночной системе являются привилегированной кастой»²⁵.

Из приведенных высказываний наиболее ярко вырисовывается классовая позиция Дж. Гэлбрейта как буржуазного экономиста. При всех внешних отличиях различных сфер американской экономики общее для них — единая основа капиталистического способа производства, а именно присвоение капиталистами средств производства и прибавочной стоимости, эксплуатация рабочего класса. Небывалый рост прибавочной стоимости в условиях научно-технической революции свидетельствует об усилении степени эксплуатации всего пролетариата. При этом сверхэксплуатация, которой подвергаются все чаще и чаще наемные работники мелких предприятий, способствует росту прибавочной стоимости крупных монополий. Что касается уровня оплаты труда рабочих предприятий «планирующей системы», то весь секрет состоит в том, что научно-технический прогресс обуславливает необходимость использования здесь рабочей силы более высокого качества, следовательно, вынуждает капиталистов лучше ее оплачивать. Но это не доказательство, как утверждает Гэлбрейт, стремления «техноструктуры» к удовлетворению «основных требований рабочих».

Анализ «рыночной системы» с позиций ее классовой

природы позволяет обнаружить, что для значительной части владельцев предприятий немонополизированного сектора, как и для наемных работников, общим врагом является кучка монополистической буржуазии, которая маскируется Гэлбрейтом за вывеской «техноструктуры». Так же как и рабочий класс, мелкие производители заинтересованы в совместных действиях в защиту своих требований против засилья монополий. Поэтому противоречие разворачивается не между «рыночной» и «планирующей» системами, как утверждает Гэлбрейт, а между финансовой олигархией, господствующей над экономикой и государством, и подавляющим большинством общества. В этом состоит экономическая основа формирования антимонополистического союза народа в странах капитала.

Рассматривая проблему существования недостаточно развитых сфер американской экономики, Гэлбрейт пытается ограничить анализ технико-организационными аспектами, свести все дело к «объективным» трудностям, препятствующим проникновению в эти отрасли новой техники, больших капиталовложений и новых методов управления. Однако такой анализ представляется односторонним. Он не учитывает влияния господствующих производственных отношений. В действительности отсталые отрасли американской экономики, слаборазвитые районы стали неизбежным спутником монополизации капиталистического производства. Их полная ликвидация связана с революционным преобразованием всего экономического базиса капитализма.

Разумеется, буржуазное государство может оказать существенное влияние на положение «рыночной системы». И с этой точки зрения некоторые предложения Гэлбрейта в ее защиту внешне выглядят привлекательно. В книге «Экономические теории и цели общества» в рамках «общей теории реформы» он предлагает освободить мелких предпринимателей от всех запретов по антитрестовским законам, усилить прямое правительственное регулирование цен и производства, поощрение организации профсоюзов, увеличение минимальной зарплаты и расширение сферы действия закона о минимальной зарплате, предоставление гарантированного дохода тем, кто не может найти себе работу²⁶.

Однако нельзя не видеть, что границы государственного регулирования «рыночной системы» определяются, с одной стороны, интересами монополистической буржуазии, а с другой — политическим резонансом от недовольства немонополизированного сектора диктатом монополий.

Определенное внимание к так называемой «рыночной системе» не отрицает того, что главным в концепции «нового индустриального общества» является анализ «планирующей системы» и ее основного звена — «развитой корпорации». Именно эта система, по мнению Гэлбрейта, определяет лицо современного американского общества и основные тенденции его развития. При этом главные формы приспособления крупной корпорации к широкому внедрению науки и техники представляют «промышленное планирование» и «революция технотехники». На этих двух центральных характеристиках «индустриальной системы» остановимся подробнее.

Идея замены рыночной стихии так называемым «промышленным планированием» широко используется Гэлбрейтом в обосновании процесса «трансформации» капитализма в «новое индустриальное общество», в апологии монополистической природы крупной корпорации, в пропаганде теории конвергенции двух систем. Экономической основой и главным инструментом замены рынка «планированием» он считает «развитую корпорацию», а экономическую деятельность государства рассматривает как необходимый элемент, «венчающий здание планирования»²⁷. При этом суть «промышленного планирования», как оно понимается Гэлбрейтом, якобы не зависит от общественного строя. Отличие «промышленного планирования» в США от других его форм (например, от планирования в социалистических странах), утверждает он, состоит будто только в менее формальных методах и приемах. Критический разбор «промышленного планирования» проводится в различных разделах данной работы в соответствии с порядком рассмотрения этой проблемы Гэлбрейтом. Здесь же целесообразно сосредоточить внимание только на некоторых методологических вопросах, подчеркивающих классовую позицию Гэлбрейта.

В качестве исходной базы для утверждения о наступлении в США мифической эры «промышленного планирования» используется отождествление капитализма как общественного способа производства с рыночными условиями периода свободной конкуренции, отрицание определяющей роли экономического базиса — системы капиталистических производственных отношений, искажение природы и переоценка возможностей современного внутрифирменного планирования крупных корпораций. Для Гэлбрейта тот строй, «который на языке идеологии называется системой

свободного предпринимательства, или капитализмом»²⁸, ассоциируется с неограниченной конкуренцией множества фирм, механизмом свободно формирующегося спроса и предложения как единственным регулятором цен и распределения ресурсов, с определяющей ролью индивидуальных предпочтений потребителя в формировании потребительского спроса и т. д. Все эти особенности рынка в прошлом объясняются Гэлбрейтом только как результат определенного состояния производительных сил: низкий уровень концентрации производства, отсутствие сложной техники и организации, неразвитость процесса отделения капитала-собственности от капитала-функции.

Такая поверхностная трактовка природы рыночной стихии и конкуренции не могла не привести Гэлбрейта к извращению тенденций развития монополистического, а затем и государственно-монополистического капитала. Все, что отличает современный капитализм от капитализма периода свободной конкуренции, трактуется им как переход от рыночной стихии к «промышленному планированию». Процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции рассматривается в качестве основания для полного отрицания роли отношений капиталистической собственности. Поэтому природа «промышленного планирования» и детерминируется непосредственно требованиями развития производительных сил, а точнее, «техники».

Иллюзия о «промышленном планировании» в «новом индустриальном обществе» покоится на игнорировании коренной черты современного империализма — господства монополий. Гэлбрейт исходит из противопоставления рынка корпоративному контролю (т. е. «промышленному планированию»). В действительности господство монополий не устраняет основных черт капитализма: рынка, конкуренции, эксплуатации. «...Монополии, — писал В. И. Ленин, — вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней...»²⁹

В условиях современного капитализма сущность монополии и конкуренции остается неизменной. Однако формы их проявления, методы господства монополий значительно изменились. За «промышленным планированием» Гэлбрейта фактически скрываются новые формы монополистической конкуренции, приспособленные к особенностям современных рынков — рынков с господством ограниченного числа монополий.

Миф о полной замене рынка и конкуренции «промыш-

ленным планированием» представляется как одно из социальных последствий применения «техники». В качестве другого следствия и важной экономической основы мнимого процесса «трансформации» капитализма в «новое индустриальное общество» принимается так называемая «революция технотруктуры», якобы связанная с переходом власти в корпорации и обществе от собственника капитала к организации («технотруктуре»).

С «революцией технотруктуры», будто бы пришедшей на смену «революции управляющих»³⁰, у Гэлбрейта связана характеристика почти всех социальных явлений и процессов современного буржуазного общества. Полный критический анализ «технотруктуры» связан с последовательным раскрытием тенденций к «социализации» корпораций, с разбором отношений между «индустриальной системой» и государством и т. п. На данном этапе исследования концепции Гэлбрейта необходимо выяснить социально-экономическое содержание понятия «технотруктуры», оценить ее с позиций классовой структуры буржуазного общества.

Прежде всего следует уточнить, что такое «власть технотруктуры», какой принцип положен в основу ее формирования и кто к ней относится. Обратимся к первоисточнику. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения. В развитом предприятии власть эта перешла окончательно и бесповоротно от индивидуума к группе. Произошло это потому, что только группа обладает необходимой для принятия решений информацией. И хотя, согласно уставу корпорации, власть в ней принадлежит владельцам, требования, диктуемые развитием техники и планированием, обусловили переход власти в руки технотруктуры»³¹.

Из этого определения можно заключить, что под властью Гэлбрейт понимает прежде всего то, что входит в функции управления современной корпорацией. А общим принципом объединения людей в группу выступает причастность к информации, используемой для принятия группового решения.

В соответствии с последним принципом Гэлбрейт весьма неопределенно характеризует состав «технотруктуры». Из его замечаний можно понять, что «технотруктура» значительно шире группы людей, традиционно входящих в состав администрации корпорации. Она включает в себя кроме администрации работников в «белых» и в «синих»

воротничках, т. е. «охватывает всех, кто обладает специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решений»³². Другими словами, «техноструктура» — это «целая совокупность ученых, инженеров и техников, специалистов по реализации, рекламе и торговым операциям, экспертов в области отношений с общественностью, лоббистов, адвокатов и людей, хорошо знакомых с особенностями вашингтонского бюрократического аппарата и его деятельности, а также посредников, управляющих, администраторов»³³.

Таким образом, «техноструктура» представляет собой многослойную социальную конструкцию без классовой определенности и структурной четкости. В ней в искаженной форме отразился ряд явлений современного капитализма: процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции, сложный процесс управления современными корпорациями, возрастающая роль технической бюрократии в научно-технической подготовке капиталистического производства.

Ложность «техноструктуры» заключается в том, что в ней искусственно объединяются люди, занимающие различное положение в социально-экономической структуре капитализма: владельцы собственности и наемные работники, представители интеллигенции. Среди последних немало людей по своему положению приближающихся к рабочему классу, а часть служащих («белых воротничков») непосредственно примыкает к пролетариату. Следовательно, в этой произвольно сконструированной общности есть группы, которые выражают противоположные классовые интересы. Отсутствие классового подхода лишает понятие «техноструктура» какого-либо смысла с социально-экономической точки зрения. Использование этой категории в анализе «нового индустриального общества» является неприкрытой апологией власти финансовой олигархии.

«Техноструктура» оказывается ложной социальной конструкцией и с точки зрения объективной оценки процесса управления капиталистическим производством. Этот процесс Гэлбрейт рассматривает односторонне как управление простым процессом труда, а усложнение функций управления только как прямое порождение «техники» и ее основных следствий.

Однако в действительности это не так. К. Маркс отмечал, что «по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двой-

ственности самого подчиненного ему производственного процесса...»³⁴. Труд в сфере управления капиталистическим производством действительно имеет две стороны: первая из них обусловлена технической основой процесса общественного труда, а вторая неразрывно связана с общественной формой этого процесса, отражает антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

В своем исследовании Гэлбрейт явно приуменьшает роль высших управляющих как ядра «техноструктуры» в современной корпорации. Рассматривая их деятельность только со стороны управления процессом общественного труда, Гэлбрейт приходит к важному, по его мнению, выводу: «Люди, занимающие высокий официальный пост в организации... осуществляют лишь ограниченную власть, поскольку речь идет о существовании принимаемых решений»³⁵. Их наиболее важная функция – формировать и изменять состав групп, принимающих решения. Следовательно, продолжает Гэлбрейт, вся полнота власти якобы сосредоточивается в низших поясах «техноструктуры».

Растущая концентрация и централизация капиталистического производства, конечно, вызывает к жизни новые формы управленческой деятельности, огромную и усложняющуюся систему управления. Рост аппарата управления сопровождается изменениями его функций. Руководители высшего уровня сами не занимаются решением конкретных вопросов, а сосредоточивают внимание на руководстве механизмом принятия решений и согласования проблем. Но эта функция не главная в их деятельности. Как доверенные лица капитала, они обязаны оберегать и осуществлять его интересы и в этих рамках наделены всеми необходимыми прерогативами власти. А в нижних поясах «техноструктуры» сосредоточена не власть, а производные функции управления, решение научно-технических задач по производству и сбыту новой продукции.

Верхушка руководства крупнейших корпораций тесно связана с собственностью как по линии реальной власти, так и по своему социально-экономическому положению. Прежде всего собственность осуществляет контроль над корпорацией непосредственно в форме капиталиста-предпринимателя. По данным И. И. Беглова, в пределах тысячи крупнейших американских компаний около 900 председательских и президентских постов принадлежит представителям семей, владеющих акциями на сумму свыше 10 млн. долл. Эти лица занимают руководящие посты по праву

владельца контрольного пакета и являются капиталистами-предпринимателями³⁶. В тех случаях, когда выдвижение наемных администраторов основано на доверии крупных акционеров, их судьба всецело зависит от воли настоящих владельцев корпораций.

Верхушка руководителей крупнейших корпораций фактически сливается с финансовой олигархией не только по линии реальной власти, но и по своему положению. Жалование, которое они получают в качестве президентов и вице-президентов компаний, по своему размеру представляет собой не плату за управление, а фактически часть предпринимательского дохода. В 118 крупнейших корпорациях США среднее жалование председателей советов директоров и президентов в 1964 г. составляло 152 тыс. долл. в год³⁷. Кроме основного жалования существуют различные формы дополнительного вознаграждения главных администраторов (премиальные бонусы, деловые расходы и т. п.), которые часто превышают основное жалование. Вместе с тем далеко не исключение, что высшие управляющие сами являются владельцами крупных пакетов акций, т. е. собственниками капитала.

Управленческая элита занимает особое положение в корпорации, в соответствии с которым формируется и ее правовой статус. Исследователи этой проблемы отмечают, что члены совета директоров или других органов избираются или назначаются на должность в особом порядке собственниками капитала. Официальные должностные лица компаний не считаются входящими в круг наемных служащих. Они связаны с компанией не трудовым договором, и их отношения входят в сферу не трудового, а гражданского или торгового права³⁸. При этом члены корпоративной элиты как бы сращиваются с хозяевами корпораций и сами становятся носителями власти капитала, используя ее для осуществления господства над наемным трудом.

Таким образом, под широкой крышей «техноструктуры» скрывается финансовый капитал, представляемый в процессе производства верхушкой административной элиты. Что касается основной массы специалистов, наполняющей по воле Гэлбрейта «техноструктуру», то она не обладает никакими признаками реальной власти, но играет всевозрастающую роль в подготовке решений по управлению простым процессом труда, особенно решений, связанных с научно-технической подготовкой капиталистического производства. При этом некоторые члены «техно-

структуры», занимающие среднее и нижнее положение в системе управления современной корпорацией, в какой-то мере наделены прерогативами власти. Как говорил К. Маркс, это «промышленные офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contre-maitres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала»³⁹.

В «техноструктуре» не так четко проявляются классовые интересы и можно найти немало обстоятельств, внешне затуманивающих картину капиталистической действительности. Однако совершенно очевидно, что основная часть членов «техноструктуры» — рядовые инженеры, техники и служащие — по своему социально-экономическому положению представляют эксплуатируемых наемных работников. Этот слой численно возрастает, что расширяет социальную базу классовой борьбы по мере развития научно-технической революции.

Таким образом, растворив высших управляющих в широкой массе «техноструктуры», лишив их действительной связи и зависимости от собственников капитала, а также ограничив их функции в корпорации минимальным участием в управлении, Гэлбрейт пытается создать видимость широкой «демократизации» процесса управления крупной корпорацией. Подменив собственников довольно представительной группой, Гэлбрейт открывает широкие горизонты для дальнейшей апологии монополистического капитала, для обоснования мнимого процесса «социализации» крупной корпорации. Этим приемом и ставится на место изжившей себя «революции управляющих» новая апологетическая концепция — «революция техноструктуры».

Анализ классовой сущности и социальных корней концепции «нового индустриального общества» будет не полным без оценки социально-политической направленности теоретических разработок Гэлбрейта, без учета его роли как идеолога американского либерализма в борьбе между двумя ведущими политическими партиями США — республиканской и демократической. Гэлбрейт всегда связывал свои теоретические изыскания с практической задачей обосновать необходимость существенных изменений в «программе либерального реформаторства», которая, по его словам, десятилетиями составляла основу для практического курса президентов от демократической партии.

... В книге «Новое индустриальное общество», вышедшей в свет в 1967 г., т. е. за год до окончания восьмилетнего

периода двух демократических администраций, автор пришел к выводу, что традиционная «программа либерального реформаторства» уже недостаточна для успешного решения набравших проблем государственно-монополистического капитализма. Основные причины этого кризиса Гэлбрейт видел в ограниченности традиционных кейнсианских методов регулирования экономики, оказавшихся не в состоянии удовлетворительно решить проблемы экономического роста, инфляции и безработицы. В осторожной форме Гэлбрейт высказал предположение, что основные принципы «либерального реформаторства» (призывы к экономическому росту, уменьшению безработицы и т. п.) на деле стали «политическим глашатаем индустриальной системы»⁴⁰.

Гэлбрейт связывает свои надежды с переориентацией «либерального реформизма» от узких экономических целей, способствующих процветанию «индустриальной системы», к более широким целям общественности, выражающим интересы различных слоев общества.

О новых общественных целях и путях их достижения в книге «Новое индустриальное общество» говорится в форме критики некоторых «негативных тенденций» развития «индустриальной системы». Автор писал о желательности ограничения гонки вооружений, переключения части освобождающихся при этом ресурсов на соревнование США с Советским Союзом в области использования современной науки и техники для мирных целей, о необходимости постоянного контроля над заработной платой и ценами, об улучшении системы образования, об охране окружающей среды, о повышении внимания по всему комплексу проблем «качества жизни» современного человека. При этом главной политической силой решения этих задач, по мнению Гэлбрейта, должна стать интеллигенция, точнее, «сословие педагогов и ученых».

Поражение демократической партии на президентских выборах 1968 г. заставило многих либеральных деятелей задуматься над причинами потери доверия, над дальнейшей судьбой этой партии. Выступил и Гэлбрейт со своими идеями обновления «либерального реформаторства». Наиболее полно они изложены в вышедшей в 1970 г. книге «Кому нужны демократы и что следует сделать для того, чтобы быть нужными»⁴¹, где главное внимание сосредоточивается на практическом использовании основных теоретических идей «нового индустриального общества» для обоснования программы возрождения демократической партии.

Здесь Гэлбрейт уже прямо говорит о необходимости национализации корпораций военных отраслей экономики, о расширении государственного сектора за счет транспорта, коммунального хозяйства, об установлении гарантированного минимума дохода для тех, кто не может получить работу, о совершенствовании системы прогрессивного налогообложения. Все эти меры и есть «социализм» в понимании Гэлбрейта. Поэтому он предлагает взять на вооружение демократической партии термин «социализм».

Надежды Гэлбрейта на обновление «либерального реформизма» демократической партии связаны с некоторыми политическими моментами. Как известно, на президентских выборах 1972 г. кандидат демократической партии Дж. Макговерн выступил с позиций леволиберальных групп этой партии. Свою предвыборную программу он составил не без влияния идей Гэлбрейта. Со своей стороны Гэлбрейт в книге «Экономические теории и цели общества», вышедшей в 1973 г., т. е. через год после поражения Макговерна, сделал попытку теоретически осмыслить основные требования программы его реформ.

Если в книге «Новое индустриальное общество» критика недостатков велась в общей форме, без конкретного адреса, то в книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт выступает с резкой критикой «негативных тенденций» развития «индустриальной системы» и пытается взвалить всю ответственность за них на республиканскую администрацию, якобы полностью отдавшую себя в распоряжение «планирующей системы».

Таким образом, обличительный пафос концепции «нового индустриального общества» в том виде, в каком он выступает в книге «Экономические теории и цели общества», в значительной мере продиктован политическими целями борьбы с республиканской партией, а также с критикой наиболее консервативных элементов в самой демократической партии.

Характеризуя республиканскую партию США как «инструмент планирующей системы», Гэлбрейт противопоставляет ей демократическую партию, якобы менее восприимчивую к солидарности с интересами крупных корпораций. Особенно это относится к левому крылу партии. С образованием подобной политической силы, будто бы противостоящей давлению «планирующей системы», он связывает возможность освобождения государства от узких интересов крупных корпораций и проведения либеральных реформ.

Однако подобные взгляды представляют собой утопию, полностью оторванную от жизни. В действительности буржуазная система выборов, чередование у власти разных партий служат одной цели — усилению политического контроля монополистической буржуазии над массами трудящихся. Те или иные методы и формы контроля, осуществляемые республиканской или демократической партией, не меняют сущности контроля.

Критический анализ основных черт концепции «нового индустриального общества» показывает, таким образом, ее апологетический классовый смысл. Несмотря на свою оригинальность и критический настрой по отношению к традиционной буржуазной политэкономии, эта концепция представляет собой попытку истолковать ход и социальные последствия научно-технической революции исходя из классовых интересов монополистической буржуазии. Хотя в основу анализа Гэлбрейтом и положены некоторые реальные процессы и явления современного капитализма, общая апологетическая установка привела к грубому искажению как содержания научно-технической революции, так и ее воздействия на современный капитализм.

2. Особенности методологии концепции «нового индустриального общества»

Критический анализ методологии Гэлбрейта позволяет глубже понять кризисное состояние современной буржуазной экономической теории, направление ее дальнейшей вульгаризации.

Автор концепции «нового индустриального общества» считает, что «неоклассическая модель»⁴² не в состоянии правильно отразить действительность. Поэтому он предлагает коренным образом обновить методологическую основу современной экономической теории.

Главное внимание при этом сосредоточивается на характеристике современного экономического развития как социального процесса, обуславливающего расширение традиционных рамок экономической теории, на необходимости ее интеграции со смежными социальными дисциплинами. В трактовке основных категорий Гэлбрейт опирается на описательный метод, дополняя его признанием определяющей роли техники в общественном развитии, так называемым «технологическим детерминизмом». Придавая исключительную роль в механизме функционирования «инду-

стриальной экономики» потребителскому спросу, Гэлбрейт отвергает наиболее одиозные догмы теории предельной полезности и пытается обосновать новую концепцию потребления в условиях «общества изобилия». Отличительной особенностью методологии Гэлбрейта является его «марксология». Рассмотрим основные аспекты методологии Гэлбрейта подробнее.

Важная сторона методологии Гэлбрейта заключается прежде всего в общей интерпретации современного экономического процесса и в признании необходимости расширения предмета экономической теории. По его мнению, основная причина оторванности от жизни «неоклассической системы» состоит в том, что экономическая действительность трактуется в ней как статичная, застывшая в своем развитии система.

Это связано, по мнению Гэлбрейта, с тем, что до сих пор все неоклассики «краеугольным камнем» анализа экономической действительности считают рыночный механизм и его закон спроса и предложения, стремление фирмы к максимизации прибыли. И хотя за длительную историю своего существования «неоклассическая модель» претерпела немало изменений, «усовершенствования не оказывают влияния на основную суть этой теории и даже не касаются ее»⁴³.

В интерпретации Гэлбрейта социально-экономическая реальность — это динамичный процесс непрерывных изменений, отмирания старого и возникновения нового. При этом в «индустриальной системе», по его мнению, рынок и конкуренция перестали существовать. Как механизм, они полностью заменены так называемым «промышленным планированием». Механизм рынка продолжает существовать только в «рыночной системе». И потому, утверждает Гэлбрейт, дальнейшее совершенствование знаний о рыночном механизме, чем в основном якобы и занимается традиционная буржуазная экономическая теория, ничего нового в объяснении действительности дать не может.

Более того, заявляет автор концепции «нового индустриального общества», ее основной функцией стало не стремление к пониманию и улучшению экономической системы, а сокрытие источника экономической власти (т. е. власти крупных корпораций). Признание «неоклассической системой» так называемого «суверенитета потребителя» и его контроля над экономической системой, утверждает Гэлбрейт, чрезвычайно важно только для поддержания «духа свободы» в современном обществе. В создании свое-

образной «ширмы, прикрывающей власть корпорации»⁴⁴, Гэлбрейт видит так называемую «инструментальную функцию экономической теории»⁴⁵.

По мнению Гэлбрейта, нет необходимости скрывать власть крупных корпораций. Этот фактор следует считать главным в экономическом анализе, рамки которого в таком случае значительно раздвинутся.

В отличие от естественных наук, где меняются только наши знания о предмете науки, в экономической теории «изменениям подвержены как наши знания, так и изучаемый объект»⁴⁶, замечает Гэлбрейт. В условиях научно-технической революции «изучаемый объект» якобы претерпел такие изменения, которые выходят далеко за пределы сферы производства материальных благ. А так как, продолжает Гэлбрейт, все изменения в обществе взаимосвязаны и взаимообусловлены, то «рассматривать весь комплекс изменений — это значит рассматривать действительность как она есть»⁴⁷.

Попытка рассмотреть современную экономику как динамичную систему, развивающуюся в тесном взаимодействии со всеми социальными явлениями, неизбежно ведет Гэлбрейта к расширению предмета исследования за рамки традиционной экономической теории, приближает ее к социологии.

Практически все, что может быть прямо или косвенно связано с объяснением экономических процессов, с проявлением власти крупных корпораций, по его мнению, должно входить в предмет исследования. Поэтому в концепции «нового индустриального общества» он обращается к анализу самых различных проявлений общественной жизни: рассматривает крупные корпорации и государство, «техноструктуру», профсоюзы, «сословие педагогов и ученых», домашнее хозяйство, законодательные органы и политические партии США, систему образования, характер безработицы, различные движения протеста и т. п.

Только на широком социальном фоне, считает Гэлбрейт, можно полностью раскрыть содержание таких прокламируемых им проявлений процесса «трансформации» капитализма в «новое индустриальное общество», как «промышленное планирование», «революция техноструктуры», «социализация развитой корпорации», слияние «индустриальной системы» и государства, ослабление созидательно-революционной роли рабочего класса и повышение социальной активности интеллигенции.

Как уже отмечалось, одним из факторов, определяющих рамки предмета экономического исследования, у Гэлбрейта является категория власти. В современном обществе власть корпорации во всем объеме — это контроль «над ценами, издержками, потребителями, поставщиками, правительством»⁴⁸. С категорией власти связана трактовка всех наиболее важных социальных процессов капитализма. Самый большой недостаток такого раздела традиционной экономической науки, как теория корпорации, Гэлбрейт видит в пренебрежении к тщательному анализу механизма власти в современной корпорации⁴⁹.

Если бы экономисты воспользовались накопленным опытом в такой новой области общественной науки, как теория принятия решений в сложных организациях, заявляет Гэлбрейт, то они заметили бы, что источник власти переместился от капитала к «промышленной бюрократии». Поэтому жизненность экономической теории, усиление ее социальной функции буржуазный экономист связывает с признанием экономистами категории власти во всех ее проявлениях.

Включение в анализ широких сфер общественной жизни, не входящих в традиционно экономические области, связано с некоторой потерей определенности в теоретических построениях Гэлбрейта, что особенно заметно в книге «Новое индустриальное общество», ряд разделов которой носит слишком абстрактный характер. Автор объясняет это тем, что «прогресс в области культуры и эстетики измерить нелегко», здесь много субъективного и спорного. Напротив, валовой национальный продукт или уровень безработицы есть «нечто объективное и измеримое»⁵⁰.

Отмеченные особенности предмета исследования в трактовке Гэлбрейта свидетельствуют о том, что буржуазная политическая экономия уже не может полностью игнорировать уровень развития производительных сил, его возросшую роль в динамике всех социальных явлений современного общества. Эта зависимость все больше выступает в форме господства капиталистических монополий не только над сферой экономики, но и над всем обществом. В любой точке современного социального организма США можно почувствовать власть финансового капитала. Именно эта сторона нашла искаженное отражение в том большом внимании, которое Гэлбрейт уделяет проблеме власти крупной корпорации. Вместе с тем Гэлбрейт широко применяет в анализе социологические методы, что затушевывает

действительный характер взаимодействия производительных сил и социальных процессов, исключает из анализа производственные отношения капитализма. При этом смазывается действительная сущность социальных явлений современного общества, меняются своими местами причина и следствие явлений.

Описывая внешние проявления власти монополий, Гэлбрейт в то же время искажает сущность этой власти, ее источник. У него получается, что это уже не власть капиталистов, а власть «техноструктуры»; не власть буржуазного государства, а власть «государства техноструктуры» и т. д. Поэтому социологический подход Гэлбрейта к анализу экономических явлений хотя и позволяет фиксировать ряд важнейших явлений современной действительности, но в конце концов ведет к искажению социально-экономической сущности этой действительности.

Общий социологический подход к оценке экономического процесса дополняется трактовкой основных категорий «нового индустриального общества» в духе традиционного американского институционализма, в определенной степени приспособленного к современности⁵¹.

В соответствии с традицией американского институционализма Гэлбрейт считает, что реальные институты (или институции) общества (корпорация, государство, «техноструктура», профсоюзы, домашнее хозяйство и т. п.) являются формой воплощения психологических феноменов, т. е. распространенных в обществе мнений, идей, а также традиций, обычаев, нравов. «Внутренние мнения» заменяют человеку реальный мир и определяют «нормы поведения и деятельности — в работе, потреблении, сбережении, налогообложении, регулировании...»⁵².

«Внутренние мнения», и прежде всего экономическая теория, продолжает Гэлбрейт, по своей природе являются консервативными. Экономисты охотнее совершенствуют свои знания в таких областях, как механизм ценообразования, теория фирмы, чем признают коренные изменения в самих изучаемых институтах. Гэлбрейт отмечает, что, хотя такие явления, как «развитая корпорация», профсоюзы, крупные государственные закупки продукции, регулирование цен и заработной платы, «широко распространенное изобилие», не могут считаться новыми для американской жизни, полного их отражения в экономической теории нет⁵³.

Таким образом, считает Гэлбрейт, образуется свое-

образный лаг между нынешним состоянием «внушенных мнений» и реальными явлениями, которые постоянно изменяются под влиянием «техники». В условиях научно-технической революции, когда динамизм социальных изменений резко возрастает, устаревшие «внушенные мнения» перестают идти в ногу с реальными изменениями общественных институтов. Именно такое состояние, по мнению Гэлбрейта, характерно для современного американского «общественного мнения» вообще и для традиционной экономической мысли («неоклассической системы») в частности.

Одной из важных форм преодоления лага между устаревшей экономической теорией и окружающей реальностью, по мнению Гэлбрейта, является признание «техники» и ее основных следствий главными факторами изменения социально-экономической действительности. В его интерпретации «техника» представляет собой силу («императив»), обладающую собственной логикой развития, динамизмом и принуждением. Без этого «технологического детерминизма», по мнению Гэлбрейта, невозможно правильно понять как современные экономические институты, так и закономерности функционирования и тенденции развития социально-экономической системы в целом.

Логическим результатом широкого распространения среди общественности фундаментальных идей «нового индустриального общества» явится будто бы такое понимание окружающего мира, которое будет исходить из признания существенных различий целей «планирующей системы» и интересов широких слоев общества. Такое состояние «внушенных мнений» Гэлбрейт называет особым термином «общественное понимание» (Public Cognizance)⁵⁴.

Конечно, нет необходимости отрицать влияние идей экономистов на состояние распространенных в обществе мнений, нравов, привычек и традиций, а последних на поведение людей в хозяйственной жизни. Порок методологии Гэлбрейта не в этом, а в том, что в основе категории «нового индустриального общества» лежит как вульгарно-материалистическая трактовка экономических явлений («технологический детерминизм»), так и субъективный идеализм (рассмотрение форм «общественного понимания» как движущей силы экономического развития). Для истинного «общественного понимания» (т. е. в интересах всего общества) необходим подлинно научный анализ объективных экономических законов развития общества. А в этом не может быть заинтересована буржуазная теория.

Рассматривая основные понятия концепции «нового индустриального общества» как психологические феномены, связанные с категорией власти и обусловленные развитием «техники», Гэлбрейт в какой-то мере фиксирует возросшую зависимость социальных явлений от уровня развития производительных сил общества. Эта сторона методологии позволяет Гэлбрейту в ряде случаев подойти к описанию современной действительности гораздо ближе, чем это можно сделать на основе «неоклассической модели». Изгоняя из анализа производственные отношения, он искажает не только социально-экономическую сущность рассматриваемых институтов, но и получает возможность толковать их природу и тенденции развития в апологетических целях.

В качестве примера возьмем трактовку Гэлбрейтом содержания института «развитой корпорации». Последняя рассматривается Гэлбрейтом в виде «социального целого», сложной организационной системы, якобы созданной для удовлетворения потребностей личности. При этом классовая структура корпорации подменяется рядом группировок по признаку сходства мотивов поведения в процессе производства, изменение которых напрямую выводится из «техники». Размеры «развитой корпорации» якобы обусловлены только требованиями «промышленного планирования» или в конечном счете развитием «техники». «Размеры фирмы «Дженерал моторз» обусловлены не требованиями монополии или экономии, связанной с масштабом производства, а требованиями планирования»⁵⁵⁻⁵⁶. С этих же методологических позиций рассматривается весь механизм функционирования крупной корпорации, трудовые отношения внутри ее и взаимоотношения корпорации с государством.

При таком подходе внешне фиксируется социальный характер категории «развитой корпорации», ее зависимость от уровня развития производительных сил. Однако игнорирование отношений собственности, классового подхода искажает социально-экономическую сущность этой категории. Капиталисты-собственники подменяются «техноструктурой», монопольная власть — «промышленным планированием», погоня за прибылью — «новыми» социально ориентированными целями «техноструктуры». Таким образом, современная капиталистическая монополия превращается в «развитую корпорацию», экономическую основу «нового индустриального общества», якобы уже лишённого основных признаков буржуазного общества.

Подобным образом трактуются и другие категории концепции «нового индустриального общества»: экономическая роль государства, роль профсоюзов, безработица и инфляция, социальная роль образования и интеллигенции и т. д. Создается впечатление, что Гэлбрейт в своем анализе пытается исходить из идеи о первостепенной и определяющей роли производительных сил, научно-технического прогресса в развитии общества. Однако рассматривая основные институты как «социальное целое», выхолащивая из них производственные отношения, он тем самым подменяет анализ общественно-экономических отношений различными формами общесоциологических отношений, растворяет политэкономия в социологии. Исследуя социальные изменения как непосредственный результат развития «техники», технико-организационной стороны производства, Гэлбрейт грубо искажает действительный характер зависимости социальных явлений от уровня развития производительных сил. В этом и проявляется вульгарная трактовка Гэлбрейтом экономических явлений, что представляет наиболее общую черту методологии всей буржуазной политической экономии.

Методологический порок концепции Гэлбрейта состоит и в том, что для его трактовки основных институтов характерен субъективный идеализм. Различные институты трактуются как некое состояние общественного сознания: форма проявления общественных отношений превращается в причину и движущую силу этих отношений. Следовательно, искажается объективная сущность общественно-производственных отношений, их обусловленность и взаимосвязь с уровнем развития производительных сил. К чему ведет такой методологический прием, можно судить по тому, как представляет себе Гэлбрейт процесс дальнейшего совершенствования капиталистической экономики, какую роль в этом процессе он отводит преодолению лага между устаревшими «внушенными мнениями» и «общественным пониманием», при котором якобы исходят из признания различия целей «планирующей системы» и интересов общества.

Как известно, необходимым условием осуществления «общей теории реформ», направленной будто бы на коренное усовершенствование «нового индустриального общества», считается перестройка всего «общественного понимания» в соответствии с требованиями новой интерпретации окружающей действительности (т. е. практически с интер-

претацией общественного процесса как процесса «трансформации» в «новое индустриальное общество»). Поскольку в современном обществе, утверждает Гэлбрейт, не собственность, а «убеждение... превращается в основной инструмент осуществления власти»⁵⁷, то совершенствование всей экономической системы должно начинаться со сферы «общественного понимания», с преодоления его отставания.

Этот процесс оздоровления «общественного понимания», по мнению Гэлбрейта, включает в себя выявление и критическую оценку как источников господствующих в обществе идей, традиций, обычаев, так и особых инструментов для их распространения в обществе. Главным источником нынешнего состояния «общественного понимания» он считает «индустриальную систему», ее монополию «на формулирование общественных задач»⁵⁸. Важными инструментами распространения господствующих в обществе идей, мифов, обычаев и т. п., по его мнению, является прежде всего экономическое образование, которое в настоящее время основано на принципах «неоклассической системы». Другими инструментами являются будто бы общее образование, реклама и другие формы открытого убеждения, современный механизм формирования государственной политики и т. д.⁵⁹

Таким образом, стратегическое значение концепции «нового индустриального общества» состоит в том, что она рассматривается в качестве способа воздействия на изменение «общественного понимания» Гэлбрейт считает, что, став привычкой или обычаем, новое «общественное понимание», основанное на теории «нового индустриального общества», будет по-новому определять образ действия человека. Так, рассуждает он, покупатели, понимающие истинные цели коммерческой рекламы и сопротивляющиеся ее грубому нажиму, могли бы способствовать своим пренебрежением к рекламируемым товарам уменьшению выпуска ненужных товаров и увеличению выпуска необходимых⁶⁰. Люди, облеченные властью и проникнутые идеями «нового индустриального общества», могли бы способствовать осуществлению «стратегии реформ» и тем самым совершенствованию капиталистического общества.

Однако в действительности такая трактовка институтов означает не что иное, как идеалистическое утверждение определяющей роли общественного сознания в экономическом развитии общества. Порок методологии Гэлбрейта не

в том, что он признает влияние общественного сознания на поведение людей, а в том, что он рассматривает его как источник и основную движущую силу экономического развития.

Важной особенностью методологии Гэлбрейта является признание необходимости пересмотра ряда явно устаревших теоретических положений буржуазной экономической теории, связанных с трактовкой потребительского спроса, который играет исключительную роль в механизме функционирования экономики «нового индустриального общества».

Исходным пунктом для Гэлбрейта является кейнсианская идея о том, что главные факторы динамического равновесия экономической системы заключены в реализации, т. е. лежат на стороне спроса. Но в определении цели и методов регулирования спроса позиция Гэлбрейта заметно отличается от кейнсианской. Для него главной целью регулирования служит не экономический рост сам по себе, а такой рост, который был бы направлен на улучшение «качества жизни» человека. Другими словами, реализация громадных сбережений, расширение инвестиций должны способствовать, по его мнению, уменьшению неравномерности в развитии различных секторов американской экономики, уменьшению перепроизводства ненужных товаров и услуг в «индустриальной системе» и увеличению производства в так называемом «рыночном секторе».

Каким же образом можно придать американской экономике такое направление развития? И здесь на первое место выдвигается потребительский спрос. Именно в особенностях последнего якобы заключены все надежды на устойчивое развитие экономики, на оптимальное соотношение между производством и потреблением. При этом анализ потребительского спроса начинается издалека.

Один из устаревших догматов «неоклассической системы» — так называемый «суверенитет потребителя», или, как характеризуется это явление в книге «Новое индустриальное общество», «общепринятая последовательность»⁶¹. Согласно этому догмату, говорит Гэлбрейт, власть индивида над рынком основана на свободном выражении воли потребителя в распределении своего дохода между предлагаемыми рынком товарами и услугами. Предписания потребителя в форме изменения закупок указывают фирме путь к максимизации прибыли, которая является единственной целью фирмы⁶².

Однако в современных условиях, продолжает Гэлбрейт, не индивид осуществляет верховную власть над рынком, а через него над производителем, а, наоборот, производитель посредством рекламы и других форм убеждения властвует над покупателями и потребителями. «Развитая корпорация» обладает полным набором инструментов для контроля над своей «экономической средой». Следовательно, в «индустриальной системе» «общепринятая последовательность» не отражает более действительного положения дел. Здесь скорее нужно говорить об «обратной последовательности», делает вывод Гэлбрейт.

Отвергая так называемый «суверенитет потребителя» («общепринятую последовательность»), Гэлбрейт критикует некоторые догмы субъективно-психологической теории предельной полезности, которая до сих пор служит одним из методологических устоев буржуазной политической экономии. Согласно этой теории, рассуждает Гэлбрейт, и современный потребитель тратит свои доходы так, что «удовлетворение достигает максимума, когда результат небольшого приращения расходов одинаков во всех покупках»⁶³. А так как удовлетворение от различных возможностей тратить доход сугубо индивидуально, то любое вмешательство извне в процесс распределения дохода (например, реклама) нарушает принцип личных предпочтений. Следовательно, делает вывод Гэлбрейт, традиционная экономическая теория расходится с жизнью.

Из этого совсем не следует, что Гэлбрейт в принципе отрицает субъективно-психологический подход в экономическом анализе. Он не считает ошибочной описанную выше «модель поведения потребителя» для более ранних стадий экономического развития, а в настоящее время для такой части экономики, как «рыночная система». По его мнению, ошибка состоит в механическом применении устаревшей «модели поведения потребителя» в эпоху господства «индустриальной системы» без существенных изменений «Проблема заключается не в первоначальной ошибке экономической теории, — замечает Гэлбрейт, — а в устарелости доктрины»⁶⁴.

Критическое отношение Гэлбрейта к субъективистскому представлению о чисто внутреннем характере предпочтения полезностей потребителями можно понять. В условиях современной жизни изолированный индивид, принимающий решение на основе своих психологических склонностей, становится явно устаревшей фигурой. Современные методы

количественного анализа потребительского спроса и механизм влияния на выбор потребителя с помощью рекламы явно не укладываются в узкие рамки абстрактных догм теории предельной полезности.

Почему же столь явное несоответствие не учитывается экономистами «неоклассической системы»? А потому, поясняет Гэлбрейт, что это было бы равносильно признанию несостоятельности всей традиционной экономической теории. И далее он развивает эту мысль.

Признание рекламы фактором, порождающим потребности, означало бы, что в случае отсутствия внушения некоторые товары не имели бы спроса, что равносильно «снижающейся предельной полезности добавочного дохода»⁶⁵. Но это поставило бы под сомнение ключевые положения «неоклассической модели», которые гласят: человеческие «потребности однородны и беспредельны», поэтому нет предела увеличению объема производства, который становится единственным «мерилом достижений общества»; поэтому требование о замене работы досугом надо всячески осуждать как антиобщественное, направленное на уменьшение экономического роста⁶⁶.

Таким образом, известный консерватизм «неоклассической системы», ее терпимое отношение к явно устаревшим элементам теории предельной полезности объясняются, по мнению Гэлбрейта, тем, что «экономисты решительно поддерживают те убеждения, в которых корпорации более всего заинтересованы»⁶⁷. Естественным результатом таких сложных исходных предпосылок и представлений о механизме функционирования капиталистической экономики, продолжает Гэлбрейт, являются различные варианты теорий роста, нацеленные на достижение высоких темпов увеличения национального дохода, повышение занятости при относительно стабильных ценах.

Однако реальная практика доказала, что это далеко не так. В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт показал, что ориентация на безграничное повышение темпов роста не в состоянии обеспечить сбалансированное развитие американской экономики, ведет к разрушению окружающей среды и ухудшению показателей «качества жизни». Все более актуальным становится вопрос о «разумных» темпах экономического роста, об усилении вмешательства государства в экономику. Другими словами, нужна новая методологическая основа для теории «разумного» экономического роста. Эта теория должна опираться на

новые теоретические концепции потребительского спроса, очищенные от наиболее одиозных элементов. И Гэлбрейт создает свою модель поведения потребителя в условиях «экономики растущего благосостояния» «нового индустриального общества».

Экономическая теория, претендующая на реальное отображение действительности, считает Гэлбрейт, должна учитывать особенности «экономики растущего благосостояния»⁶⁸. Эти положения, отмечает он, уже дважды были им рассмотрены в предшествующих книгах⁶⁹.

Отличительной чертой современного индустриального развития, по мнению Гэлбрейта, становится то, что потребности человека перешагнули рубеж так называемого «физиологического минимума» (т. е. утоление голода, защита от холода, нужда в жилище, устранение боли) и продолжают расширяться, приобретая большей частью психологический характер. Особенность же психологических потребностей состоит в том, что лишение их не причиняет явного неудобства человеку, а обладание ими связано с определенными психологическими реакциями: чувством личного успеха, равенства с соседями, сообщает внешнему облику привлекательность в соответствии с общепринятыми стандартами и т. п. Эти потребности «превосходно поддаются управлению посредством воздействия на психику»⁷⁰. Реклама, утверждает Гэлбрейт в книге «Общество изобилия», «эффективна только для тех, которые настолько далеки от физических потребностей, что уже не знают, чего хотят»⁷¹.

В «бедном и примитивном» обществе, т. е. на ранних стадиях индустриального развития, продолжает он, «потребности масс сводятся в основном к физиологическому минимуму»⁷². Здесь массы не стоит убеждать, как им тратить свой доход, он будет истрачен на предметы первой необходимости — питание и жилье. В условиях «всеобщего благосостояния» вместе с высоким доходом появляется возможность стимулировать потребление и управлять спросом масс посредством рекламы, широкого использования радио и коммерческого телевидения. «Индустриальная система глубоко зависит от коммерческого телевидения и без него в своей нынешней форме не могла бы существовать»⁷³.

Все эти рассуждения можно свести к следующему: в условиях безудержной погони «индустриальной системы» за экономическим ростом и приверженности «техноструктуры» к техническим усовершенствованиям «производство и сбыт ограничено полезных или совершенно бесполезных

изделий становятся обычной чертой экономической системы»⁷⁴. При отсутствии массового убеждения потребителей, рассуждает Гэлбрейт, вполне возможно уменьшить интерес населения к приобретению товаров, удовлетворяющих прежде всего «психологические потребности». Это привело бы к уменьшению производства таких товаров и услуг в «индустриальной системе», к перераспределению ресурсов в обществе, к переориентации на «разумные» темпы роста, к повышению роли качественных сторон жизни человека в оценке экономических достижений. Однако эти надежды иллюзорны.

В своем анализе Гэлбрейт исходит из одностороннего понимания природы человеческих потребностей как биологических инстинктов, подверженных тому или иному влиянию социальной среды. При таком подходе исчезают из поля зрения прежде всего социальная обусловленность потребностей, экономическое положение человека в обществе. «...«Общественная потребность», т. е. то, что регулирует принцип спроса, — писал К. Маркс, — обуславливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением...»⁷⁵

Применяя терминологию Гэлбрейта, можно сказать, что как в «бедном и примитивном», так и в современном обществе «всеобщего благосостояния» потребности рабочего класса социально обусловлены: их предметное содержание зависит от того, что больше чем на компенсацию стоимости своей рабочей силы он рассчитывать не может. Суть дела не меняется от абсолютного уровня предметного выражения потребностей. Для класса буржуазии и в эпоху доиндустриального развития была применима формула «всеобщего благосостояния».

Потребности человека проходят через сознание людей и несут поэтому на себе печать субъективной оценки, могут быть объектом манипулирования. Но в конечном счете они имеют объективную основу. Отрывая одно от другого, Гэлбрейт в своей критике современной политики манипулирования спросом потребителей со стороны «индустриальной системы» отводит удар от монополистической буржуазии, от стремления монополий к экономическому росту ради увеличения прибылей, а все внимание переключает на психологический характер потребностей, на психологические методы борьбы с социальными издержками управления спросом.

Гэлбрейт верно подмечает, что в условиях современного

капитализма управление спросом масс призвано сформировать «человека-потребителя», готового «тратить доход и работать больше, потому что он всегда нуждается в большем»⁷⁶. Быстрая замена новых товаров более новыми, новизна привлекает внимание, но далеко не всегда сочетается с истинной полезностью товаров. Трезво подмечаются и другие обстоятельства. Но при этом ни одного слова о том, что концентрация потребностей личности на материальных благах и услугах, производимых крупными корпорациями, является выражением целей монополистической буржуазии, направленных на отвлечение внимания трудящихся от проблем эксплуатации, от борьбы за экономическую и политическую власть, от борьбы за всестороннее развитие личности.

В процессе психологических изысканий Гэлбрейт не теряет из виду зависимость потребностей от производства и рекламы, видит новую задачу производства в том, чтобы не только выпускать товары, но и стимулировать потребности. Однако порочная методология психологизма не позволила Гэлбрейту даже приблизиться к правильному пониманию диалектической взаимосвязи производства и потребления. Наиболее ярко это заметно в его предложениях по стабилизации экономики современного капитализма.

Во всех своих работах, начиная с книги «Общество избытка», Гэлбрейт не одобряет безудержный экономический рост, особенно в «индустриальной системе». С перепроизводством товаров и услуг в этом секторе экономики он связывает многие негативные явления «нового индустриального общества». Поэтому основной путь к стабилизации экономики он видит в ограничении национального дохода на уровне удовлетворения необходимых потребностей страны. При этом, абсолютизируя обратное влияние потребления на производство, он все внимание сосредоточивает на сокращении потребностей населения, формируемых прежде всего за счет рекламы.

Такой взгляд основан на утверждении Гэлбрейта о «снижающейся предельной полезности добавочного дохода», о падающей полезности создаваемых рекламой потребностей⁷⁷. Однако этот вывод противоречит объективному процессу возвышения потребностей. Вновь и вновь обнаруживается односторонность Гэлбрейта, не видящего, что возвышение потребностей имеет социально обусловленный характер.

При капитализме ориентация потребностей получает

однобокий характер. Независимо от объема материальных благ и услуг в капиталистическом обществе постоянно остаются неудовлетворенными ряд потребностей трудящихся, сознательно подавляются духовные, морально-этические, политические потребности общества. Однако, несмотря на преграды капиталистических производственных отношений, и в современных условиях идет процесс возвышения потребностей. Для трудящейся части общества не применим идеалистический догмат Гэлбрейта, призванный скорее подкрепить его позиции буржуазного реформиста, чем служить инструментом познания объективного мира.

Отличительная черта концепции Гэлбрейта — так называемая «марксология». Обращаясь к ряду тенденций современной капиталистической экономики, он пытается «перетолковать» К. Маркса, лишить его учение революционной силы путем признания правильности выводов Маркса в прошлом и отрицания какого-либо значения марксизма в настоящем.

Возрождение интереса к Марксу среди американской молодежи, считает Гэлбрейт, стало следствием кризиса традиционной экономической теории, ее неспособности дать удовлетворительное объяснение окружающей действительности. Так как Маркс долго был недоступен для «честной мысли», то нынешняя приверженность Марксу представляется будто бы лишь «признаком мужественного раскрепощенного мышления»⁷⁸. Объективной основы для такой реакции в настоящее время нет; считает Гэлбрейт; если у марксизма и были заслуживающие внимания положения, то они якобы относятся к «доиндустриальному» прошлому. «Маркс предвидел многие тенденции капиталистического развития, однако он не обладал сверхъестественной силой, позволявшей ему в свое время предвидеть все, что в конце концов произойдет»⁷⁹. «Марксистская система, — продолжает Гэлбрейт, — в прошлом была великой альтернативой классической экономической мысли»⁸⁰. Но ее принципы были якобы всего лишь менее неправдоподобными, чем предпосылки «неоклассической модели».

Здесь имеется в виду отношение марксизма к вопросу о власти на предприятии и в обществе как якобы основному предмету экономической науки, признание тенденции концентрации производства и капитала, решающей роли технического прогресса и роли крупных предприятий, интерес к государству как исполнительному комитету капиталистов. Однако, спешит поправиться Гэлбрейт, эти тенденции

имели место в прошлом, в эпоху капитализма. В «новом индустриальном обществе» хотя и происходит что-то внешне похожее, но причины этих процессов якобы принципиально иные.

Что же произошло после Маркса, «что надо принимать в расчет сейчас»? Оказывается, в настоящее время власть перешла от собственников капитала к «техноструктуре», рынок полностью заменен «планированием», государство теперь не исполнительный комитет капиталистов, а исполнительный комитет «техноструктуры». И вот с этих методологических позиций Гэлбрейт пытается «перетолковать» основные предпосылки революции по Марксу, которые якобы в настоящее время уже не действуют. Он приписывает Марксу выводы о фатальной ограниченности рынка, о том, что Маркс будто бы не предвидел возможности регулирования спроса со стороны государства и т. п. Подробнее эти вопросы будут рассмотрены дальше. Здесь же полезно в качестве примера «марксологии» Гэлбрейта привести трактовку им вопроса о концентрации капитала.

Гэлбрейт признает факт растущей концентрации капиталистического производства. Однако он подчеркивает, что нельзя исходить из кажущейся внешней аналогии между признаваемым им ростом крупных корпораций за счет поглощения и «предсказанным Марксом процессом капиталистической концентрации, в котором крупные капиталисты во все больших масштабах пожирают более мелких»⁸¹. У Маркса, поясняет Гэлбрейт, основным побудительным мотивом концентрации были якобы только «эксплуатация и прибыль». А в настоящее время слияние будто бы преследует другие мотивы: «...достижение бюрократических преимуществ, рост престижа и дохода техноструктуры»⁸². У Маркса процесс концентрации сопровождался усилением власти капиталиста, продолжает Гэлбрейт, а в настоящее время слияние якобы ведет к уменьшению власти капиталиста и к увеличению власти «техноструктуры».

На самом деле Маркс всегда исходил из диалектического взаимодействия двух сторон процесса концентрации, подчеркивая при этом определяющее значение производственных отношений капитализма. Гэлбрейт же в своей попытке приблизиться к объяснению реальной действительности на самом деле искажает ее, демонстрируя тем самым несостоятельность предложенных им методологических принципов.

Таким образом, критический анализ методологических

основ концепции «нового индустриального общества» показывает, что современная буржуазная политическая экономия переживает глубокий кризис. Признавая этот факт, Гэлбрейт объясняет его ошибками в методологии познания действительности. Теорией «нового индустриального общества» он пытается исправить эти ошибки и вывести буржуазную экономическую теорию из тупика.

В своих исследованиях Гэлбрейт фиксирует важнейшие социальные процессы современной эпохи с большей откровенностью, чем это присуще традиционной экономической теории. Однако, признавая зависимость социальных процессов от развития производительных сил, и в частности от научно-технической революции, Гэлбрейт в то же время не смог приблизиться к подлинно научному освещению взаимодействия производительных сил и производственных отношений капиталистического общества. Преградой на этом пути встали методология исследования и классовая буржуазная позиция исследователя.

Методологии Гэлбрейта присущи черты, общие всей буржуазной политэкономии: вульгарно-материалистическая трактовка экономических явлений, а также субъективно-идеалистический подход к их анализу. Первая черта проявилась в игнорировании Гэлбрейтом производственных отношений, в попытке обусловить все социальные перемены изменениями в технике и технологии. Субъективно-идеалистический подход наиболее ярко проявился в трактовке основных «институтов» как «способа мышления», в придании этим психологическим формам статуса движущей силы экономического развития. Элементы психологического подхода проявились в анализе потребительского спроса.

Выпячивая на первый план проблемы распределения доходов и регулирования спроса, Гэлбрейт не дает им научного объяснения, так как в своей концепции он отрицает примат производства по отношению к распределению и потреблению. Антинаучность его позиции проявляется в некотором видоизменении вульгарной теории факторов производства, использовании ходячих мифов буржуазной идеологии о «диффузии собственности», об исчезновении рабочего класса в процессе развертывания научно-технической революции. Несмотря на некоторую модификацию наиболее одиозных догм буржуазной политической экономии, а также на попытки Гэлбрейта расширить горизонты экономической науки и дополнить ее аргументацией

буржуазной социологии и других наук, методология концепции «нового индустриального общества» свидетельствует о дальнейшей вульгаризации буржуазной политэкономии, об углублении ее кризиса.

3. Иллюзии Гэлбрейта о конвергенции двух систем и «новом социализме»

Отличительная особенность концепции «нового индустриального общества» состоит в том, что она претендует на роль социально-экономического обоснования теории конвергенции двух систем. Этой теории придается исключительное значение в превратном изображении экономической системы реально существующего социализма, современных тенденций интернационализации экономических связей между социалистическими и капиталистическими странами. Гэлбрейт попытается доказать, что научно-технический прогресс якобы обуславливает «падение интереса к социализму» даже в его социал-реформистском варианте. Вместо традиционного, «устаревшего социализма» он выдвигает ряд мер по оздоровлению экономики государственно-монополистического капитализма и формированию так называемого «нового социализма».

В социально-экономической концепции Гэлбрейта внутренней основой конвергенции выступают «техника» и ее главные следствия — «планирование», организация и специализация. Рассматривая капитализм и социализм лишь как технико-организационные формы современной «индустриальной системы», он утверждает, что в условиях научно-технической революции «происходит широкая конвергенция различных индустриальных систем. Требования, диктуемые техникой и организацией производства, а не идеологические символы — вот что определяет облик экономического общества»⁸³.

По мнению Гэлбрейта, конвергенция, «обусловленная приблизительно сходной системой планирования и организации», происходит «во всех важнейших областях». При этом он выделяет следующие якобы общие для социализма и капитализма тенденции: замена рынка «планированием», стремление крупного предприятия и его «техноструктуры» к защите своей самостоятельности, регулирование совокупного спроса для обеспечения необходимой покупательной способности населения, стабилизации цен и заработной

платы, увеличение роли государства в подготовке и переподготовке кадров⁸⁴.

Таким образом, процессы конвергенции у Гэлбрейта ограничены сферой функционирования крупных корпораций, деятельностью государства в области регулирования экономики и образования. При этом он фактически отвергает аргументацию других сторонников конвергенции, выступающих с позиций усиления «рыночной экономики» как основы сближения. «Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем, — замечает Гэлбрейт, — как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок»⁸⁵.

Исходной теоретической базой для обоснования идей конвергенции является классовая позиция Гэлбрейта как буржуазного экономиста, его порочная методология анализа современного капиталистического общества, искажение социальных последствий научно-технической революции при социализме и капитализме. Подменяя анализ капитализма как общественно-экономической формации исследованием «индустриальной системы», которая охватывает лишь часть экономики и характеризует ее в основном с технико-организационной стороны, Гэлбрейт выхолащивает из «экономической системы» ее социально-экономическую сущность. Внимание сосредоточивается не на различиях производственных отношений, а на чисто внешней, количественной характеристике «индустриальных систем». Это затушевывает принципиальные различия между капитализмом и социализмом, позволяет формулировать ложные тенденции их сближения в условиях развертывающейся научно-технической революции. Рассмотрим, как это делается применительно к отмеченным выше областям конвергенции.

В обосновании тенденции к сближению между капитализмом и социализмом Гэлбрейт важную роль придает замене рынка «планированием», т. е. контролю над ценами и управлению спросом. В экономических системах советского типа, замечает Гэлбрейт, этот контроль осуществляется государством. В США функцию контроля выполняют корпорации (их рекламные отделы и т. п.), и это дополняется государственным регулированием совокупного спроса и другими мерами. Несмотря на некоторые различия в методах контроля, суть «планирования» как в том, так и в другом случае якобы одинакова: крупное производство само по себе требует устранения «верховой власти рынка и потребителя»⁸⁶.

Несостоятельность утверждений Гэлбрейта о замене рынка и конкуренции так называемым «промышленным планированием» в условиях современного капитализма отмечалась в предыдущих разделах. Здесь же целесообразно остановиться на искажении им сущности планомерного развития при социализме.

В социалистическом обществе не крупное производство само по себе требует планирования, как утверждает Гэлбрейт, а господство общественной собственности обуславливает необходимость планомерного развития, при этом не только в сфере крупных предприятий, а в масштабе всей экономики. Крупное машинное производство и прогресс техники создают лишь материальные предпосылки планомерной организации, усиливают общественный характер труда и производства.

Современные производительные силы капитализма, конечно, требуют планомерного развития народного хозяйства, планирования производства не только отдельной фирмы и корпорации, но и всего общественного производства. Взаимозависимости, порождаемые углубляющимся общественным разделением труда, требуют, чтобы общественному характеру производства соответствовала и форма присвоения результатов производства. Признавая так или иначе эти требования производительных сил, Гэлбрейт не в состоянии понять (или признать), что планомерность и планирование в масштабах народного хозяйства нуждаются в коренном изменении системы производственных и в целом общественных отношений.

В рамках крупной монополии можно спланировать некоторые производственные факторы, но только в рамках монополии и только некоторые факторы. А в масштабах общественного производства, включая отношения между монополиями, а также между ними и немонополизированными предприятиями, продолжают действовать стихийные рыночные силы. Это противоречие между организованностью в рамках корпорации и анархией общественного производства сохраняется и действует в современных условиях в полную силу.

Отправляясь от той организованности, которая может быть достигнута в рамках корпорации, Гэлбрейт стремится приписать возможность планирования в целом «индустриальной системе», т. е. всемогущему комплексу крупнейших корпораций. Здесь желаемое явно принимается за действительное. Препятствием для осуществления всеобъ-

емлющего планирования была и остается экономическая основа капитализма — частная собственность на средства производства. Все меры по регулированию капиталистического производства так или иначе осуществляются на базе рыночных отношений.

Полным искажением социалистической действительности является утверждение Гэлбрейта о том, что «техника», крупное производство при социализме, как и при капитализме, требуют устранения «верховой власти» потребителя. В условиях государственно-монополистического капитализма концентрация производства и капитала действительно ведет к усилению господства монополий, в частности к усилению их давления на потребителя посредством рекламы. Разумеется, причина этого явления не столько в «технике» и крупном производстве, сколько в капиталистических производственных отношениях. Господство общественной социалистической собственности на средства производства рождает принципиально новое отношение между производством и потреблением, единство экономических интересов общества в целом, производственных коллективов и каждого трудящегося.

Превратное толкование сущности планомерного развития при социализме привело Гэлбрейта к необоснованному сравнению элементов механизма монопольного контроля капиталистических корпораций и конкретных форм государственного планирования в социалистических странах. «Современная крупная корпорация, — утверждает он, — и современный аппарат социалистического планирования являются вариантами приспособления к одной и той же необходимости»⁸⁷.

Планомерное установление социалистическим государством цен и объемов производства приравнивается Гэлбрейтом к практике ценообразования крупными корпорациями и управлению ими спросом потребителей с помощью рекламы. Совершенно ясно, что плановый характер образования цен при социализме обусловлен всей системой экономических законов и направлен прежде всего на неуклонный подъем народного благосостояния. При капитализме монопольный контроль над ценами отражает стремление капиталистов к получению максимальной прибыли.

В наибольшей степени несостоятельность сравнения инструментов планирования при социализме и капитализме обнаруживается в анализе Гэлбрейтом «планирования» предложения капитала. Именно здесь Гэлбрейт увидел

паразитическое «сходство» между социализмом и капитализмом: «В сфере предложения капитала индустриализация независимо от различий в путях, которыми она осуществляется, выдвигает настоятельные требования, которые приводят к конвергенции систем»⁸⁸.

Гэлбрейт считает, что решения о сбережениях и капитальных вложениях в США и в СССР примерно одинаковы. «В Советском Союзе и странах Восточной Европы, — пишет он, — где существует директивное (formal) планирование экономики, часть дохода удерживается для капиталовложений самим промышленным предприятием и особенно государством. В США и других странах с экономикой западного типа такого рода удержание дохода осуществляется корпорацией. Как и во всех других случаях, корпорация служит здесь инструментом планирования»⁸⁹.

Другими словами, и в том и в другом случае решения принимают не отдельные личности, а крупные планирующие организации, замечает автор «Нового индустриального общества».

В этих рассуждениях вольно или невольно допускается грубейшая передержка. В социалистических странах нет антагонизма между производством и потреблением. Конечно, в условиях социализма часть доходов остается для капиталовложений в государственных и колхозно-кооперативных предприятиях, часть изымается в централизованный фонд государства. Но в том и другом случае доход остается общественным или кооперативным достоянием. И та и другая часть дохода используется в интересах самих трудящихся, выступающих как производители и покупатели в одно и то же время и как совместные собственники средств производства.

В США дело обстоит совершенно иначе. Корпорация присваивает результаты наемного труда и использует их в интересах дальнейшего обогащения крупных собственников капитала. Если в капиталистических странах решение о капитализации прибавочной стоимости принимается собственниками капитала, то в условиях социализма такое решение принимается самими трудящимися через свои плановые органы и в своих собственных интересах. Эти решения разрабатываются и выдвигаются государственными плановыми органами. Но они вступают в силу и начинают осуществляться, будучи утверждены выборными органами власти, действующими по поручению трудящихся и в соответствии с их насущными интересами. Конечно,

предприятия в рамках, определенных государственным планом, могут осуществлять использование части доходов на капиталовложения. Однако и в этом случае определяющим является общенародный интерес.

Можно признать, что и в современном капиталистическом обществе определяющие решения о сбережениях и расходах принимаются не столько единолично, сколько государством и корпорациями, или, иначе говоря, крупными организациями. Однако организации бывают разные. Ведь капиталистическая «развитая корпорация» — крупная и крупнейшая монополии — это союз частных собственников. И решения они принимают в своекорыстных интересах обогащения такого союза. Кроме того, здесь сказывается воля сильнейших собственников контрольных пакетов акций. Для достижения своей цели подобный союз идет и на обман своего государства, и на истребительную борьбу со своими конкурентами.

Буржуазное государство всем ходом развития современных производительных сил буквально принуждается к осуществлению таких регулирующих экономических предприятий государственно-монополистического характера, которые необходимы для сохранения капитализма как системы. Но это совершенно не означает того, что в борьбе монополий за максимальную прибыль возникает полное единство воли капиталистического класса. Нет, острейшая взаимная борьба за прибыль продолжается, приобретая другие формы, а общественное производство развивается стихийно. В этих условиях капиталистическую экономику в целом никак нельзя назвать «планируемой экономикой».

Различия в принципах организации экономики капиталистической и социалистической, разумеется, видны и невооруженным глазом. Буржуазные экономисты, стоящие на позициях конвергенции, признают это. Но в чем проявляются такие различия? Гэлбрейт сводит их к степени централизации и особенностям планирования сбережений, к методам аккумуляции накоплений. Да, такие различия есть. Все дело, однако, в том, что названные различия не исчерпываются количественной стороной дела. Можно сказать, что и количественные факторы здесь характеризуют коренные качественные различия в организации производственно-экономических связей в условиях социализма и капитализма. Сторонники теории «конвергенции» это обстоятельство игнорируют, а именно в нем и заключается существо вопроса.

Следующей важной «основой» конвергенции двух систем, по мнению Гэлбрейта, является объективная потребность крупного предприятия и его «техноструктуры» в защите своей самостоятельности. «Крупные и сложные организации, — утверждает он, — могут использовать разнообразные знания и таланты и тем самым успешно функционировать только при условии полной самостоятельности»⁹⁰. В несоветских системах эта необходимость привела якобы к «лишению капиталиста реальной власти» в крупной корпорации. В советской системе, продолжает Гэлбрейт, организационная структура фирмы намного проще, так как ряд функций планирования осуществляет государство. Но и в ней объективная необходимость к самостоятельности якобы обуславливает сопротивление фирмы внешним источникам вмешательства: государственным и партийным органам, профсоюзам. Доказательством этому будто бы служит «тенденция к так называемой децентрализации в Советском Союзе и в других странах Восточной Европы», причину которой Гэлбрейт сводит к потребностям «техноструктуры» в защите своей самостоятельности⁹¹.

Производственное предприятие, как первичное звено общественного разделения труда, вне зависимости от общественного строя производства нуждается в определенной самостоятельности для разработки и осуществления своих технико-экономических и организационных проблем. Однако определение меры такой самостоятельности находится уже в прямой зависимости от общественного строя производства. При капитализме частная корпорация по самой своей природе является самостоятельным образованием, и она, конечно, не терпит любого вмешательства извне. Для доказательства этого положения нет необходимости прибегать и к такой ложной социальной категории, какой является «техноструктура» с ее стремлением к защите своей самостоятельности.

Социалистическое предприятие занимает совершенно иное положение в системе производственных и общественных отношений в целом. Капиталистическому предприятию самостоятельность необходима для решения частных задач, для получения монопольно высокой прибыли. Социалистическому предприятию или объединению, выступающим как общенародное достояние, известная самостоятельность необходима для лучшего решения в первую очередь общенародных задач. Направление развития социа-

листического предприятия определяется единым народно-хозяйственным планом, который и указывает меру самостоятельности, поощряя активность и инициативу первичных звеньев хозяйства в решении общей народнохозяйственной задачи. Речь идет о том ленинском принципе планирования и управления, который носит название демократического централизма. Дело тут, как мы видим, не в том, больше или меньше у социалистического предприятия потребность в самостоятельности, чем у американского предприятия, проще или сложнее система управления. Все дело в типе экономических отношений, а они, как известно, в принципе различны, противоположны.

Рамки самостоятельности, определяемые планом, не мешают, а помогают социалистическому предприятию быстрее и полнее решать как технические и организационные, так и социальные задачи. В социалистическом обществе как внутренняя, так и внешняя информация, необходимая для работы предприятия, органически согласованы и взаимосвязаны, подчинены единой задаче. Это создает условия для слаженной работы предприятия в масштабах отрасли и всего народного хозяйства, предотвращает разнотой и экономит средства и время.

«В западной экономике основным планирующим органом является фирма»⁹², — пишет Гэлбрейт. Если можно назвать расчеты таких фирм плановыми, то они опираются лишь на внутренние факторы и возможности каждой частной корпорации, которые так или иначе поддаются ее контролю. Но внешние факторы и связи такому контролю уже не поддаются. И в этой области расчеты корпораций представляют попытки предугадать действие стихийных сил и в соответствии с этим определить направление своей деятельности. Подобная самостоятельность неизбежно связана с большими потерями и средств и времени.

При сравнении советских и американских предприятий совершенно неверно утверждение Гэлбрейта о том, что у нас якобы планирующим органом является только государство, его верховные органы, что предприятия будто бы не принимают участия в этом процессе. Верно, что наше социалистическое государство, руководствуясь интересами всего общества, определяет основные плановые показатели деятельности каждого государственного предприятия. Но в этих рамках плановые расчеты и приведение в действие имеющихся у предприятия ресурсов, необходимых для выполнения плана, осуществляются самим предприятием.

Важнейшую функцию планирования, осуществляемого предприятием, представляет и внедрение новой техники. Социалистическое государство не просто вмешивается в деятельность своих предприятий, контролирует их; оно организует и направляет эту деятельность в общенародных интересах.

Буржуазные экономисты довольно плохо представляют себе систему отношений между нашими государственными планирующими органами и предприятиями, а нередко преднамеренно искажают эти отношения. Гэлбрейт пишет, например, что в Советской стране существуют два главных источника внешнего вмешательства: «государственный плановый аппарат и партийные органы»⁹³. Причем и та и другая «внешние силы» своими действиями якобы лишь мешают работе предприятий. Утверждается также, что аргументы в пользу децентрализации и передачи власти предприятиям, используемые в дискуссиях об организации управления производством на Западе, получают «отклик в России». «Давление в пользу такой передачи власти становится все более сильным по мере роста и усложнения советской экономики»⁹⁴.

Прежде всего постановка вопроса о какой-то передаче власти на Западе частной капиталистической корпорации выглядит несколько странно: эта власть была и остается за такой корпорацией в силу самой ее социальной сущности. Дискуссии по поводу организации планирования и управления производством в социалистических странах ведутся в широких масштабах, при этом учитываются и высказывания западных ученых. Но споры у нас идут совсем не о том, передавать или не передавать власть предприятиям. Такого вопроса вообще нет и не может быть в социалистической стране, где решающая часть предприятий представляет общенародную собственность, где власть единая, народная. Коллектив государственного предприятия не является собственником и потому не может претендовать на полностью самостоятельные действия.

В своих рассуждениях о принципах управления социалистическим хозяйством и руководства промышленными предприятиями Гэлбрейт постоянно противопоставляет общественный контроль над деятельностью предприятий и их самостоятельность. Между тем для социалистического общества общественный контроль и относительная самостоятельность предприятий вполне совместимы, органически взаимодействуют в соответствии с природой социализма.

Усиление общественного контроля способствует более полной реализации общенародного интереса. Предоставление известной самостоятельности предприятию усиливает его заинтересованность в лучшей организации работы, в более эффективном использовании производственных фондов, с тем чтобы выполнить государственный план, полнее удовлетворить потребности общества в производимой данным предприятием продукции.

Следовательно, речь идет не о тенденции к децентрализации экономики, а о более полном и правильном применении принципа демократического централизма в планировании и управлении с учетом требований научно-технической революции.

В одном Гэлбрейт прав, и это следует отметить. «На Западе, особенно среди профессиональных идеологов и добровольных пропагандистов», пишет он, проведение в СССР хозяйственной реформы «широко провозглашается в качестве шага в сторону рыночного контроля. Но это не так. Крупной советской фирме не грозит опасность попасть под неконтролируемое воздействие рыночных сил в области сбыта продукции, снабжения, обеспечения рабочей силой и в целом в вопросах формирования производственной политики»⁹⁵. В этом вопросе Гэлбрейт проявляет большее, чем в других областях, понимание детерминированных техникой и другими производственными факторами условий, противостоящих развязыванию рыночной стихии. (Но и этими рассуждениями он как бы «подкрепляет свои выводы о мнимой тенденции к замене рынка планированием при капитализме по мере развития научно-технической революции».)

Однако на том и кончается реалистическое представление Гэлбрейта о важнейших экономических процессах. Он исходит из того, что стихия рынка преодолевается не только при социализме, но и в капиталистическом обществе. Он считает, что происходит конвергенция, сближение советской и западной систем.

Все эти утверждения не имеют реальных основ и даже поводов. И формы, и тем более содержание планирования и управления в СССР и США совершенно различны. Положение о конвергенции двух систем было бы неверно мыслить как ошибку, вызванную неосведомленностью о развитии советской экономики. Нет, это сознательно и широко отстаиваемая концепция. И этим Гэлбрейт занимается на протяжении всей книги «Новое индустриальное общество».

Следующим направлением, по которому якобы сходятся экономические системы капитализма и социализма, являются мероприятия капиталистического государства в области регулирования совокупного спроса, заработной платы и цен, подготовки кадров. При этом инструментарий государственно-монополистического регулирования сравнивается Гэлбрейтом с тщательными подсчетами «соотношения между объемом получаемых доходов и стоимостью товарной массы, предоставляемой покупателям», при социализме, с мероприятиями социалистических стран в области народного образования⁹⁶.

Такое «сравнение» опирается прежде всего на несостоятельное в научном отношении игнорирование принципиальных различий экономической роли государства при социализме и капитализме. В социалистическом обществе основу экономической деятельности государства составляют общественная собственность на средства производства и планомерное развитие народного хозяйства. Эта деятельность направлена на повышение благосостояния народа и всестороннее развитие членов общества. А капиталистическое государственное регулирование экономики направлено прежде всего на создание гарантированного рынка для монополий, на обеспечение условий для наиболее эффективного функционирования капиталистической экономики, на увеличение монополистических прибылей.

При социализме действительно ведутся подсчеты соотношения между объемом получаемых доходов и стоимостью товарной массы, предоставляемой покупателям. Однако природа, цель и методы этих расчетов не позволяют сравнивать их с регулированием спроса при капитализме. При социализме более полное удовлетворение потребностей общества требует изучения закономерностей распределения и использования ресурсов. Для планирования необходимо знать не только общественные потребности, но и форму их проявления — платежеспособный спрос. При капитализме регулирование совокупного спроса, контроль над заработной платой или ценами имеют другую природу и другие последствия для трудящихся.

Конечно, увеличение государственных расходов и налогов не может не оказать на капиталистическую экономику известного воздействия. Однако послевоенные годы ясно показали, что все попытки американского государственно-монополистического капитала взнудать спрос, привести в соответствие производство и потребление не увенчались

успехом. Кризисы, как проявления взрыва противоречий между производством и потреблением, периодически возникали и возникают. При этом экономические кризисы сопровождаются ростом милитаризации производства, валютными спекуляциями, хронической инфляцией, экспортируемой из США в европейские капиталистические страны и Японию.

Рассмотрим теперь роль государства в обеспечении производства обученными и образованными кадрами. Если взять чисто количественные факторы системы образования (увеличение численности и финансовых ресурсов), то можно заметить некоторые сходные тенденции в социалистических и капиталистических странах. Но это чисто внешнее сходство. При капитализме усиление государственного финансирования образования происходит под давлением монополий и в интересах монополий. Этот факт не в силах скрыть и Гэлбрейт, говоря о некоторых нежелательных тенденциях «индустриальной системы» в области образования.

В условиях современной научно-технической революции монополии вынуждены требовать от государства расширения системы образования и подготовки кадров. Немаловажным фактором в этом процессе явились успехи Советского Союза в области народного образования. Вместе с этим развитие системы образования в условиях капитализма наталкивается на большие препятствия, в нем проявляются все пороки эксплуататорского общественного строя.

Все это не имеет ничего общего с характером и структурой государственных расходов на образование в социалистических странах.

Из гэлбрейтианского анализа основных направлений, по которым якобы происходит сближение двух систем, можно сделать любопытный вывод: сближение мыслится не одновременно с двух сторон к центру, а как приближение социализма к капитализму. Если не считать системы образования, где Гэлбрейт очень глухо намекает о естественном преимуществе советской системы, во всех остальных случаях у него движение идет к капитализму как в «лучшую» сторону. Здесь в полной мере проявился классовый подход Гэлбрейта как защитника капиталистического строя.

Исказив социально-экономическую сущность реально существующего социализма, Гэлбрейт формулирует вывод о том, что переход власти к «техноструктуре» обуславливает необходимость «коренного пересмотра перспектив

социализма», имея в виду прежде всего социал-реформистский идеал социализма⁹⁷.

С развитием научно-технической революции, продолжает буржуазный экономист, якобы автоматически исчезают одна за другой те цели, за которые боролся «традиционный социализм»; переход власти в руки «техноструктуры» делает ненужной борьбу за общественный контроль над производством, за национализацию; в настоящее время будто бы уже не существует «поведения монополиста, которое было вначале принципиальной основой для социализма». Гэлбрейт заявляет, что «рабочие отказались от социализма», так как в «планирующей системе» эксплуатации уже нет. «Член американского профсоюза отвергает социализм. Его европейский коллега слышит пропаганду социализма, приветствует ее, но не желает никаких действий»⁹⁸.

По мнению Гэлбрейта, идеи «традиционного социализма» (иногда он применяет термин «демократический социализм») имели какой-то смысл в далеком прошлом, т. е. в последние десятилетия XIX столетия. Тогда фирмы были малы, техника проста, а капиталист-предприниматель обладал решающим влиянием на принятие решений. В тех условиях общественный контроль как альтернатива власти капитала, по мнению Гэлбрейта, имел какой-то смысл. «Когда речь шла о выборе между властью частной монополии и государственной бюрократией, то доводы в пользу последней могли выглядеть очень убедительно»⁹⁹. Другими словами, утверждается, что в прошлом вера в полезность передачи власти капиталиста парламентскому контролю и способность государства лишить капиталиста власти устанавливать цены, ставки заработной платы, эксплуатировать потребителей и рабочих «не была полностью беспочвенной». Тенденцией современного развития, по мнению Гэлбрейта, является концентрация власти в «техноструктуре». «...Последняя, добившись независимости от собственников, отнюдь не стремится к подчинению государству»¹⁰⁰.

Кроме столкновения с «техноструктурой», чувствительной к внешнему вмешательству, усиление общественного контроля будто бы неэффективно вследствие некомпетентности государственных деятелей. Гэлбрейт утверждает, что «почти во всем некоммунистическом мире социализм в смысле государственной собственности на промышленные предприятия стал устаревшим лозунгом». Как только капиталисты лишаются своей власти, «демократический социализм перестает быть альтернативой». В настоящее

время он является не политической программой, а представляет собой «проявление своеобразной тоски по прошлому»¹⁰¹. Для доказательства достоверности своих теоретических построений он приводит несколько примеров развития «техноструктуры» в Англии, в Индии и на Цейлоне, а также в некоторых африканских странах¹⁰².

Первым таким примером служит Англия, где, по мнению Гэлбрейта, после второй мировой войны был введен «ограниченный социализм под парламентским надзором»¹⁰³. Разумеется, ни о каком введении социализма в Англии (ограниченного или какого-то иного) не может быть и речи. Национализация лейбористским правительством ряда отраслей экономики здесь была проведена, как известно, в интересах монополий и в соответствии с их волей. Монополии не пожелали взять на себя расходы по техническому перевооружению некоторых отраслей. Они пришли к выводу, что это можно с большей для себя пользой сделать путем их национализации и затем технического переоснащения за счет налогов на трудящихся.

Однако на этой стороне дела Гэлбрейт свое внимание не концентрирует. Его более всего интересует вопрос о парламентских запросах, которые могут возникать по работе национализированных предприятий, о принципах управления ими, об отношениях министерства и управляемых им предприятий. Как известно, английское правительство предоставило большую самостоятельность предприятиям угольной и газовой промышленности, электроэнергетики, транспорта, авиакомпаниям и другим отраслям, находящимся в государственной собственности. Но такая самостоятельность как раз и отвечала интересам бывших собственников предприятий этих отраслей, получивших солидный выкуп и места хорошо оплачиваемых администраторов в тех же отраслях. Понятно, что социализмом от всего этого и не пахнет.

Ссылка на английский опыт буржуазной национализации потребовалась Гэлбрейту для дальнейшего развития своего тезиса о «техноструктуре». Он снова и снова обращается к положению о том, что «повсюду группа владеет монополией на компетентное знание»¹⁰⁴. Из этого он стремится вывести кардинальные социально-экономические следствия вроде того, что вполне оправданной является неподотчетность национализированных, государственных английских корпораций парламенту. Но ведь в этом случае как-то теряется и смысл национализации.

Приведенное выше позволяет заметить, что под «традиционным социализмом» Гэлбрейт понимает концепции лидеров правой социал-демократии вообще и правых лейбористов, в частности, которые действительно, взяв на вооружение реформистский идеал «демократического социализма», пытаются подвергнуть ревизии лозунг о национализации. Как известно, в программных документах, принятых большинством социалистических партий капиталистических стран в конце 50-х и начале 60-х годов, реформистские лидеры отрекаются даже от таких устоявшихся требований рабочего движения, как обобществление средств производства, уничтожение классового господства и др. Поэтому конечной целью «демократического социализма» являются уже не экономические задачи, а абстрактный этический идеал. И вот Гэлбрейт, ссылаясь на этот поворот в идеологии «демократического социализма», пытается подвести под него теоретический фундамент.

Такого рода рассуждения – это или проявление неосведомленности, или сознательное игнорирование того бесспорного факта, что требование огосударствления промышленности выдвигается как программное требование рядом политических партий. Что касается коммунистических партий, то они самым последовательным образом стоят на позиции национализации промышленности и других отраслей.

В анализе так называемого «британского эксперимента» Гэлбрейт фиксирует внимание на том, что лейбористские лидеры «прекратили борьбу за государственную собственность либо ратуют за нее только на словах»¹⁰⁵. Ни о чем другом, кроме как об измене делу рабочего класса и традиционным целям социалистического движения, этот факт не говорит. На самом деле сопротивление парламентскому контролю оказывает не мифическая «техноструктура» с ее болезненной чувствительностью к внешнему вмешательству, а финансовая олигархия, которая сохранила свои позиции в национализированных отраслях и стремится к их упрочению.

Не выдержало испытания временем и утверждение Гэлбрейта, что в ходе «британского эксперимента» большинство социалистов пришло к выводу, что государственные корпорации являются неэффективными, «замкнутыми, безответственными организациями, не поддающимися проверке со стороны общества и демократическому контролю»¹⁰⁶. В начале 70-х годов правое руководство лейбористской партии вынуждено было под давлением рядовых

членов партии и профсоюзов включить в свою предвыборную программу (1973 г.) обещание национализировать ряд крупнейших частных корпораций обрабатывающей промышленности¹⁰⁷. Этот факт находится в полном противоречии с утверждением Гэлбрейта о том, что по мере развития научно-технической революции отпадает необходимость в общественном контроле над производством.

По мнению Гэлбрейта, необходимо стремиться «к такому социализму, где власть осуществлялась бы автономными единицами»¹⁰⁸. Сторонники научного социализма отвергают абсолютизацию принципа автономности управления производством какими бы то ни было специализированными группами, претендующими на монополию в определенной области знания. Такая абсолютизация неизбежно приводит к столкновению общего и группового интересов, неизбежно противостоит научно понимаемой цели социализма.

Сущность социализма состоит не только в общественном контроле над производством. Она заключается в обеспечении все более полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей общества и его членов, всестороннего, гармоничного развития каждого человека. Этой великой цели и подчиняется развитие общественного социалистического производства, контроль над которым является лишь средством реализации его объективно обусловленной цели.

Доказывая неэффективность и ненужность общественного контроля в условиях научно-технической революции вообще, Гэлбрейт противоречит сам себе, ибо вынужден признать необходимость расширения государственной собственности в некоторых частях экономики США. Но это уже якобы «новый социализм», который ничего общего не имеет с потерявшим всякую привлекательность «старым» социализмом. Подробно рассматривая этот вопрос в гл. XXVII «Социалистический императив» книги «Экономические теории и цели общества», Гэлбрейт приводит следующие аргументы. Если «старый социализм допускал идеологию» (т. е. общественный контроль над производством якобы рассматривался как дань традиционным целям социализма, а не как объективное требование экономики), то «новый социализм не имеет идеологического характера, он навязывается обстоятельствами»¹⁰⁹. В настоящее время, продолжает буржуазный экономист, обстоятельства для создания государственных корпораций

возникли в США как в отношении слишком слабых отраслей экономики («рыночная система»), так и чрезмерно сильных (т. е. работающих в основном на правительство корпораций).

Отрасли производства и услуг, входящие в «рыночную систему», считает Гэлбрейт, постоянно отстают в своем развитии от прогресса в «планирующей системе» и от растущих потребностей населения. Они не могут успешно развиваться в условиях рынка, но и не могут в силу своей специфики перейти в «планирующую систему». «Единственным ответом для этих отраслей является их полная организация в условиях государственной собственности»¹¹⁰. Гэлбрейт исходит из того, что в США уже имеет место «социализация» таких отраслей, как городской и пригородный транспорт, медицинское обслуживание, жилищное строительство и др. «Но это крайне неудовлетворительная форма социализма»¹¹¹. Она в США рассматривается как исключение или отклонение от истинного пути. Поэтому необходимо отказаться от такого отношения к мероприятиям и самому понятию социализма в США, призывает Гэлбрейт.

В целом мир крупных корпораций («индустриальная система»), по мнению Гэлбрейта, не нуждается в национализации. К «социализации развитой корпорации» будто бы ведут такие пути, как контроль над ценами, издержками, потребителями; бесшумное устранение акционеров от власти; различные формы государственного регулирования и помощи крупным корпорациям. «Новый социализм», в смысле создания государственных корпораций, может быть полезным только для той крупной корпорации, утверждает Гэлбрейт, «больше половины деятельности которой приходится на правительство»¹¹².

В общей форме эта мысль сформулирована еще в книге «Новое индустриальное общество», где Гэлбрейт подчеркивает, что «грань, отделяющая ныне государственные организации от так называемых частных организаций в сфере военных поставок, исследования космического пространства и атомной энергии, настолько расплывчата, что почти незаметна»¹¹³. «Пройдет время — и граница между этими двумя институтами исчезнет»¹¹⁴.

В книге «Экономические теории и цели общества» национализация таких корпораций уже входит в понятие так называемого «нового социализма». При этом превращение «крупных специализированных фирм по производству оружия в полностью государственные корпорации» трактуется

буржуазным экономистом как путь ослабления объединенной силы двух бюрократий, т. е. «техноструктуры» («планирующей системы») и государственной бюрократии¹¹⁵.

В действительности никакой «социализации развитой корпорации» не происходит. Все отмеченные Гэлбрейтом явления, которые якобы ведут к «социализации», на деле представляют собой искаженную трактовку ряда тенденций современного государственно-монополистического капитализма, получивших развитие в эпоху научно-технической революции и соревнования двух мировых систем. Усиливающийся контроль корпораций над ценами, издержками, потребителем и государством не является каким-то «планированием», якобы заменившим рынок, а представляет собой особую форму сочетания монополии и конкуренции в условиях господства на рынках ограниченного числа корпораций. Бесшумное устранение акционеров от власти и переход ее в руки «техноструктуры» на деле являются смесью реальных процессов усложнения функции управления в современной корпорации с предвзятой апологетикой финансовой олигархии. Что касается усиления экономической роли буржуазного государства, то, как указывалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, «государственно-монополистическое регулирование, осуществляемое в формах и масштабах, отвечающих интересам монополистического капитала, и направленное на сохранение его господства, не в состоянии обуздать стихийные силы капиталистического рынка»¹¹⁶.

Что касается предложения о национализации крупнейших предприятий военной промышленности, то в условиях буржуазного государства государственная собственность никак не может быть «новым социализмом». Государственные корпорации — это коллективная капиталистическая собственность. Углубляя противоречия капитализма и обостряя классовые антагонизмы, она способствует выцветанию материальных и других предпосылок для революционного перехода к социализму. Вместе с тем в предложении Гэлбрейта проявляется стремление некоторой части американского общества обуздать военно-промышленный комплекс США, ограничить его гипертрофированные масштабы. Это требование становится все шире и шире, приобретает черты общедемократического движения.

Таким образом, особенность концепции «нового индустриального общества» состоит в том, что в ней апология современного государственно-монополистического капита-

лизм переплетается с попытками выделить сходные черты у капитализма и социализма, по которым якобы идет их сближение. Такая форма апологетики призвана усилить впечатление мнимой трансформации капитализма и социализма в «индустриальное общество». Классовой целью теории конвергенции является дискредитация марксистско-ленинского учения о научном коммунизме как светлом будущем всего человечества.

Реальный ход событий показывает иллюзорность утверждений Гэлбрейта, что установление факта конвергенции позволяет заглянуть в «обеспеченное будущее» «индустриальной системы». Капиталистическое общество в начале 70-х годов столкнулось с небывалыми за послевоенные годы кризисными явлениями, охватившими все сферы жизни — экономику, политику, идеологию. Социалистические страны развиваются отнюдь не по моделям теоретиков конвергенции. Они укрепляют свои позиции не только в национальных, но и в международных масштабах. И основой этих успехов является превращение содружества социалистических стран в решающий фактор мирового развития, а не пресловутые идеи конвергенции.

Идеи конвергенции придают особый классовый оттенок в общем-то и позитивным взглядам Гэлбрейта на проблемы «холодной войны» и гонки вооружений, политику мирного сосуществования и разрядки напряженности.

Весьма неуклюже выглядит и попытка Гэлбрейта связать теорию конвергенции с политикой мирного сосуществования и разрядки напряженности. Еще в середине 60-х годов он верно уловил объективную необходимость отказа от политики «холодной войны». По мнению Гэлбрейта, гонка вооружений, всеобщая подозрительность были результатом ложного представления о неминуемом военном столкновении США и СССР. Такое столкновение было якобы обусловлено излишним подчеркиванием непримиримых противоречий между этими странами. Но на самом деле, продолжает Гэлбрейт, «различие в системах управления экономикой» не столь велико, тенденция к конвергенции более очевидна, чем различия, обуславливающие конфликт. Отсюда Гэлбрейт делает свои выводы о необходимости замены гонки вооружений соревнованием в тех областях науки и техники, которые наиболее тесно связаны с современной научно-технической революцией, с использованием ее результатов в мирных целях.

Несмотря на видимую важность постановки проблемы

мирного сосуществования и некоторые позитивные выводы, методологический подход Гэлбрейта неверен. Прежде всего, почему само сосуществование двух стран с различными системами должно вызывать представление о неминуемом столкновении? Советский Союз с самых первых дней революции проводит политику мирного сосуществования в жизнь. Почему же США могут пойти на политику мирного существования только тогда, когда у СССР якобы появились признаки конвергенции в сторону капитализма?

На самом деле буржуазный экономист таким образом уходит от анализа действительных объективных факторов, лежащих в основе перемен в отношениях между СССР и США. К таким факторам относятся неуклонно меняющееся в пользу социализма соотношение сил на мировой арене, миролюбивый курс социалистических стран во главе с СССР, обострение межимпериалистических противоречий, серьезные внутренние проблемы США. Гэлбрейт же все сводит только к мнимой конвергенции «индустриальных систем», признание которой якобы само по себе приведет к необходимости мирного соревнования между капитализмом и социализмом.

Глава I

¹ Термин «Technology» в книге «Новое индустриальное общество» переводится как «техника», а в книге «Экономические теории и цели общества» — «технология» (с. 67). В дальнейшем используется первый вариант перевода.

² Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 56.

³ Там же, с. 47.

⁴ Там же, с. 49.

⁵ Там же, с. 48.

⁶ См. там же, с. 48–52.

⁷ См. Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 74.

В книге «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт использует более общий термин «индустриальная система», а в работе «Экономические теории и цели общества» пользуется понятием «планирующая система», подчеркивая тем самым ее отличие от «рыночной системы».

⁸ В русском переводе книги «Экономические теории и цели общества» термин «mature» переводится как «зрелая» (см. с. 116).

⁹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 136.

¹⁰ Там же, с. 41.

- ¹¹ Там же, с. 57. 69.
- ¹² См. там же, с. 274.
- ¹³ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 223. В дальнейшем изложении будет использоваться термин «государство техноструктуры».
- ¹⁴ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество; с. 160.
- ¹⁵ Там же, с. 335.
- ¹⁶ См. *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 271–403.
- ¹⁷ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 440.
- ¹⁸ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 320.
- ¹⁹ См. там же, с. 280.
- ²⁰ Там же, с. 74.
- ²¹ Там же, с. 35.
- ²² Там же, с. 352.
- ²³ Там же, с. 345.
- ²⁴ Там же, с. 346.
- ²⁵ Там же, с. 345–346.
- ²⁶ См. там же, с. 320–326.
- ²⁷ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 311.
- ²⁸ Там же, с. 142.
- ²⁹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.
- ³⁰ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 160.
- ³¹ Там же, с. 142.
- ³² Там же, с. 113.
- ³³ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 114.
- ³⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 343.
- ³⁵ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 111.
- ³⁶ См. *И. И. Беглов*. США: собственность и власть. М., 1971, с. 348.
- ³⁷ См. там же, с. 350.
- ³⁸ См. *В. И. Усенин и др.* Современное капиталистическое предприятие и хозяйская власть. М., 1971, с. 77–78.
- ³⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 343–344.
- ⁴⁰ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 449.
- ⁴¹ *J. K. Galbraith*. Who Needs the Democrats and that it takes to be Needed. New York, 1970.
- ⁴² В «неоклассическую систему» (или «неоклассическую модель») Гэлбрейт включает практически все направления буржуазной экономической науки с конца XIX в., в том числе и кейнсианство (см. *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 36–37).
- ⁴³ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 37.
- ⁴⁴ Там же, с. 33.
- ⁴⁵ Там же, с. 32.
- ⁴⁶ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 475.

⁴⁷ Там же, с. 469.

⁴⁸ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 150.

⁴⁹ См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 467.

⁵⁰ Там же, с. 473.

⁵¹ В советской литературе уже отмечалась эта особенность методологии Гэлбрейта. Так, А. Милейковский относит его к особому институционально-социальному течению в современной буржуазной политической экономии (см. «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 12, с. 47; 1975, № 10, с. 76). Разбор особенностей институционализма Гэлбрейта содержится и в статье Вл. Афанасьева и Д. Николова («Вопросы экономики», 1975, № 1, с. 100) и в ряде разделов книги «Критика современной буржуазной политэкономии» (М., 1977).

Этот аспект подчеркивается и в работах буржуазных экономистов. Американский экономист А. Грачи в работе «Вклад неоинституционализма в современную экономическую мысль» по собственной классификации относит Гэлбрейта к неоинституциональному направлению наряду с Г. Мюрдалем, Т. Кольмом и др.

⁵² *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 32.

⁵³ См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 475 — 476.

⁵⁴ См. *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 289, 303.

⁵⁵⁻⁵⁶ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 119.

⁵⁷ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 31.

⁵⁸ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 441.

⁵⁹ См. *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 286 — 288.

⁶⁰ См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 257.

⁶¹ Там же, с. 260.

⁶² См. *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 37 — 38, 41 — 42.

⁶³ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 262.

⁶⁴ Там же, с. 263.

⁶⁵ Там же, с. 249.

⁶⁶ См. там же, с. 324, 326.

⁶⁷ Там же, с. 325.

⁶⁸ Там же, с. 249.

⁶⁹ См. там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *J. K. Galbraith. The Affluent Society. Boston, 1958, p. 158.*

⁷² *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 255.

⁷³ Там же, с. 256.

⁷⁴ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 198.

- ⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 198.
- ⁷⁶ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 258.
- ⁷⁷ См. там же, с. 249, 326.
- ⁷⁸ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 163.
- ⁷⁹ Там же, с. 56.
- ⁸⁰ Там же, с. 55.
- ⁸¹ Там же, с. 143.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 42.
- ⁸⁴ См. там же, с. 453—454.
- ⁸⁵ Там же, с. 152—153.
- ⁸⁶ Там же, с. 453.
- ⁸⁷ Там же, с. 71.
- ⁸⁸ Там же, с. 79.
- ⁸⁹ Там же, с. 76.
- ⁹⁰ Там же, с. 453.
- ⁹¹ См. там же, с. 150, 152.
- ⁹² Там же, с. 149.
- ⁹³ Там же, с. 150.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же, с. 152.
- ⁹⁶ См. там же, с. 453—454.
- ⁹⁷ См. там же, с. 142.
- ⁹⁸ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 346.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 344.
- ¹⁰¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 148.
- ¹⁰² См. там же, с. 143—147.
- ¹⁰³ Там же, с. 143.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 144.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 145.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ См. А. И. Шеш. Критика экономических теорий правых лейбористов Англии. М., 1975, с. 55.
- ¹⁰⁸ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 144.
- ¹⁰⁹ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 347.
- ¹¹⁰ Там же, с. 349.
- ¹¹¹ Там же, с. 350.
- ¹¹² Там же, с. 355.
- ¹¹³ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 455.
- ¹¹⁴ Там же, с. 457.
- ¹¹⁵ См. Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 354.
- ¹¹⁶ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, с. 297.

АПОЛОГИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНОПОЛИИ

Экономической основой апологетической идеи о «трансформации» капитализма в «новое индустриальное общество» является обоснование Гэлбрейтом якобы коренных изменений социально-экономической природы капиталистической монополии под воздействием научно-технического прогресса. По его мнению, главными формами приспособления корпорации к широкому внедрению науки и техники являются «промышленное планирование» и «революция техноструктуры».

Именно они, представляя результат развития «техники», будто бы знаменуют «перерождение» основных черт крупного капиталистического предприятия: частнособственнической природы, рыночной стихии и конкуренции, мотива максимальной прибыли, антагонизма классовых интересов и основанных на них противоречий между трудом и капиталом.

Скрывая за «промышленным планированием» и «техноструктурой» особенности механизма функционирования капиталистической экономики в условиях научно-технической революции, Гэлбрейт пытается как-то «облагородить» облик современной монополии и ее хозяев — финансовой олигархии. С позиций «технологического детерминизма» он стремится так истолковать факты заметно усилившегося в начале 70-х годов общественного протеста против засилья монополий в экономике и политике, против их антисоциальной деятельности, чтобы в тени остались рост классового сознания трудящихся и усиление антимонополистического фронта в США.

1. Роль «развитой корпорации» в мнимой замене рынка «промышленным планированием»

Особенности функционирования «индустриальной системы» Гэлбрейт связывает прежде всего с тем, что важнейшим фактором замены рыночной стихии «промышленным планированием» выступает «развитая корпорация». Придя к выводу, что «промышленное планирование» наилучшим образом отвечает потребностям развития производительных сил в условиях научно-технической революции по сравнению с изжившей себя системой рынка, он пытается выдать желаемое за действительное. Новые формы конкурентной борьбы монополистических корпораций и согласование ими производственной и рыночной политики (вызванные потребностями текущего и перспективного внутрифирменного планирования, а также своеобразием монополистической организации основных отраслей американской экономики) Гэлбрейт выдает за полную замену рыночной неопределенности, конкуренции, погони за максимальной прибылью так называемым «промышленным планированием».

Что же, по мысли Гэлбрейта, представляет собой «промышленное планирование» в крупной корпорации? Давая определение «планированию», он подчеркивает двусторонний характер этого процесса. С одной стороны, это внутрифирменное согласование ряда важнейших показателей и действий от начала производства до его завершения. С другой — это «установление контроля над внешними условиями производства»¹, без которого внутрифирменное планирование было бы затруднено. Фирма не может с успехом планировать «будущие действия» или «подготовиться к непредвиденным обстоятельствам», продолжает Гэлбрейт, если она не знает цен на свою продукцию, объема продаж, издержек производства и ожидаемых доходов. Поэтому «то, что фирма считает планированием, в немалой мере заключается в стремлении свести к минимуму влияние рынка или избавиться от него»².

На такой порочной методологической основе и строится все здание «промышленного планирования». Монопольный контроль над ценами и издержками, управление спросом потребителей через рекламу, регулирование государством совокупного спроса, правительственные мероприятия по контролю над ценами и зарплатой, финансиро-

вание государством научных исследований и разработок — все это якобы обусловлено только требованием «промышленного планирования». Даже увеличение безработицы в результате капиталистической автоматизации производства объясняется необходимостью уменьшения зависимости корпорации от рынка труда, на котором якобы из-за политики профсоюзов господствует рыночная неопределенность. «Машины не объявляют забастовки, — поясняет Гэлбрейт, — цены на них поддаются стабилизации»³.

Фиксируя важные моменты, отличающие монополистическую организацию современного рынка от рынка периода свободной конкуренции, Гэлбрейт трактует эти изменения как результат процесса развития «промышленного планирования». Под таким углом зрения и рассматриваются им современные формы проявления монополии: вертикальная интеграция, тайный сговор с целью фиксации цен, система контрактов, поглощение одних фирм другими, диверсификация производства и т. д. При этом конкретный механизм ценообразования в монополистической группе, господствующей на рынке того или иного товара, политика фирм в области издержек производства, манипулирование потребительским спросом посредством рекламы выдаются за конкретные инструменты «планирования».

Какова же природа «промышленного планирования», по Гэлбрейту? По его мнению, «промышленное планирование» существует потому, что развитие «техники» и сопутствующий ему характер использования времени и капитала подрывают надежность механизма рыночного регулирования экономики. В условиях несложной техники рынок якобы функционирует более надежно. И потому имеется «меньше поводов для планирования и нужда в нем меньше»⁴. При этом Гэлбрейтом проводится мысль, что развитие «техники» и связанной с ней специализации ведет к взаимному исключению понятий «рынок» и «планирование»: «планирование» возможно потому, что отмирает рынок, а рынок, умирая, замещается «планированием»⁵.

Переходя к критическому анализу взглядов Гэлбрейта на «промышленное планирование», необходимо заметить, что коренная методологическая несостоятельность этих взглядов заключается в отождествлении внутрифирменного планирования с состоянием капиталистической экономики в целом, в отрицании связи планирования с характером производственных отношений, прежде всего с природой собственности на средства производства.

Определенные элементы планомерности, как известно, существуют внутри каждой кооперации труда независимо от ее общественной формы. «Всякий непосредственно общественный... труд, — писал К. Маркс, — осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами...»⁶ Однако между этими формами и планомерной организацией общественного экономического механизма существует качественное различие. Планомерность, как свойственная всем основным экономическим процессам форма, возможна лишь на основе общественной собственности на средства производства. Частная собственность в принципе исключает планомерную организацию производства в масштабе общества, определяет границы и направление развития внутрифирменного планирования, обуславливает непреодолимое противоречие между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией всего общественно-го производства.

Порочность исходных позиций привела Гэлбрейта к явно несостоятельным конкретным выводам. С развитием государственно-монополистического капитализма крупные корпорации стали уделять больше внимания внутрифирменному планированию. В этом находит отражение дальнейшее повышение степени обобществления производства на базе различных форм капиталистической собственности. Следовательно, сам этот процесс разворачивается в неразрывной связи с действием объективных экономических законов развития капитализма. Планирование, таким образом, обуславливается развитием «техники» не прямо, как это утверждает Гэлбрейт, а опосредствованно, через механизм взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

По мере разворачивания научно-технической революции, приспособления крупных капиталистических корпораций к работе по государственным заказам (главным образом военным) потребность во внутрифирменном планировании усиливается. Без координации деятельности входящих в монополию предприятий само существование крупного монополистического объединения невозможно. В этом смысле можно согласиться с Гэлбрейтом в том, что «наиболее очевидной предпосылкой успешного планирования является крупный размер предприятия»⁷. Но совершенно необоснованным представляется его утверждение, что «размеры

фирмы «Дженерал моторз» обусловлены не требованиями монополии или экономии, связанной с масштабом производства, а требованиями планирования»⁸. Такой вывод как раз и вытекает из неверного понимания природы планирования.

«Размеры предприятия, — утверждает Гэлбрейт, — это обычный спутник технического прогресса, и никакой особой связи с объемом прибыли они не имеют»⁹. В действительности размеры капиталистического предприятия прямо и непосредственно связаны с объемом извлекаемой прибыли. Само укрупнение предприятий появилось в результате концентрации капитала, а этот процесс разворачивается на основе капиталистического накопления, капитализации прибавочной стоимости.

Было бы неверно, конечно, отрицать преимущества крупного производства над мелким. Сама эта проблема была впервые всесторонне разработана марксистско-ленинской экономической наукой. Крупное производство при этом не является принадлежностью только капиталистического хозяйства. Оно, как свидетельствует исторический опыт, с большей эффективностью развивается на основе общественной собственности на средства производства. Гэлбрейт это хорошо знает. Знает он и о том, что крупное социалистическое производство имеет несомненные преимущества перед крупным капиталистическим производством. Но он считает, что капитализм можно еще улучшить и что этот отживший строй может обеспечить простор развитию современной техники. С этих позиций и выдвигается положение о конвергенции, о мнимом сближении двух социальных систем.

Общая необходимость планирования, разумеется, связана с развитием техники, а точнее, производительных сил, включая и работника производства. Конечно, современный монополистический капитал стремится приспособиться к этим требованиям. Но как, какими методами это достигается, в чьих интересах и какой ценой для трудящихся? Гэлбрейт, не отвечая на такой вопрос, ставит на одну доску деятельность капиталистических корпораций и социалистического планирования. А между тем подобное отождествление не имеет под собой научной основы.

Несостоятельность концепции «планирования», выдвигаемой Гэлбрейтом, ясно обнаруживается при рассмотрении им взаимосвязи внутрифирменной организации производства и рынка в условиях современного капитализма. Здесь

без необходимых оснований используется прием расширительного толкования проблемы: все, что ведет к ликвидации или уменьшению ненадежности, нестабильности рынков товаров, капитала и труда, автоматически включается в «механизм планирования». При этом рассуждения Гэлбрейта в гл. III «Природа промышленного планирования» книги «Новое индустриальное общество» заслуживают внимания.

Капиталистическая практика знает ряд способов уменьшения ненадежности рынка, не связанных непосредственно с его заменой каким-то другим механизмом. К ним, по мнению Гэлбрейта, относятся: укрупнение размеров предприятия, диверсификация и многономенклатурность производства. Но обычная линия поведения современных крупных корпораций предусматривает якобы замену рыночного механизма принудительным контролем цен и объемов производства товаров. При этом используются различные пути: рынок замещается, например, вертикальной интеграцией; рынок контролируется продавцами (или покупателями); действие рыночных сил приостанавливается договором между покупателем и продавцом¹⁰.

В тех случаях, продолжает Гэлбрейт, когда возникают особые задачи (например, создание оружия), надежность «планирования» не обеспечивается указанными способами. Возникает необходимость возложить риск организации нового производства на государство, которое может гарантировать рынок сбыта, возместить сверхнормативные расходы на научные исследования и разработки либо предоставить фирме уже готовые технические знания¹¹.

Политика крупных корпораций в отношении капиталовложений также трактуется Гэлбрейтом с позиций мнимой замены рынка «плановым механизмом». Как и на рынках товаров, основным инструментом «планирования» капитальных вложений считается крупная корпорация, которая обладает значительным объемом нераспределенной прибыли, что так или иначе позволяет регулировать рынок капитала. Государству отводится роль решать такие вопросы, которые не под силу монополиям (например, регулирование совокупного спроса).

Самым лучшим методом, обеспечивающим успех современной политики фирм в области трудовых отношений, по мнению Гэлбрейта, является также «планирование». Однако в усилении надежности рынка труда корпорации как инструменту «планирования» буржуазным экономистом отво-

дится скромная роль (замена труда капиталом, увеличение численности «белых воротничков» и технической элиты). В большей своей части проблема надежности рынка труда, по мысли Гэлбрейта, должна решаться государством¹².

Таким образом, перед нами довольно широкий круг проблем экономической политики современной крупной корпорации – проблем, которые Гэлбрейт связывает с механизмом «промышленного планирования». Такое расширительное толкование «планирования» используется, с одной стороны, в целях апологетики власти монополий, с другой – этот прием сравнительно удобен для изыскания мнимых «общих черт» планирования при социализме и капитализме, для обоснования теории конвергенции двух систем.

В рассматриваемой нами концепции «нового индустриального общества» «планирование» и рынок противопоставляются друг другу как взаимоисключающие силы: или рынок, или «планирование». При этом по существу любые изменения в стихийном механизме регулирования капиталистической экономики рассматриваются как развитие «планирования».

Современная крупная корпорация своей экономической политикой, разумеется, оказывает существенное влияние на внутриотраслевую конкуренцию в условиях монопольной структуры рынка. Однако уменьшение роли ценовой конкуренции на рынке того или иного товара не является доказательством ослабления роли рыночного механизма регулирования вообще. Объяснение Гэлбрейтом комплекса проблем экономической политики корпораций только внутренними потребностями развития «техники» (через «планирование») выглядит по меньшей мере наивным.

Усилия крупных корпораций действительно направлены в первую очередь на преодоление «неопределенности рынка». Но это оказывается в условиях конкуренции и анархии общественного производства в принципе невозможным. Гэлбрейт наглядно показывает, как от этой «неопределенности» крупные корпорации по отдельным изделиям, например самолетам, терпят ущерб, исчисляемый сотнями миллионов долларов. Корпорации стремятся найти выход, объединяя под своим началом предприятия различных отраслей – от производства самолетов, ракет, подводных лодок до производства строительных материалов, телефонов и др. Речь идет, таким образом, о формировании многоотраслевых монополий. В этой форме организации

капиталистического производства проявляется стремление убытки предприятий одних отраслей, если они возникнут, с лихвой перекрыть прибылями других отраслей, оказавшихся в более благоприятном положении.

В этом случае рынок продолжает действовать. Его особенности используются для того, чтобы соединить крупные масштабы производства с разнообразным многоотраслевым ассортиментом производимой корпорациями продукции. Совершенно ясно, что здесь не устраняется противоречие между организованностью производства внутри корпорации и анархией общественного производства. Конкурентная борьба на рынке не ослабевает, а усиливается, ибо в борьбу вступают крупные и крупнейшие монополии. Следовательно, формирование многоотраслевых корпораций не устраняет так называемой «неопределенности рынка».

Фактором, заменяющим рыночный механизм, Гэлбрейт считает в первую очередь вертикальную интеграцию. Она предполагает захват крупной организацией источника поставок сырья и рынка сбыта тех или иных товаров. Здесь многие проблемы становятся внутренними хозяйственными вопросами. Однако крупнейшие корпорации, выступающие, по мнению Гэлбрейта, как «планирующие организации», не могут быть абсолютно замкнутыми. Они могут обеспечить себе независимость от рынка лишь по определенному кругу экономических связей, но в конечном счете любая корпорация работает на рынок, будь то государство или другие корпорации. А эти условия не находятся под непосредственным контролем каждой данной корпорации. Особенно остро проявляется, например, борьба между корпорациями за наиболее выгодные государственные заказы.

Следовательно, «неопределенность рынка» так или иначе, в большей или меньшей мере остается. Рынок практически не замещается каким-то «планирующим механизмом», кроме тех связей, которые существуют в рамках самой фирмы. Эти связи, конечно, с развитием вертикальной интеграции расширяются. Но и они не устраняют зависимости корпорации от покупателей конечной продукции или во всяком случае от стремления интегрируемых фирм и предприятий сбросить кабальную зависимость от корпорации, захватившей ключевые позиции. Речь идет, таким образом, не о преодолении «неопределенности рынка», а лишь о некотором изменении рыночных связей, о смещении линий неопределенности.

Крупные и крупнейшие корпорации обладают огромной

экономической силой. Они, несомненно, оказывают решающее воздействие на менее крупные корпорации и фирмы-поставщики: крупная корпорация, как это хорошо известно, может в буквальном смысле разорить и «проглотить» зависящую от нее фирму. В результате и складывается взаимозависимость седока и лошади. Контроль над рыночными факторами осуществляется путем подавления слабого сильным, хищнической борьбы эксплуататоров между собой за большую долю прибавочной стоимости, дополнительного «прибавочного пирога», созданного наемными работниками.

Вольно или невольно Гэлбрейт вскрывает хищническую, антинародную сущность крупнейших монополий типа «Дженерал моторз». Правда, это не является каким-то новым словом в экономической науке. В. И. Ленин показал действительную природу монополий более шестидесяти лет назад. Замечания Гэлбрейта ценны тем, что устами буржуазного экономиста подтверждается такая характеристика монополий, от которой официальная экономическая теория капиталистических стран открещивалась всеми возможными способами. Конечно, Гэлбрейт о монополиях пишет не в осуждение: просто утверждается их непреодолимая сила в экономике. Никто не в состоянии выступить против крупнейших монополий. А если бы это и случилось, то «каждому понятно, что победителем в этом состязании выйдет не агрессор, а «Дженерал моторз»»¹³.

Можно ли назвать эти действия «планированием»? Да, но только в отношении внутренних дел корпорации. И конечно, нет, если речь идет об экономике в целом, о производстве в общественном масштабе. Можно ли назвать это засилье монополий регулированием рынка? Да, это регулирование, это контроль, но регулирование и контроль в условиях общего стихийного развития экономики. Это использование преимуществ крупного производства для чудовищного обогащения монополистов в их узкокорыстных интересах.

И наконец, положение о том, что «неопределенность рынка» может быть преодолена путем заключения контрактов, договоров между крупными корпорациями на сравнительно длительное время. В мире крупных корпораций якобы «может быть построена своеобразная матрица контрактов, с помощью которых устраняется присущая рынку неопределенность во взаимоотношениях между фирмами»¹⁴. Это было бы в известной мере верно, если бы рынок

ограничивался только I подразделением (обменом внутри этого подразделения). Но поскольку продажи в конечном счете связаны со II подразделением, модус определенности испытывает воздействие сил неопределенности при заключении всей суммы договоров.

Рассмотрим теперь проблему соотношения рыска и «планирования» в условиях государственных закупок. Именно здесь Гэлбрейт видит пример «полностью планируемой экономики»¹⁵, к которой якобы стремится вся «индустриальная система». В военно-промышленном секторе капиталистической экономики сосредоточена основная часть расходов государства на научные исследования и разработки. Следовательно, в этой сфере нетрудно увязать необходимость «планирования» с потребностями современной «техники» и распространить этот вывод на всю «индустриальную систему», тем более что именно в этом секторе экономики сделаны первые попытки применения своеобразной американской формы «планирования» на государственном уровне. Речь идет о системе ИПБ (планирование — программирование — бюджетное обеспечение), которая была введена в 1961 г. в военном ведомстве США, а затем стала постепенно распространяться на другие звенья государственного аппарата, хотя Гэлбрейт непосредственно о ней не упоминает.

Особенности заключения торговых сделок и порядок установления цен на военную продукцию обусловили и специфические формы конкурентной борьбы на рынках этих товаров, но не исключили конкуренцию совсем. О том, что эта сфера экономики далеко не «полностью планируемая экономика», говорит уже тот факт, что более 18% закупок министерства обороны США в 1965 г. приходилось на так называемые свободные торги, где методом соревнования цен обеспечивается более выгодное для государства размещение заказа¹⁶, хотя и здесь монополии применяют свои методы конкурентной борьбы.

Более широкое распространение на рынках военной продукции имеет метод прямых переговоров. Он открывает большие возможности для наживы монополий. По американским данным, только замена прямых переговоров методом свободных торгов позволила бы государству сберечь на более низких ценах не менее 3 млрд. долл. в год¹⁷. Искусственное завышение издержек производства, взвинчивание монопольных цен в погоне за прибылью, практика лоббизма для получения заказов — вот далеко не полная

действительная картина так называемого «промышленного планирования», развивающегося, по мнению Гэлбрейта, только в результате требований «техники». Что касается системы ППБ, то ее анализ в советской литературе позволяет сделать следующий вывод. Какие бы новые методы государственного регулирования военного производства ни разрабатывались, они не в состоянии перевести капиталистическую экономику на рельсы планирования, избавить ее от внутренних противоречий, тем более что уже в конце 1972 г. даже в правительственных кругах США о системе ППБ сложилось мнение, подтверждающее ее полный провал¹⁸.

Несостоятельность концепции «планируемой экономики» выступает еще нагляднее при обосновании Гэлбрейтом ряда предложений по ликвидации так называемых «проблем в планировании» в США¹⁹.

Интуиция правильно подводит Гэлбрейта к тому рубежу, который разделяет монополизированный и немонополизированный капитал. Первый из них позволяет в рамках корпораций, а иногда и отраслей осуществлять ограниченные плановые мероприятия; второй — продолжает и поныне развиваться в соответствии с принципами свободного рынка, на который, однако, оказывает возрастающее воздействие государственно-монополистический капитал. Что касается немонополизированного сектора, то здесь существенных мер по регулированию производства и обращения пока еще не замечено. Гэлбрейт и предлагает распространить принципы, которые применяются в «индустриальной системе», на всю остальную часть экономики. Спрашивается, а на какой же основе регулировать работу сотен и сотен тысяч мелких и средних раздробленных и конкурирующих друг с другом предприятий? По-видимому, речь идет о распространении регулирующих мер, так или иначе осуществляемых по отношению к крупным корпорациям и внутри этих корпораций, на немонополизированную часть капиталистической экономики.

Необходимость «планирования» всей капиталистической экономики доказывается Гэлбрейтом путем рассмотрения отдельных примеров. Рассуждения эти довольно интересны, привлекают внимание. Первый из таких примеров — наземный пассажирский транспорт (городской и междугородный). Гэлбрейт считает, что в США должна существовать одна корпорация, один «планирующий орган», направляющий развитие этой отрасли в масштабах

целого района страны. Это позволило бы реконструировать транспорт, распределять капитальные вложения с учетом местных, районных и межрайонных потребностей. Плата за проезд находилась бы под контролем такой корпорации, которая могла бы успешно конкурировать с другими транспортными отраслями, рассчитывать на поддержку государства в технических нововведениях. Словом, городской и междугородный транспорт мог бы получить существенный стимул для своего развития.

В действительности этот транспорт в США представляет довольно разрозненную отрасль. Городской транспорт развивается под воздействием местных властей и частного капитала. Железные дороги США также представляют разрозненное и беспорядочно развивающееся хозяйство. Каждое звено железных дорог представляет частную собственность, осуществляет лишь частицу совокупных услуг по перевозке пассажиров из одной местности в другую, из района в район. Планировать транспортные услуги в целом не может ни одно из этих звеньев.

Отсюда и делается Гэлбрейтом вывод о необходимости создания крупной корпорации, представляющей новый этап капиталистического обобществления городского и междугородного наземного транспорта. Остается только неясным, на какой основе целесообразно осуществить такой процесс: на основе национализации или акционирования капитала, с выкупом или без выкупа, на принудительном или добровольном принципе? Или, может быть, вообще на основе стихийного развития экономических процессов (конкуренции, концентрации и т. д.), в результате которых в конце концов и возникнет крупная транспортная корпорация? На такие вполне правомерные вопросы ответа почему-то не дается.

Для доказательства необходимости и возможности создания крупной транспортной корпорации в качестве примера приводится такая отрасль, как телефонная связь²⁰. В телефонной индустрии сформировалась одна гигантская корпорация. Она охватила и местную, и дальнюю связь, получила возможность внедрять в широких масштабах новую технику, устанавливать тарифы. Если бы в области телефонной связи всего этого не было, заявляет Гэлбрейт, то степень автоматизации вызовов оказалась бы крайне низкой и потребовалось бы только для обслуживания современной телефонной сети США привлечь всю женскую рабочую силу.

Подобно телефонной связи для городского и междугородного наземного транспорта предлагается создать независимую компанию с достаточным капиталом, которая взяла бы на себя все массовые пассажирские перевозки страны. И тогда можно было бы надеяться на плановую организацию внутригородских и междугородных пассажирских перевозок.

Таким образом, Гэлбрейт выступает за всемерное усиление капиталистического обобществления производства во всех отраслях хозяйства, за усиление государственно-монополистических тенденций в развитии капиталистической экономики, следовательно, за дальнейшее повышение степени эксплуатации трудящихся. Еще и еще раз он подчеркивает, что значение стихийного рынка раздувается сверх меры и это ведет к особенно тяжким последствиям в городском и пригородном жилищном строительстве. И хотя снова и снова переоценивается при этом возможность регулирующей роли государства, сами факты и их интерпретация представляют несомненный интерес.

Прежде всего в богатой Америке существуют трущобы и острая нехватка жилой площади, что ведет к установлению квартирной платы на самом высоком уровне, какой возможен «при данном соотношении спроса и предложения»²¹. Промышленное, торговое и жилищное строительство подчинено рыночным факторам, стремлению к максимальной наживе. Это сопровождается возведением совершенно неполноценных в эстетическом отношении объектов. Жилые дома подчас строятся без современных удобств и коммунальных сооружений. «Совокупность подобных домов, — восклицает Гэлбрейт, — отвратительна, как смертный грех. Трущобный городок — классическое явление современности; скоро он, видимо, станет принадлежностью всех крупных городских центров в Соединенных Штатах. Таков типичный образец развития, поощряемого рынком»²².

Подобное признание выглядит как хорошо известное выражение: «Торговали — веселились, подсчитали — прослезились». Свобода рыночных отношений в течение столетий возводилась в ранг великой созидательной силы. А сегодня, когда настало время подвести итоги содеянного, оказалось, что это разрушительная сила.

Каков же выход из тяжелейшего положения, созданного господством рынка? Гэлбрейт его видит, так же как и в решении многих других проблем, в усилении государ-

ственно-монополистических тенденций в жилищном строительстве и других отраслях. Первое, что он предлагает, — это «свести к минимуму или нейтрализовать вредные влияния рынка». А второе — «создать планирующий орган, наделенный надлежащей властью»²³. Только при жестком и всестороннем планировании современный город и его окрестности можно сделать пригодными для жилья. Чтобы мероприятия государства в области жилищного строительства не сталкивались с противодействием рынка, оно должно приобретать землю.

Словом, речь идет о создании мощной государственной организации, приобретающей землю, ведающей жилищным строительством, планированием и развитием городского хозяйства. Придя к таким выводам, развенчав рынок до основания, как силу вредную и разрушительную, Гэлбрейт остаётся навливающимся. В самом деле, есть над чем задуматься. Если строго логически продолжить рассуждения, то можно прийти к выводу о необходимости сосредоточения всех материальных и финансовых ресурсов в руках государства. Выходит, что правы марксисты-ленинцы, настаивающие на необходимости национализации основных средств производства и передачи власти в руки представителей народа.

Нет! Так далеко в своих выводах буржуазный экономист пойти не может. Он не в состоянии подписать смертный приговор тому общественному строю, восхвалению которого он посвятил все свои силы. Он стремится к тому, чтобы улучшить капитализм, вдохнуть в него новую жизнь. Отсюда и зигзаги, шатания в теоретических построениях. С одной стороны, он за всестороннее внедрение планирования и как будто бы за ограничение стихийности экономического развития. С другой — по его мнению, нельзя приписывать превосходство ни рынку, ни «планированию». «На некоторых участках рыночный механизм все еще выполняет свои полезные функции»²⁴. И все же значение рыночных институтов существенно поблекло в глазах экономистов типа Гэлбрейта. По их мнению, на этот механизм уже нельзя положиться в обширной сфере хозяйства. «Полагаться на рынок там, где требуется планирование, — значит навлекать на себя серьезные неприятности»²⁵. Необходимо более или менее сознательное планирование спроса и предложения.

Таким образом, научная ценность гэлбрейттанской концепции «промышленного планирования» весьма и весьма сомнительна, если не сказать больше. Однако если посмот-

реть на ее идеологический аспект, то станут понятными огромные усилия автора. Он стремится доказать необходимость дальнейшего возрастания мощи крупных корпораций (монополий) и возможность с их помощью покончить со стихией и анархией капиталистического производства. Прикрываясь концепцией «планирования в индустриальной системе», Гэлбрейт подводит теоретическую базу под усиление процессов монополизации. На деле диверсификация и многономенклатурность производства, создаваемая монополиями система связей на основе контроля за рынками ведут не к обеспечению стабильности экономики на основе «планирования», а являются основой для монополистического манипулирования ценами и объемами производства товаров. Гэлбрейт умело защищает крупные монополии; вместе с тем он стремится вооружить их перспективой более эффективного ведения производства, усиления эксплуатации трудящихся и своих позиций на рынках.

Как уже отмечалось, за понятием «полностью планируемая экономика» скрывается военно-промышленный комплекс, тесно сросшийся с государственным аппаратом. Именно в этой сфере монополистический капитал чувствует себя особенно спокойно за барьером государственно-монополистического регулирования производства и сбыта военной продукции. Последнее обстоятельство накладывает определенный отпечаток на формы проявления монополии и конкуренции в этой сфере. Однако и в этой области экономики нет и не может быть полного «планирования».

Расширительное толкование понятия «планирование» используется для неправомерного сравнения капитализма с социализмом, обоснования конвергенции двух систем. Кроме того, этот подход к планированию тесно связан со следующими «этажами» социальной утопии Гэлбрейта. Он понимает, что для планирования развития хозяйства необходима какая-то иная по сравнению с частнокапиталистической собственностью экономическая основа. Но общественная социалистическая собственность в качестве такой основы им не признается. Поэтому он пытается сконструировать эту иную основу, опираясь на видимость, а не на существо экономических процессов, развивающихся в современном капиталистическом обществе.

В оценке Гэлбрейтом всего механизма «промышленного планирования» обращает на себя внимание то, что решающая роль в нем отводится крупной корпорации, а регулирующие функции государства рассматриваются как допол-

нительные. В какой-то мере здесь отражается специфика американской экономики. Особенность развития государственно-монополистического капитализма США состоит в исключительно важной роли крупных монополий, которые накопили немалый опыт как внутрифирменного планирования, так и различных форм согласования рыночной политики в условиях современной монополистической структуры рынка. В отличие от стран Западной Европы в американской экономике общегосударственное программирование еще не получило широкого развития. Поэтому главным «инструментом планирования» Гэлбрейт считает монополистическую корпорацию, которая своей внутрифирменной политикой якобы оказывает влияние и на некоторые общэкономические пропорции.

Нарастание неустойчивости американской экономики, которое особенно проявилось в начале 70-х годов, усилило в США голоса в пользу системы национального программирования. Поборники планирования по-американски даже внесли на рассмотрение конгресса соответствующий законопроект²⁶. Отражением этой озабоченности наиболее дальновидных защитников капитализма проникнуто и выдвинутое в книге «Экономические теории и цели общества» предложение Гэлбрейта о необходимости создания в США «государственного планового органа»²⁷ как одной из основных задач «общей теории реформ». Целью такого капиталистического «госплана», работающего под строгим надзором законодательных органов, по мнению Гэлбрейта, должно стать обеспечение более сбалансированного развития американской экономики и координация «плановой политики» между национальными «планирующими системами»²⁸.

Призыв Гэлбрейта к дальнейшему усилению государственно-монополистического программирования экономики, разумеется, не имеет ничего общего с возможностью подлинно планомерного пропорционального развития производительных сил. Он лишь свидетельствует об углублении противоречия между современным уровнем производительных сил и сдерживающим их развитие состоянием производственных отношений. Это свидетельствует также и о шаткости самой доктрины «промышленного планирования». В книге «Новое индустриальное общество» утверждалось, что «все выдающиеся свершения индустриальной системы являются результатом планирования»²⁹. Через шесть лет в работе «Экономические теории и цели обще-

ства» вынужденно признаются крупные «пробелы в планировании». Так называемый «энергетический кризис» показал, что межотраслевая координация внутри «индустриальной системы» нарушена. Более того, по мнению Гэлбрейта, «существует большая вероятность, что эта координация время от времени будет нарушаться»³⁰.

Такое признание весьма красноречиво. С одной стороны, оно косвенно свидетельствует, что современные производительные силы объективно требуют планирования в национальном масштабе. С другой – в условиях частной собственности планирование носит ограниченный характер, не выходящий за рамки отдельных корпораций. Призыв к созданию «госплана» американской экономики – это фактическое признание несостоятельности положения об утверждении в США «полностью планируемой экономики», выдвинутого в книге «Новое индустриальное общество».

2. «Революция техноструктуры» и реальные отношения капиталистической собственности

В арсенале средств апологии современной монополистической корпорации наряду с иллюзией о полной замене рынка так называемым «планированием» важную роль играет комплекс теоретических измышлений Гэлбрейта, объединенных им под общим названием «революция техноструктуры». Последняя призвана заменить собой явно устаревшую, по мнению Гэлбрейта, концептуальную идею буржуазной идеологии о «революции управляющих». Одной из задач «революции техноструктуры» является попытка подвести («новую») теоретическую базу под отрицание буржуазной собственности на средства производства в условиях научно-технической революции. Подменив сущность отношений собственности категорией власти (управления), Гэлбрейт стремится истолковать процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции как якобы закономерный процесс утраты власти капиталистом и перехода ее к организации («техноструктуре»).

Рассматривая собственность капиталиста-предпринимателя как монопольное право на «воздействие в процессе принятия решений», как власть устанавливать цены, ставки заработной платы и т. п.³¹, Гэлбрейт утверждает, что только на мелком предприятии с простой структурой организации «власть исходит от собственности на капитал, на средства

производства. В крупной и высокоорганизованной фирме власть переходит к самой организации — к техноструктуре корпорации». В самых крупных корпорациях США, продолжает он, «...власть техноструктуры абсолютна. Власть собственников капитала, т. е. держателей акций, равна нулю»³². При этом не просто констатируется факт потери власти акционерами в крупной корпорации — в этом нет ничего нового для современной буржуазной экономической теории, — а разворачивается целое теоретическое исследование взаимосвязи власти и факторов производства и тем самым якобы раскрываются еще не использованные традиционной буржуазной экономической теорией возможности вульгарной теории факторов производства.

Что же интересует Гэлбрейта в теории факторов производства, научная ценность которой уже давно опровергнута марксистской политэкономией? Его интересует проблема взаимосвязи факторов производства и власти, мимо которой якобы прошли буржуазные экономисты. Он ставит перед собой несколько вопросов: почему власть оказывается связанной с одними факторами, а не с другими; почему в далеком прошлом власть давала земельная собственность, а затем капитал? Если в истории был возможен переход власти между такими факторами производства, как земля и капитал, то, очевидно, при каких-то обстоятельствах возможно новое перемещение власти между такими факторами производства, как капитал и «специализированные знания»?³³

Чтобы придать видимость объективности своим выводам о потере власти теми, кто в настоящее время представляет такой фактор производства, как капитал, Гэлбрейт обращается к далекой истории и подробно анализирует соотношение факторов производства — земля, капитал, труд — и престиж в обществе носителей этих факторов³⁴. По его мнению, двести лет назад власть решающим образом была связана с землей как основным фактором производства. Скучному предложению капитала соответствовали и ограниченные возможности его использования из-за примитивной технологии. Решающим фактором производства считалась ограниченность земельных ресурсов. Кто имел землю, мог найти капитал и рабочую силу. Люди, владевшие землей как ограниченным ресурсом, занимали господствующие позиции в экономике и обществе.

Переход от феодализма к капитализму трактуется Гэлбрейтом следующим образом. Поиски новых свободных зе-

мель в Америке, Южной Африке и Австралии, совершенствование техники расширили возможности применения капитала. Спрос на капитал возрастал быстрее предложения. Доля сельского хозяйства в совокупном продукте стала падать. Кто контролировал капитал, мог распоряжаться рабочей силой и землей.

Из этого экскурса Гэлбрейт делает следующий основополагающий для своей концепции вывод. В историческом плане имело место радикальное перераспределение власти над предприятиями и в обществе между такими факторами производства, как земля и капитал. «Власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить»³⁵. Отсюда уже следует «логический» вывод о том, что если капитал как фактор производства станет более доступен или заменим и появится новый, менее доступный и труднозаменимый фактор, то возможно новое перераспределение власти на предприятии и в обществе³⁶. Теперь остается только подогнать факты под эту теоретическую схему, что и делает Гэлбрейт.

Современная тенденция к превышению сбережений над капиталовложениями выдается им как свидетельство утраты капиталом значения решающего фактора производства, а возрастающая потребность современного производства в «специализированных знаниях и соответствующей форме организации этих знаний»³⁷ может быть представлена как новый труднодоступный фактор производства. Поэтому, утверждает Гэлбрейт, неизбежно должно произойти новое перемещение источника власти «от капитала к организованным знаниям». Этот процесс якобы начался в США в начале XX в. и продолжается в настоящее время.

Таким образом, вульгарная теория факторов производства, без которой не обходится буржуазная политэкономия, как бы получила «новое истолкование». Однако научная ценность этой теории несколько не увеличилась. Методологический порок Гэлбрейта состоит в том, что его рассуждения основаны на отождествлении вещных форм производственных отношений с их социально-экономическим содержанием. Земля, средства производства и конкретный труд являются факторами производства в процессе труда (факторами производства потребительной стоимости товара). В таком качестве их роль и значение действительно изменяются в историческом плане. Но средства производства выступают и как материальная форма общественно-экономических отношений, и как отношения собственности.

В действительности власть связана с землей или капиталом не потому, что они выступают в качестве простых элементов производственного процесса, а потому, что они являются материальным воплощением отношений собственности на средства производства. В классово-антагонистических обществах власть всегда есть функция определенного класса, владеющего средствами производства. К. Маркс подчеркивал, что капиталист управляет производством вследствие того, что он представляет капитал. «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»³⁸.

Из этого определения К. Маркса следует, что экономическая власть на предприятии и в обществе есть воплощение отношений собственности. Тот факт, что средства производства могут выступать и как вещественные элементы простого процесса труда (факторы производства), и как материальная форма общественно-экономических отношений, Гэлбрейт пытается использовать для подмены одного другим. Однако такая подмена, основанная на вульгарной теории факторов производства, привела его к грубому искажению исторического процесса и фальсификации отношений собственности современного капитализма. Сначала вернемся к трактовке Гэлбрейтом истории.

По мнению автора «нового индустриального общества», переход от феодализма к капитализму сводится лишь к процессу развития производительных сил, а разложение феодализма трактуется как результат освоения новых земель. Однако в действительности разложение феодализма развертывалось в силу действия объективных экономических законов. Применение насилия при первоначальном накоплении капитала, массовые выступления крестьян, буржуазные революции завершили крушение феодального общества и утверждение нового капиталистического способа производства.

Собственность на землю действительно давала в свое время по существу безграничную власть над людьми, право своевольно распоряжаться жизнью рядового человека, руководящую роль в обществе и власть в государстве. Гэлбрейт обращается к сравнительно далекой истории, и тут он

не стесняется в выражениях, говорит о грабительской сущности феодальных отношений. Здесь ему не чужд известный разоблачительный пафос, здесь он позволяет себе негодование по поводу феодальной и рабовладельческой эксплуатации.

Нет необходимости следовать за всеми экскурсами Гэлбрейта в историю. Этот материал не дает ничего нового. Следует лишь заметить, что Маркс первый нарисовал картину развития докапиталистических формаций, отвечающую объективным экономическим законам. Он ярко показал, как в процессе первоначального капиталистического накопления мечом и огнем прокладывался путь к богатству, как захватывались земли мелких крестьян, колонизовались огромные территории и как буквально истреблялось туземное население колонизируемых стран. Но о марксистском анализе докапиталистических способов производства и становления капитализма Гэлбрейт даже не упоминает.

Исторический экскурс Гэлбрейта на деле не является доказательством того, что якобы происходящий переход власти от собственников к «техноструктуре» подготовлен предыдущим закономерным развитием экономики. В еще большей степени антинаучной оказывается теория факторов производства Гэлбрейта применительно к современному этапу развития капитализма, когда якобы происходит новое перемещение власти между такими факторами производства, как капитал и «специализированные знания».

Гэлбрейт заявляет: «Весьма вероятной причиной перемещения власти в корпорациях является упадок значения капитала по сравнению с обученными кадрами»³⁹. Однако и это утверждение о закономерности перехода власти от собственников капитала к новому, наименее доступному или труднозаменимому фактору основано на грубом отождествлении процессов, протекающих в производительных силах под влиянием современной научно-технической революции, с изменениями буржуазных производственных отношений.

Для современного капитализма действительно свойственны тенденции «к превышению сбережений над капиталовложениями», некоторое возрастание внутренних источников в структуре финансирования расширенного воспроизводства. По логике Гэлбрейта, это якобы свидетельствует об уменьшении роли банкиров по сравнению с функционирующим предпринимателем, об уменьшении роли денежного капитала по отношению к функционирую-

щему. Однако это утверждение основано на непонимании (или умышленном искажении) такой объективной категории империализма, как финансовый капитал и финансовая олигархия. Некоторые изменения в соотношении источников финансирования монополий свидетельствуют об еще большем усилении господства финансового капитала и финансовой олигархии, о приспособлении методов их господства к меняющимся условиям существования капитализма.

Теперь перейдем к следующему «фактору производства» — «систематизированным знаниям» и рассмотрим, что означает на деле утверждение Гэлбрейта о повышении роли этого фактора в производстве и относительно роста капитала.

Рабочая сила как способность к труду есть важнейший элемент производительных сил общества. В условиях научно-технической революции в связи с резким усилением социальной роли науки, усложнением управления производством и т. п. возрастает значение личного фактора производительных сил общества. Изменения отдельных элементов личного фактора очень значительны и по темпам роста могут опережать рост вещественных элементов производительных сил. Кроме того, капиталистическая система образования и подготовки кадров в значительной степени отстает от потребностей производства. В этом смысле можно говорить о возрастающем (по сравнению с ростом капитала) значении «специализированных знаний» и форм их организации, об относительном возрастании роли личного фактора производства.

Однако эти изменения в производительных силах не могут сами по себе затронуть сущности производственных отношений.

В современном капиталистическом обществе власть осуществляется классом капиталистов, владеющим основными средствами производства. Не меняет сущности власти и то обстоятельство, что часть своих функций по управлению производством капитал осуществляет руками наемных служащих, которые могут и не принадлежать полностью к данному классу. Как бы ни возрастал слой технократии, как бы ни увеличивалась его роль в капиталистическом процессе производства, он не сможет стать силой, заменяющей собой власть буржуазии. Этот слой выдвигается господствующим классом и выполняет функции только в его интересах и в очерченных этим классом пределах.

Не надеясь на силу лишь теоретических выводов о переходе власти от собственников капитала к «техноструктуре», Гэлбрейт в поисках аргументов опирается на «десяток самых очевидных доказательств». Приводятся фактические данные о росте числа акционеров, рассуждения об ослаблении «притягательной силы» банкира в обществе и т. п. Эти «доказательства» требуют некоторого пояснения, так как они основаны на искаженной трактовке процесса «рассеивания» собственности и некоторых изменений в кредитно-финансовой системе современного капитализма.

Гэлбрейт усиленно подчеркивает факт абсолютного увеличения числа акционеров и «рассеивания» собственности. Но вместе с этим он замалчивает факт концентрации акционерной собственности в руках финансовых магнатов. Имея в виду рядового акционера, он справедливо отмечает формальность его прав: «голосовать он может, но голос его не имеет практического значения»⁴⁰. Действительно, мелкие и даже средние акционеры никогда не имели никакого влияния на дела корпорации. Иное дело крупные акционеры, держатели контрольного пакета акций.

Гэлбрейт приводит данные по США профессора Р. Гордона, относящиеся к довоенному времени. Согласно этим данным, в 176 крупных корпорациях около половины акций находилось в руках группы людей, каждый из которых в отдельности имел менее одного процента акций, выпущенных в обращение⁴¹. Однако в таком виде эти данные еще ничего не говорят о потере власти акционерами, так как неизвестно распределение остальной половины акций. Более ясной будет картина, которую дает американский исследователь Ф. Ландберг, его данные относятся примерно к тому же времени: в 1939 г. из 209 732 акционеров «Дженерал электрик» 522 акционера (0,2% общего числа) владели 33% выпущенных в обращение акций⁴².

Эта корпорация не исключение. Ф. Ландберг приводит относящиеся к 1937 г. данные обследования 200 крупнейших корпораций (большинство из них, надо думать, совпадает с кругом 176 корпораций, упоминаемых профессором Гордоном). Почти во всех корпорациях лишь небольшая доля однопроцентной верхушки акционеров владеет крупными контрольными пакетами акций. Множество мелких и средних акционеров в совокупности владеют лишь небольшой долей выпущенных корпорациями акций.

С тех пор, несмотря на увеличение общего числа акционеров, процесс концентрации акционерного капитала

в руках кучки собственников еще более усилился. По данным профессора Р. Лэмпиэна, владение акционерным капиталом в США «в высшей степени сконцентрировано» и нет никаких признаков ослабления этой концентрации. По его подсчетам, 1,6% взрослого населения США в 1953 г. владели 80% акций, которые находились в руках отдельных владельцев⁴³.

Далее Гэлбрейт приводит данные Р. Гордона о том, что до войны отдельные акционеры владели пакетами, достаточными для потенциального контроля, в трети корпораций из 176. Гэлбрейт считает, что за прошедшую с тех пор четверть века процесс дробления пакетов акций якобы усилился и, следовательно, эта доля должна постоянно уменьшаться. Он заявляет, что в настоящее время «среди 200 крупнейших американских корпораций... имеется незначительное число таких, где собственники оказывают существенное влияние на решения», основываясь на пакете акций. «Это влияние с каждым годом уменьшается»⁴⁴.

Но вот данные журнала «Форчун» свидетельствуют о другом. В 1967 г. из 500 крупнейших корпораций США в 150 контрольный пакет акций находился в руках отдельного лица или членов одной семьи⁴⁵. Из этих данных видно, что рекламируемая Гэлбрейтом тенденция к распылению капиталистической собственности не подтверждается фактами. Но дело даже не в количестве индивидуальных пакетов акций. С развитием капитализма меняется сам характер контроля собственности в крупных корпорациях.

В условиях современного государственно-монополистического капитализма процесс концентрации акционерной собственности приобретает новые черты, о которых Гэлбрейт предпочитает не упоминать. С ростом числа акционеров (до нескольких миллионов в отдельных монополиях) для господства в корпорациях требуется все меньший и меньший процент акций. Некоторые магнаты господствуют в монополиях, владея всего 3–5% (а иногда и еще меньше) всех акций⁴⁶. Кроме того, с развитием трастовских операций банков контроль над корпорациями принимает форму «коллективного» контроля, хотя управляет этими банковскими учреждениями (а через них и корпорациями) ограниченное число собственников.

В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт вынужден был признать факт изменения формы контроля собственности. При этом он всячески преуменьшает его значение, так как считает, что деятельность страховых

компаний, пенсионных фондов, касс взаимопомощи, банков «до некоторой степени сдерживает процесс уменьшения власти акционеров». Однако здесь же добавляет, что значение этого фактора нельзя преувеличивать, так как по традиции финансовые учреждения якобы «пассивны в отношениях с управляющей верхушкой фирмы»⁴⁷.

По оценке советских экономистов, не только трастотделы коммерческих банков, но и пенсионные, взаимные, благотворительные фонды можно и необходимо рассматривать как коллективных акционеров, как новую форму осуществления господства современной финансовой олигархии. Это важно и потому, что наряду с индивидуальными акционерами они играют все большую и большую роль в экономике современного капитализма. На долю этих коллективных акционеров в 1971 г. приходилось 44% биржевой стоимости всех акций, котировавшихся на Нью-Йоркской бирже⁴⁸.

В качестве еще одного из «десятька очевидных доказательств» утраты власти капиталом Гэлбрейт выдвигает аргумент об ослаблении «притягательной силы» банкира в современном буржуазном обществе. Однако анализ реальных тенденций развития послевоенного американского капитализма свидетельствует как раз об обратном, а именно о дальнейшем сращивании промышленных и банковских монополий, об усилении мощи финансового капитала.

Выводы Гэлбрейта об уменьшении влияния банков строятся на основе апологетической оценки современного финансового капитала. Как и многие буржуазные экономисты — сторонники «отделения власти от собственности», он искусственно изолирует производственные корпорации от всей промышленно-финансовой системы капитализма. Такой апологетический прием создает иллюзию полной экономической самостоятельности корпораций, позволяет рассматривать их как центры экономической власти. Однако действительная власть капитала на монополистической стадии его развития обнаруживается только на основе марксистской методологии, ленинского учения о роли финансового капитала и финансовой олигархии в условиях империализма.

В качестве отправного пункта в своих рассуждениях по этому поводу Гэлбрейт использует объективную тенденцию к усилению самофинансирования корпораций. Конечно, с ростом монопольных цен увеличиваются нераспределенные прибыли, становясь важным источником воспроиз-

водства капитала корпораций. Однако это еще не доказательство того, что усиливается независимость промышленных корпораций от банков.

Контроль банков усиливается, так как расширяются их возможности распоряжаться голосами множества акционеров. В последние годы банки наряду с обычным участием в кредитовании промышленности превратились в гигантские аккумуляторы акций. Развитие трастовских операций банков привело к еще большему переплетению промышленного и банковского капитала, к укреплению личной унии финансовой олигархии. Как и подчеркивал В. И. Ленин, при империализме важной формой сращивания промышленных и банковских монополий является «слияние тех и других посредством владения акциями»⁴⁹.

Изменения в кредитно-финансовой системе современного капитализма оказывают большое влияние не только на связи промышленных корпораций с банками. Появление на рынке ссудных капиталов страховых компаний, пенсионных фондов, инвестиционных компаний и других кредитно-финансовых учреждений привело к некоторому падению удельного веса коммерческих банков в финансировании промышленности, но не к уменьшению их роли в экономике. Это видно на примере пенсионных фондов: значительная их часть используется для финансирования крупных корпораций, а контроль над большинством самих пенсионных фондов сосредоточен в крупнейших банках. Распоряжаясь титулами собственности промышленных корпораций, банковские монополии не ослабляют свою роль, а, наоборот, усиливают власть финансового капитала в экономике и во всем обществе. Эти явления не заметил или не захотел увидеть Гэлбрейт, так как они нарушают идиллическую картину власти в «новом индустриальном обществе».

Таким образом, ни проведенное Гэлбрейтом «новое» теоретическое обоснование, ни «десяток самых очевидных доказательств» не убеждают в главном — в том, что якобы ослабевает власть буржуазной собственности на средства производства. Анализ Гэлбрейта вместе с тем по-своему подтверждает марксистско-ленинское положение о том, что развитие общественного характера производства в условиях научно-технической революции делает лишней фигуру собственника капитала (акционера). Однако пока существует частная собственность на средства производства, фигура собственника, как бы она ни отдалялась от непо-

средственного процесса производства, сохраняет за собой реальную власть над корпорацией и в обществе. Обоснование мнимого уничтожения частной капиталистической собственности служит целям апологетики монополий и открывает широкий простор для дальнейшего обоснования мнимой «трансформации» капитализма в «новое индустриальное общество».

3. Ложность тезиса о тенденциях к «социализации» крупной корпорации

Выдвинув фальшивый тезис об утрате собственниками капитала власти в «развитой корпорации» и переходе власти в руки организации («техноструктуры»), Гэлбрейт приступает к дальнейшему обоснованию «революции техноструктуры». Он пытается доказать, что природа власти «техноструктуры» (связанная со сложной организацией, с коллективной волей людей) якобы принципиально отличается от природы монопольной власти хозяина-капиталиста. Именно эта «новая» природа власти якобы служит основой для тенденций к «социализации» крупной корпорации: преодолению классового антагонизма в капиталистической экономике (точнее, в ее ядре — «индустриальной системе»), смягчению трудовых конфликтов и ликвидации классово-экономических противоречий.

Гэлбрейт исходит из того, что природа власти хозяина-капиталиста была основана на монопольном (индивидуальном) принятии управленческих решений и стремлении к максимизации прибыли. Это объективно вело к господству на предприятии денежного мотива, к противоречию экономических интересов капиталиста и наемной рабочей силы, к классовому антагонизму. В отличие от этого, считает Гэлбрейт, власть «техноструктуры» основывается на коллективном принятии решений, на культивировании других мотивов поведения (кроме денежного), т. е. эта власть своей «новой» природой создает условия для преодоления основных пороков и противоречий капитализма.

Заменяя реальные противоречия современного капитализма мнимыми противоречиями «индустриального общества», Гэлбрейт считает, что их причина в «новой» природе сложной организации, в особенностях «социальной деятельности», в условиях «промышленного планирования» и «власти техноструктуры», т. е. в конечном счете в самой «технике». Таким образом создается удобная основа для

критики ряда «негативных тенденций» американского общества, позволяющая скрывать истинные причины кризиса экономической системы империализма и классовые анти-монополистические корни современного социального протеста в США.

Исследование «новой» природы власти организации («техноструктуры») Гэлбрейт проводит в форме довольно пространного анализа природы сложной организации и теории побудительных мотивов деятельности человека в сложных организациях. Этому посвящено несколько глав в книге «Новое индустриальное общество». Вначале рассматривается «общая теория побудительных мотивов», а затем ее выводы применяются к конкретным сложным организациям — корпорации и «техноструктуре».

Эта часть анализа концепции «нового индустриального общества» интересна тем, что здесь Гэлбрейт предпринимает попытку раздвинуть рамки традиционной буржуазной экономической науки за счет обильного заимствования из таких новейших областей научного знания, как теория организации и управления, мотивация поведения в сложных организациях. Гэлбрейт заимствует аргументы из работ таких буржуазных ученых, как Ч. Барнард, Г. Саймон, Дж. Марч, которые в нашей литературе относятся к так называемой школе «социальных систем» — одному из направлений американской науки об организации и управлении.

Гэлбрейт начинает свой анализ с общих теоретических положений о сложной организации. Как и большинство современных буржуазных экономистов и специалистов по управлению, он считает величайшим итогом истории США тот факт, что основная часть членов общества работает сегодня в сложных организациях, а не на предприятиях индивидуальных капиталистов.

Возникновение сложных организаций связывается с тем, что в условиях научно-технического прогресса в промышленности «значительное число решений — и все существенно важные решения — принимается на основе информации, которой располагает не один человек, а большое количество людей»⁵⁰. Эта группа людей, объединенная будто бы одной целевой установкой и обладающая необходимой информацией, и образует современную организацию в «индустриальном обществе». Успешная работа последней зависит от многих факторов, которые являются предметом подробного изучения буржуазной науки об организации и управлении.

Автор «Нового индустриального общества» приводит определение организации (по одной из работ Ч. Барнарда) как «системы сознательно согласованных действий или сил двух или более лиц»⁵¹. Главное, что подчеркивает Гэлбрейт в организации, — это согласованность, отказ человека от своих личных задач и подчинение целям организации. Для такого подчинения власти организации, продолжает он, есть все основания. «Отдельный человек может согласиться с решением другого, если ему известно, что он обладает большими знаниями»⁵². Тем более человек соглашается с мнением группы, так как ее знания всегда больше знаний одного человека, даже если группа состоит из людей со средними способностями.

Далее Гэлбрейт переходит к категориям «побудительные мотивы» и «система мотивов».

Побудительные мотивы — это те средства или стимулы, с помощью которых достигается согласованность. Гэлбрейт выделяет четыре основных мотива: принуждение, вознаграждение, отождествление (идентификация) и приспособление (адаптация). Совместное влияние мотивов Гэлбрейт называет системой мотивов. Системы различаются между собой как по составу мотивов, так и по силе их взаимодействия между собой. Наибольший эффект достигается, утверждает он, когда мотивы в социальной системе усиливают воздействие друг на друга. В этом случае связь личности с организацией отличается особой прочностью, а цели организации достигаются наилучшим образом⁵³.

Другой важной чертой организации вообще является то, что она якобы служит удовлетворению потребностей входящих в нее людей. Один из американских теоретиков организационного управления С. Янг считает, что главным фактором, сплачивающим людей в организациях, становится цель. С подобным положением согласен и Гэлбрейт. Рассмотрим это подробнее.

Важнейшим принципом «организационного управления» является требование так формулировать цели организации, чтобы на первом плане было поддержание и увеличение благосостояния всех членов организации. Формулирование целей организации с учетом интересов только части ее членов нарушает рациональное единство организации. Например, если целью предпринимательской организации является только максимизация прибыли или получение наибольшего дохода на капитал, то считается, что в этом случае цель формулируется на основе интересов только

части организации (акционеров). Интересы остальных членов в значительной мере игнорируются. А так как люди присоединяются к организации для увеличения своего благосостояния, то нельзя рассчитывать на их эффективное участие, если принимаются решения, ориентирующие на цели, минимизирующие их выгоду⁵⁴.

В «общей теории побудительных мотивов» согласие личности принять цели организации (т. е. вносить свой трудовой вклад в дела организации) может быть обеспечено, по мнению автора «нового индустриального общества», принуждением или куплено за деньги. Но личность может и сама путем субъективной оценки поставить цели организации выше своих собственных интересов. В этом случае участие в делах организации будет якобы мотивировано отождествлением целей. Но даже если субъективные оценки целей организации не служат отождествлению, личность может участвовать в деятельности организации вследствие мотива приспособления. Это значит, что человек надеется со временем привести цели организации в соответствие со своими собственными. Этот мотив, по мнению Гэлбрейта, тесно связан со стремлением к власти и «получил значительно меньшее признание в теории организации». Этот мотив в значительной мере обязан своим существованием Гэлбрейту⁵⁵.

Таким образом, вывод Гэлбрейта из «общей теории побудительных мотивов» сводится к тому, что эффективность участия человека в деятельности любой организации в значительной мере определяется степенью его убежденности в причастности к делам организации. Поэтому важной проблемой управления в сложной организации, продолжает он, является управление поведением работников, манипуляция сознанием личности с целью большего отождествления ее с целями организации.

Уже на этом этапе анализа видна вся несостоятельность такого рода выводов. Методологический порок «общей теории побудительных мотивов» состоит в том, что она исходит из неправильного понимания диалектической взаимосвязи сознания и общественного бытия. В конечном счете мотивы поведения человека определяются не субъективными оценками своих целей или целей организации, а объективными условиями его существования. Другое дело, что объективные условия воздействуют на поведение через сложный механизм субъективного отражения реальности в сознании человека. Полностью оторванные от объектив-

ной основы сознания выводы о мотивации поведения человека превращаются в апологетику усовершенствованных методов эксплуатации труда и манипулирования поведением рабочих в классовых интересах буржуазии.

Истинный смысл и значение «общей теории побудительных мотивов» становятся ясными при использовании этой теории для характеристики «развитой корпорации» и «техноструктуры». Последние Гэлбрейт рассматривает как сложные организации, все члены которых «ориентируются в своей деятельности на ее цели под влиянием различных мотивов»⁵⁶.

Гэлбрейт сначала конструирует социальную структуру корпорации в виде схемы из нескольких концентрических окружностей, где кольца между окружностями представляют собой группы людей с различными системами мотивов. Рядовые акционеры располагаются за внешней окружностью. Их отношение к корпорации представляет собой чистый случай денежного мотива. С крупными акционерами, которые входят в состав управленческой верхушки, у Гэлбрейта дело обстоит сложнее. Здесь он все надежды возлагает на то, что с развитием корпорации таких случаев становится якобы все меньше и меньше⁵⁷.

Следующее кольцо по направлению к центру отдано производственным рабочим. Здесь система мотивов, по мнению Гэлбрейта, представляет собой сочетание денежного вознаграждения и отождествления целей. Их конкретная комбинация зависит от многих факторов. Далее к центру расположены мастера, бригадиры, конторские служащие, работники сбытовых отделов и другие рядовые работники из числа «белых воротничков». Ближе к центру они сливаются с техниками, инженерами, руководителями отделов продажи, конструкторами и другими специалистами, входящими в «техноструктуру». В самом центре — высшие руководители, или менеджеры.

Такая схема «развитой корпорации», по мнению Гэлбрейта, позволяет более точно представить социальную структуру этой организации, лучше выявить отношения между людьми. В предпринимательской корпорации максимизация прибыли (как единственная цель производства) и денежный доход (как основной интерес предпринимателя), по логике буржуазного экономиста, обуславливали четкое деление на два противоположных лагеря — капиталистов и наемных работников. Последние на всех уровнях предпринимательской корпорации работают для обогаще-

ния собственников. В сложной организации, продолжает Гэлбрейт, такое деление якобы уже не соответствует действительности. Оно заменяется группировками членов организации по более или менее сходным системам мотивов, т. е. развитие «техники» ведет к тому, что будто бы сам принцип классового деления, градация по признаку социально-экономического положения работников корпорации, теряет смысл по мере развертывания научно-технической революции.

В изложении Гэлбрейта эти выводы выглядят следующим образом. В современной организации только акционеры поддерживают связь с корпорацией на основе чисто денежного мотива. Далее к центру организации мотивы становятся смешанными. У производственных рабочих денежное вознаграждение имеет еще большое значение. Но в отличие от акционеров у них тесный контакт с организацией вызывает к жизни и мотив отождествления целей. Конкретная комбинация этих двух мотивов, эффективность их сочетания зависят от положения дел в корпорации, стратегии в области трудовых отношений, позиции профсоюзов.

Главное внимание Гэлбрейт уделяет системе мотивов той социальной группы, которая включается им в «техноструктуру». Он утверждает, что «денежное вознаграждение не обязательно является главным мотивом деятельности членов техноструктуры. Движущими силами могут быть отождествление и приспособление целей. Выше определенного уровня они могут действовать независимо от дохода. Техноструктура не нуждается в максимизации прибыли и не стремится к этой цели»⁵⁸.

Своеобразным итогом теоретических изысканий Гэлбрейта стал сформулированный им так называемый «принцип совместимости». Он состоит в том, что имеющаяся совместимость целей и мотивов в системе «личность — организация» (или «организация — личность») может быть распространена и на все общество, так как последнее состоит из организаций. «Если известны цели общества, то имеется ключ к познанию целей организаций, находящихся у него на службе, и людей, входящих в эти организации. Верно также и обратное. Если известны мотивы действий отдельных лиц, то можно узнать и мотивы деятельности организаций и наоборот»⁵⁹.

Говоря более конкретным языком, «принцип совместимости» означает следующее. С возникновением крупных корпораций «появляется возможность широко навязывать

их волю обществу»⁶⁰. В результате «корпорация становится инструментом, позволяющим придать общественную значимость целям тех, из кого она состоит»⁶¹. Большая часть из нынешних общественно важных задач, продолжает Гэлбрейт, на деле становится отражением нужд «техноструктуры». Такова якобы внутренняя природа власти «техноструктуры» — власти, опирающейся не на собственность, а на убеждения людей, на специфические особенности сложной организации. Проанализируем критически эти выводы.

Исходным пунктом теоретических рассуждений Гэлбрейта по поводу «новых» побудительных мотивов и якобы коренного изменения природы власти в крупных организациях послужил повышенный интерес монополистического капитала к использованию социально-психологических факторов производства и различных методов контроля над формами сознания и поведения рабочих. Широко известная в капиталистическом мире доктрина так называемых «человеческих отношений» является отражением заинтересованности современного капитализма в совершенствовании форм эксплуатации и идеологической обработки рабочего класса. Не удивительно поэтому, что буржуазные представители науки об организации и управлении все большее внимание уделяют проблемам мотивации поведения человека в сложных организациях.

Однако в концепции «нового индустриального общества» Гэлбрейта социальная психология оказалась пригодной не только для увеличения производительности труда и повышения эксплуатации трудящихся в капиталистическом обществе, но и для обоснования его выводов о коренной «трансформации» самой природы капитализма, о наступлении в США эры «классового мира» и «сплочения общества».

Коренной порок теории мотивации Гэлбрейта состоит в том, что в ней классовое деление в современной корпорации подменяется более общей социальной структурой, в основе которой лежит группировка всех занятых по принципу схожести «системы мотивов». Однако группировка по социально-психологическому признаку (не говоря о порочности самого принципа такой группировки) вовсе не свидетельствует об исчезновении в «индустриальной системе» основы для классового деления.

В основе классовой структуры общества лежит не мнимый принцип сходства умонастроений, как это пытается

представить Гэлбрейт, а социально-экономическое положение людей, определенный тип производственных отношений. Процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции не изменяет типа производственных отношений. Поэтому для современной сложной корпорации, как и для мелкой предпринимательской фирмы, характерно классовое деление, в основе которого лежат частнокапиталистическая собственность на средства производства, противоположность экономических интересов буржуазии и пролетариата.

Стратегический смысл подмены Гэлбрейтом классового деления организационной структурой корпорации состоит в попытке перевести противоречия «нового индустриального общества» из области классовых столкновений между трудом и капиталом в область противоречивости проповедуемой им «логики индустриальной эволюции». На этой основе он конструирует теоретические схемы различных противоречий и подгоняет под них те или иные конкретные социальные конфликты современного американского общества. Так, в книге «Новое индустриальное общество» основной причиной социальных противоречий было объявлено образование. «Именно в этом (т. е. в различии образования, уровня культуры. — *Авт.*) отражается существенное классовое разделение нашего времени»⁶², — утверждает Гэлбрейт. Через шесть лет в книге «Экономические теории и цели общества» главной проблемой современной экономики объявляется неравномерное развитие «планирующей» и «рыночной» систем.

Но если эти противоречия и существуют в действительности, то они сами являются формой выражения основного противоречия капитализма — противоречия между усиливающимся общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов.

Несостоятельность применения теории мотивации к объяснению социально-экономических явлений привела Гэлбрейта к искаженной трактовке реальных классовых отношений в современной монополии. Об этом наглядно свидетельствует критический анализ мотивов поведения производственных рабочих.

Мотивы деятельности производственных рабочих изображаются как смешанные. Гэлбрейт считает, что рабочий «не питает иллюзий относительно своих возможностей приспособить цели организации к своим целям»⁶³. Но таким незначительным элементом реализма дело по существу и

заканчивается. Один раз сказал правду и тут же свернул в сторону. Далее начинается поиск путей уменьшения барьера к отождествлению и приспособлению целей рабочего к целям корпорации. Оказывается, тесный контакт рабочего с корпорацией (куда уже теснее!) сам по себе служит стимулом к отождествлению целей, ибо человек якобы привыкает думать о себе как о работнике крупной корпорации. «Элемент принуждения при таком контакте уменьшается, а вместе с ним снижается и барьер к отождествлению целей»⁶⁴. Таким образом, читатель приглашается просто поверить, что сам факт работы на крупном капиталистическом предприятии вселяет в сознание рабочего чувство принадлежности к корпорации, гордости за этот факт. Трудно признать этот довод сколь-нибудь научным.

Конечно, рабочий не может солидаризироваться с максимизацией доходов собственников капитала, которой занята корпорация. А вот цели «техноструктуры» будто бы «значительно более неопределенны и не столь ясно эгоистичны». Поэтому Гэлбрейт и делает ставку на «техноструктуру», которая якобы «меньше препятствует отождествлению рабочим его целей и целей корпорации»⁶⁵. Кроме того, новая технология производства, облегчающая условия труда, элементы творчества в работе — все это якобы приближает цели современного рабочего к целям корпорации. Если к тому же корпорация преследует цель не максимизации прибыли, а какую-то другую, то элемент «отождествления» будет уже значительным, замечает Гэлбрейт. Так постепенно и конструируется основа «классового сотрудничества», «гармонии» классовых интересов в капиталистическом обществе.

Однако при всем старании у Гэлбрейта концы с концами не сходятся. Он считает, что введение автоматизации на немеханизированных участках и некоторое увеличение при этом заработной платы рабочих повышают элемент отождествления интересов. Но автоматизация при капитализме, как известно, увеличивает безработицу, что невозможно согласовать с интересами рабочего.

Раб и крепостной крестьянин питали отвращение к организации, которая их принуждала к насильственному принятию своих целей. Это охотно признается Гэлбрейтом, ибо относится в общем-то к сравнительно далекому прошлому. «Это отвращение исключает отождествление целей... Сам факт работы по принуждению ясно показывает рабочему его бессилие в отношении организации и ее целей. Тем

самым исключается также и приспособление»⁶⁶. Здесь все в общем-то правильно, если иметь в виду отношение работника к эксплуататорской организации. Все изменяется, как только Гэлбрейт подходит к рассмотрению современного этапа развития капитализма. Оказывается, в мотивах современного индустриального рабочего элемент принуждения значительно уменьшился даже по сравнению с периодом кризиса 1929—1933 гг. Потеряв одну работу, он якобы вполне может рассчитывать на получение другой или на пособие по безработице, на помощь по программе борьбы с бедностью⁶⁷. «Опасность физического истощения в значительной мере уменьшилась, а вместе с этим уменьшился и элемент принуждения»⁶⁸. И все это пишется вопреки фактам. Как будто бы в США нет миллионов людей, лишенных работы и не надеющихся ее получить, как будто бы десятки и десятки миллионов людей в капиталистическом мире не испытывают тягот аграрного перенаселения.

Перед нами явная идеализация действительного положения вещей. И вот на таком шатком основании делается вывод: «По мере того как принуждение в качестве аспекта денежного вознаграждения уменьшается и исчезает, то же происходит с барьерами, которые стоят на пути отождествления и приспособления целей»⁶⁹. Сказано все это несколько витиевато, а смысл состоит в том, что в современном капиталистическом обществе рабочий якобы приходит к отождествлению и приспособлению своих целей к целям крупной корпорации. Более чудовищного вывода трудно ожидать даже от буржуазного экономиста.

К приведенным выше положениям Гэлбрейта следует сделать несколько замечаний. Он говорит о пособии по безработице и о помощи по программе борьбы с бедностью как об огромном благе. А почему рабочий не может рассчитывать не на подачки, а на обеспечение его работой в соответствии с его способностями. Казалось бы, если корпорация не руководствуется принципом максимизации прибыли, то она может вместе с другими корпорациями взять на себя определенные общественные обязанности по обеспечению трудоспособных работой. Вот тогда было бы хоть какое-то основание для так называемого «отождествления» и «приспособления» интересов рабочего к интересам корпорации. А без выполнения такого минимального требования все теоретические изыскания Гэлбрейта в области «общности» интересов рабочих с интересами корпораций представляют собой утопические разглагольствования.

Остается совершенно неясным вопрос о том, как наемные рабочие могут отождествлять свои интересы с интересами собственников капитала. Это кажется совершенно невероятным с теоретической точки зрения, ибо их интересы противоположны, несовместимы. А практически такая выдуманная гармония классовых интересов разрушается как карточный домик вместе с обострением и нарастанием масштабов забастовочной борьбы рабочих за улучшение своего положения.

Теперь перейдем к критическому рассмотрению побудительных мотивов «техноструктуры». Собственно говоря, все выводы «общей теории побудительных мотивов» относятся Гэлбрейтом прежде всего к этому виду сложной организации. Именно к «техноструктуре» в полной мере применяются ранее приведенные определения организации и принципов ее рационального функционирования, в том числе и так называемый «принцип совместимости».

Гэлбрейт пытается доказать, что природа власти «техноструктуры» принципиально иная, чем природа власти индивидуального капиталиста-предпринимателя. Основой этой власти якобы является не собственность, а способность организации к убеждению, которая является следствием внутренних закономерностей развития сложной организации. «...По своей природе, — утверждает он, — техноструктура развивает процесс отождествления целей»⁷⁰, т. е. побуждает и поощряет личность ставить цели организации на место своих собственных. Именно на этом якобы и основана природа власти организации, возможность «техноструктуры» навязывать свою волю членам корпорации и всему обществу. Эта идея лежит в основе апологетического обоснования Гэлбрейтом причин расхождения «техноструктуры» и целей общества, критический разбор которых проводится в следующем разделе.

Уже известно, что за ширмой «техноструктуры» фактически скрывается современная финансовая олигархия и ее представители в процессе капиталистического производства — управленческая верхушка. Этот теоретический прием позволяет Гэлбрейту фиксировать некоторые важные социальные явления современного капитализма, отмечать некоторые негативные тенденции и в то же время искусно скрывать их истинную природу. Он подмечает, что в настоящее время все так называемые «общественно признанные» цели корпораций (неуклонный рост производства товаров и стимулирование их потребления, авторитет

технического прогресса, гонка вооружений под маской совершенствования обороны и т. п.) есть результат навязывания обществу целей «индустриальной системы».

Но в чем причина этого явления? В гнете монополий, в погоне за максимальными прибылями? Нет, отвечает Гэлбрейт. Основная причина в «особой» природе власти организации, в ее способности к убеждению людей и государства. Поэтому и борьба с негативными тенденциями должна разворачиваться путем сопротивления государства стремлениям монополий «индустриальной системы» захватить право на формулирование общественных целей. Такие утверждения Гэлбрейта представляют собой прямую апологетику монополистического капитала.

Формулирование основных целей современной корпорации и навязывание их обществу основано не на «новой» природе сложной организации, а является формой реализации отношений собственности в капиталистическом обществе. Что же касается специфики принятия групповых решений в сложных организациях, то она действительно имеет место в современном процессе управления производством, как таковым. В этом процессе действительно принимает участие большое количество людей, которые функционально связаны между собой, а конфигурация этих связей может и соответствовать рамкам «техноструктуры». Но это не имеет никакого отношения к управлению производством как процессом капиталистической эксплуатации и увеличения прибавочной стоимости.

Как и в других случаях, здесь у Гэлбрейта налицо смещение двух принципиально различных процессов, сказывающихся на осуществлении целей корпорации: процессов, обусловленных капиталистическими производственными отношениями, с одной стороны, и процессов, связанных с технико-организационными особенностями современного процесса производства, — с другой. На последнем аспекте целесообразно остановиться несколько подробнее.

Ядро «техноструктуры» (т. е. управленческая верхушка) представляет интересы финансового капитала в процессе капиталистического производства. Однако Гэлбрейт наполняет состав «техноструктуры» специалистами, подавляющее большинство которых не обладает признаками реальной власти, но играет всевозрастающую роль в подготовке конкретных управленческих решений, особенно связанных с научно-технической сферой деятельности корпораций.

Повышенный интерес монополистических корпораций к этой категории работников далеко не случаен.

В условиях развертывающейся научно-технической революции конкурентоспособность корпораций во все большей степени зависит от технического превосходства продукции и методов ее производства и сбыта. Характерной чертой современного производства стал постоянно ускоряющийся процесс использования достижений науки. Как и предсказывал К. Маркс, «если производственный процесс становится сферой *применения науки*, то и, наоборот, наука становится фактором, так сказать, функцией производственного процесса»⁷¹.

Под влиянием научно-технической революции происходят серьезные изменения в структуре аппарата управления корпорациями. Создаются новые службы (в частности, научно-технической подготовки и совершенствования производства), увеличивается число работающих в них специалистов. А вместе с тем усиливается их роль и влияние, поскольку именно от них зависит сбор и анализ информации, координация подразделений, создание новой техники.

Рост аппарата управления сопровождается усложнением его функций. Возникает потребность в систематизации и обобщении форм организации и приемов управления. Эта потребность находит отражение (хотя и искаженное) в развитии новой отрасли знаний — буржуазной науки организации и управления. Гэлбрейт придает большое значение методам этой науки, особенно механизму выбора решений в сложных организациях. Он прямо говорит, что только широкое использование теории принятия решения в экономической науке будет способствовать правильному объяснению «изменяющейся структуры корпорации», и в частности перемещению власти в корпорациях⁷².

В теории организационного управления система общения в ходе работы над информацией образует своеобразный контур организации. Сама же организация («техноструктура») трактуется как сложная система, решающая определенные проблемы. В каком же случае система информации может объединить в организационное целое управляющих, научных работников, инженеров и техников, а также руководителей отделов продаж и других специалистов, составляющих «техноструктуру»? Очевидно, лишь при выполнении определенной технической задачи. Да этого Гэлбрейт и не скрывает.

В условиях научно-технической революции решение

крупной технической задачи требует труда большого числа людей, начиная от научного сотрудника, кончая рекламным агентом. Объединенный единством поставленной задачи, этот коллектив может быть условно очерчен какими-то рамками, которые меняются при изменении задачи. В этом смысле, но только в этом, понятие «техноструктура» имеет какой-то смысл.

В полном соответствии с принципами организационного управления Гэлбрейт говорит об особенностях механизма группового принятия решений в сложных организациях, об изменении функций управления в связи с усложнением информационных потоков и др. Все это в таком узком понимании «техноструктуры» имеет определенное значение, хотя нового здесь Гэлбрейт вносит мало. Однако главным для него является не анализ особенностей организационного управления при решении научно-технических задач, а социальная и идеологическая сторона современной теории и практики «научного менеджмента». Он пытается приспособить выводы этой науки к своей концепции «нового индустриального общества» и доказать, что капитализм путем рациональной организации и управления способен сохранить себя и развиваться далее на принципиально «новой» основе, которая, однако, не затрагивает сущности частной собственности.

Таким образом, критический анализ «новой» природы власти «техноструктуры», так же как и проведенное в первой главе исследование ее классовой структуры, снова приводит к выводу о ложности этой социальной конструкции, о несостоятельности так называемой «революции техноструктуры». «Новая» природа власти «техноструктуры» основана на грубой подмене социально-экономических отношений некоторыми новыми явлениями, связанными с технико-организационной стороной современного процесса производства. Образование сложных организационных структур действительно ведет к изменениям процесса управления капиталистическими корпорациями. Однако эти изменения нисколько не затрагивают эксплуататорской сущности отношений внутри корпорации и в обществе, не служат основанием для так называемого смягчений трудовых конфликтов и ликвидации противоречий, основанных на противоположности классовых интересов.

Ложность тезиса Гэлбрейта об исчезновении противоречий между трудом и капиталом по мере развития научно-технической революции наглядно демонстрирует

всю несостоятельность и классовую направленность буржуазной науки об организации и управлении, и в частности теории мотивации в сложных организациях. Методологическая ошибка здесь состоит в том, что экономические интересы людей рассматриваются изолированно от собственности, от формы соединения производителей со средствами производства. Во взаимоотношениях друг с другом в процессе труда люди действительно руководствуются различными мотивами. Но эти мотивы складываются в конечном счете под определяющим влиянием производственных отношений. Как говорил Ф. Энгельс, «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*»⁷³.

4. Расхождение интересов монополий и общества в оценке буржуазного реформиста

В апологетике капиталистической монополии Гэлбрейт исходит из мнимого перехода от рыночной стихии к «промышленному планированию», что якобы объективно ведет к «перерождению» и целей корпорации: от погони за максимальной прибылью к «новым» целям, к «социализации развитой корпорации».

Рассуждая о «новых» целях «развитой корпорации», об изменении ее капиталистической природы, Гэлбрейт допускает возможность расхождения целей «техноструктуры» с целями общества. Он по-своему объясняет причины такого расхождения. Особое внимание этой проблеме уделяется в книге «Экономические теории и цели общества», где анализ расхождения целей «планирующей системы» (и государства «техноструктуры») с интересами общества (в буржуазном понимании) становится одним из главных объектов исследования. Здесь Гэлбрейт пытается с позиций методологии «нового индустриального общества» истолковать факты резко обострившегося в начале 70-х годов движения общественного протеста в США против антисоциальной деятельности монополий, теоретически обосновать, не затрагивая истинных причин, необходимость большей «социальной ответственности бизнеса» ради спасения самих основ капиталистического способа производства.

Критический анализ «новых» целей «техноструктуры» целесообразно вести в трех направлениях: рассмотреть доводы Гэлбрейта о якобы принципиальной несовместимости

«старой» цели — максимизации прибыли с целями «техноструктуры»; показать сущность так называемых «защитных» и «положительных» целей крупной корпорации; остановиться на трактовке причин расхождения между целями «техноструктуры» и потребностями общества.

Гэлбрейт пространно аргументирует тезис о якобы принципиальной несовместимости максимизации прибыли как цели капиталистического производства с деятельностью современной крупной корпорации. «Отделение собственности от процесса управления, — утверждает он, — приводит к полному пересмотру положения о максимизации прибыли»⁷⁴. Теоретическому обоснованию этого мифа посвящена гл. X «Общепризнанное противоречие» в книге «Новое индустриальное общество», откуда и берутся приводимые ниже аргументы.

Исходной базой для обоснования Гэлбрейтом так называемого «общепризнанного противоречия»⁷⁵ служат особенности конкурентной борьбы в условиях монополистической организации рынков, которые иногда требуют от корпорации в краткосрочном аспекте отказываться от погони за избыточной прибылью для того, чтобы в долговременной перспективе удержать всю массу прибыли на достаточно высоком уровне. Рассмотрение этого вопроса с точки зрения политики цен будет продолжено в следующем разделе. Здесь же мы коснемся проблемы в том виде, как она ставится Гэлбрейтом: отход крупных корпораций от принципа максимизации прибыли есть якобы результат научно-технического прогресса и перехода власти к «техноструктуре». При этом максимизация прибыли как цель якобы полностью исключает другие цели и наоборот.

Цепь аргументов строится на ложной посылке Гэлбрейта о полной замене рынка «планированием». Если в качестве регулятора экономического поведения выступает рынок и конкуренция, рассуждает Гэлбрейт, то фирмы всегда будут стремиться к максимизации своих доходов. А раз «доказано», что на смену рынку приходит «планирование», то рынок, естественно, уже якобы не навязывает эту цель: максимизация прибыли хотя и может быть целью, но не является уже необходимостью, утверждает он⁷⁶.

Такая логическая посылка ошибочна. Стремление к максимизации прибыли обуславливается не только и не столько рынком, сколько самой системой капиталистического производства, капиталистической собственностью на средства производства. Ошибка Гэлбрейта в логической по-

сылке ведет к другим ошибкам и, так сказать, закрывает «горизонт истины».

Далее Гэлбрейт рассуждает так. Рынок опасен своей неопределенностью, стихийностью. «Планирование» как бы снимает эту неопределенность, но... ценой отказа от принципа максимизации прибыли. «Техноструктура», которая якобы уже пришла к власти, опирается в своей деятельности на другие цели. Мы видим, таким образом, что все рассуждения Гэлбрейта строятся на подмене верных положений неверными. Вместо отношений собственности, определяющих цель производства, берется рынок, хотя его природа и сущность сами определяются собственностью на средства производства. Но и рынок, якобы максимизирующий прибыль, уступает место «планированию», что также представляет иллюзию, ибо рынок никуда не исчезает, а продолжает действовать. Власть в корпорации якобы переходит к «техноструктуре», представляющей, как мы видели, ложную социальную конструкцию, которой приписываются другие цели, нежели максимизация прибыли.

Следующая цепь доказательств Гэлбрейта также состоит из псевдологических построений: максимизация прибыли номинально может быть целью «развитой корпорации», но это якобы трудно доказать, тем более что у «техноструктуры» могут быть другие более важные по сравнению с прибылью цели, а сама прибыль достается не «техноструктуре»⁷⁷. Однако действительной логики здесь мало, если не считать того, что сама концепция «техноструктуры» понадобилась Гэлбрейту для придания корыстным целям монополистов социального лоска.

Гэлбрейт наивно утверждает, что даже в деятельности высших администраторов нельзя найти многих доводов в пользу максимизации ими своего личного дохода путем погони за максимальной прибылью⁷⁸. Раньше, в начальной стадии развития корпорации, это якобы имело место. Но с принятием ряда законов, а главным образом благодаря переходу власти в руки «техноструктуры» с ее «новой психологией» опасность действий администраторов в интересах личной наживы почти исчезла⁷⁹.

Довольно непочтительно Гэлбрейт относится ко многим своим коллегам-экономистам, ибо они, по его мнению, как бы «уклоняются от анализа противоречия между принципом максимизации прибыли и тем, что повсеместно принято считать принципами рационального поведения управляющих, довольно простым, но едва ли убедительным образом:

они игнорируют современную действительность»⁸⁰. Но что же это за противоречие и существует ли оно в действительности? И что, собственно говоря, нерационального в стремлении при капитализме к обогащению в условиях, если представился случай? Не правильнее ли сказать, что такое стремление вполне согласуется с принципами капитализма.

Возникает и другой вопрос: кому выгодны утверждения о переходе власти в крупной корпорации от собственников капитала к «техноструктуре», об отказе корпорации от принципа борьбы за максимальную прибыль? Все это выгодно в первую очередь крупным собственникам капитала, акционерам, контролирующим деятельность корпорации. В соответствии с теоретическими установками о власти «техноструктуры» они как бы уходят в тень, и вся острота современных противоречий и ответственность за их дальнейшее углубление и обострение падают на подставную, мифическую силу — на «техноструктуру».

Таким образом, те аргументы, которые приводит Гэлбрейт, не развенчивают принцип максимизации прибыли как цель крупной корпорации и не объясняют по сути дела причин изменений в политике монопольных цен. Призванное укрепить общую концепцию о власти «техноструктуры», так называемое «общепризнанное противоречие» Гэлбрейта на самом деле еще более разрушает эту ложную социальную конструкцию и якобы связанный с ней переход власти от собственников капитала к «техноструктуре».

Теперь рассмотрим подробнее «новые» цели «техноструктуры» и выясним, чьи интересы они выражают и насколько они якобы несовместимы с погоней за максимальной прибылью. Гэлбрейт утверждает, что цели «техноструктуры» более разнообразны и не столь «явно эгоистичны», как цели мелкой предпринимательской фирмы, не имеющей сложной организации и действующей в условиях рынка. Если для последней все цели заключены в максимальной прибыли, то для «техноструктуры» диапазон целей якобы должен быть гораздо шире — от гарантированного уровня прибыли и темпа роста фирмы до совершенствования техники, роста дивидендов и других так называемых «дополнительных целей»⁸¹.

В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт делит все цели «техноструктуры» на две группы: «защитные» цели, направленные прежде всего на самосохранение «техноструктуры», и «положительные» цели, преследующие упрочение и расширение власти «тех-

ноструктуры». Рассмотрим эти две группы целей подробнее.

У «техноструктуры», продолжает Гэлбрейт, «защитные» цели направлены прежде всего на обеспечение существования корпорации, которая стремится «свести к минимуму опасность внешнего вмешательства в принимаемые ею решения»⁸². Это якобы «объективное» требование сложной организации. По его мнению, существует ряд возможных источников внешнего вмешательства в дела «техноструктуры»: владельцы капитала и кредиторы, рабочие (обычно через профсоюзы), потребители и правительство. Основным способом ограждения процесса принятия решений «техноструктуры» он считает обеспечение «определенного минимального (хотя и необязательно низкого) уровня доходов»⁸³.

Гэлбрейт продолжает. Все, что служит достижению этой «защитной» цели (контроль над ценами, издержками, покупателями и потребителями), становится главным в деятельности «техноструктуры». Другими словами, «техника и связанная с ней необходимость в организации, а также потребность в капитале приводят к тому, что фирма, если она хочет выжить, должна навязывать свои цели обществу и, таким образом, управлять теми силами в окружающей ее среде, которые могли бы угрожать ее доходам»⁸⁴.

Основной «положительной» целью «техноструктуры», по мнению Гэлбрейта, является рост фирмы. В соответствии с действием «принципа совместимости»⁸⁵ этот рост становится важнейшей целью «индустриальной системы» и всего общества, в котором главную роль играют крупные корпорации. Вся современная стратегия роста (расширение производства и объема продаж, приобретение более мелких фирм и агломерация) рассматривается Гэлбрейтом с точки зрения стремления «техноструктуры» к обеспечению своей безопасности и независимости.

Кроме основных целей, ради достижения которых «техноструктура» использует свою власть (т. е. минимум прибыли и экономический рост), рассуждает Гэлбрейт, фирмы иногда самостоятельное значение придают развитию техники и внедрению новшеств, а также демонстрации роста своих доходов из года в год. Хотя это и важные цели, но они не служат интересам «техноструктуры» столь прямо, как рост фирмы, замечает буржуазный экономист⁸⁶.

Общий вывод, к которому приходит Гэлбрейт, состоит в том, что нет единой политики различных «технострук-

тур», политики, которая зависит от комбинации различных и часто несовместимых целей. Фирмы электронной или химической отраслей будут придавать большее значение техническому прогрессу как самостоятельной цели, чем сталелитейные фирмы или фирмы по выпуску мясных полуфабрикатов. Другие фирмы больше внимания будут уделять надежности доходов как цели и постараются меньше рисковать экономическим ростом. Третьи — главной целью могут сделать демонстрацию роста доходов и т. п. Другими словами, широкое внедрение «техники»; переход к «промышленному планированию», утверждение власти «техноструктуры» ведут якобы к тому, что «развитые корпорации», отказавшись от цели погони за максимальной прибылью, будто бы преследуют различные цели в зависимости от их различий в размерах, власти, прочности своего положения⁸⁷.

Перейдем к критическому анализу этих утверждений Гэлбрейта. В качестве важнейшей цели «техноструктуры» называется прежде всего самосохранение. Чтобы организация могла выжить, ей необходимо поддержать, «сохранить свою самостоятельность, на которой покоится ее способность принимать решения»⁸⁸. Но оказывается, что «техноструктура» удерживает власть, сохраняет свою самостоятельность лишь в строго ограниченных рамках, пока она обеспечивает акционерам обычные дивиденды и необходимые ресурсы для накоплений. Но разве это противоречит принципу максимизации прибыли? Поддержание выплат акционерам на «привычном уровне», размер нераспределенной прибыли не являются самостоятельными целями или основными стимулами, так как здесь речь идет о распределении уже созданной прибыли.

Рамки самостоятельности «техноструктуры» таковы, что при неблагоприятных обстоятельствах собственники капитала могут навязать ей свои условия. Это вынужден признать Гэлбрейт. Выходит, что переход власти к «техноструктуре» в достаточной мере иллюзорное явление. Если при малой доходности корпорации собственники капитала осуществляют свой контроль над ее делами, то почему они утрачивают его при благополучном течении дел? Из приведенных выше рассуждений Гэлбрейта вытекает, что «техноструктура» не имеет реальной власти, что она сама находится на службе у капитала, обеспечивает ему «достаточную» прибыль. Ну а каков критерий этого достаточного уровня, хорошо известно. Принцип максимизации прибыли

представляет неотъемлемое качество крупной корпорации (а точнее — современной монополии).

Несмотря на полную очевидность этих положений, Гэлбрейт считает, что корпорация, поскольку власть здесь переходит к «техноструктуре», стремится якобы не к максимизации прибыли, а к обеспечению гарантированного минимума дохода. В чем же дело? Стремление к максимуму прибыли связано с риском больших потерь, и потому «техноструктура» предпочитает действовать по-иному. Но деятельность капитала всегда связана с риском, который представляет собой результат противоборства враждующих конкурентных сил. И никакая «техноструктура» не в состоянии обезопасить корпорацию от риска. Конечно, современная корпорация опирается в осуществлении дорогостоящего технического прогресса на капиталистическое государство. Но государственные закупки, как свидетельствуют факты, — это отнюдь не минимизация прибылей корпораций, а надежный путь к увеличению их доходов за счет повышения налогов, осуществления инфляционных процессов — замораживания уровня заработной платы и повышения цен. Крупные капиталистические корпорации никогда не откажутся от принципа максимизации прибыли, да в этом у них и нет необходимости. И в реальной жизни, как известно, прибыли крупнейших монополий не сокращаются, а возрастают.

Концепцию «новых» целей Гэлбрейт развивает упорно и настойчиво, даже вопреки фактам. «Как только техноструктуре удастся обезопасить себя с помощью минимального уровня прибыли, у нее появляется известная свобода выбора целей. Ничто так не давит, как необходимость выжить. Однако имеется мало сомнений относительно того, какова эта цель: в подавляющем большинстве случаев она состоит в том, чтобы достичь максимально возможного темпа роста корпорации, измеряемого продажами»⁸⁹.

По поводу этой декларации следует сделать несколько замечаний. Во-первых, неправомерно ставить вопрос о том, выживет или погибнет «техноструктура». Если и можно в какой-то мере признать ее реальность, то лишь в качестве производственно-технического аппарата, без которого ни одно современное капиталистическое предприятие развиваться вообще не может. Этот аппарат находится на службе у капитала, и его жизнеспособность определяется силой капитала. Во-вторых, обеспечение максимально возможного темпа роста корпорации, измеряемого продажами, по сути

дела ничем не отличается при капитализме от принципа максимизации прибыли.

Увеличение производства предполагает конкурентную борьбу в открытых или замаскированных формах, а в сочетании с капиталистической рационализацией это равнозначно борьбе за максимум прибыли. Но это означает, что, по заявлению самого Гэлбрейта, у «техноструктуры» нет отличных от собственников капитала целей.

Расширение производства, оказывается, можно рассматривать и совершенно с другой стороны. Гэлбрейт рассуждает следующим образом. Рост «техноструктуры» делает сокращение выпуска продукции убыточным. Накладные расходы корпорации увеличиваются в связи с расширением «техноструктуры» и становятся более обременительными, но решение о сокращении ее членов может принять якобы только она сама. Избежать таких неприятных проблем можно путем дальнейшего расширения масштабов деятельности⁹⁰. Собственников капитала, однако, все эти соображения вряд ли смутят. Если необходимо будет рационализировать производство, снизить его издержки, уменьшить накладные расходы и увеличить прибыль, хотя бы и ценой некоторого ущемления интересов так называемой «техноструктуры», собственники капитала — хозяева корпорации, не моргнув глазом, сделают это. Сам этот процесс сегодня уже возник: появилась безработица инженеров, конструкторов и других членов «техноструктуры», что еще раз подтверждает призрачность ее самостоятельности.

Цель «техноструктуры», таким образом, представляет рост фирмы, «развитой корпорации», что согласуется с прокламируемым Гэлбрейтом «принципом совместимости», о котором выше говорилось. Далее рассуждения Гэлбрейта довольно любопытны. Он утверждает, что между учеными коммунистических и некоммунистических стран будто бы нет разногласий относительно того, что целью общества в обоих случаях является экономический рост⁹¹. Однако в действительности ни в капиталистическом, ни в социалистическом обществе экономический рост сам по себе не выступает как цель. В современном капиталистическом обществе экономический рост, сопровождающийся усилением эксплуатации трудящихся, используется в интересах обеспечения максимальной прибыли монополий. В социалистическом обществе экономический рост представляет собой средство, с помощью которого осуществляется цель обще-

ственного производства — повышение благосостояния трудящихся, их всестороннее развитие.

А раз капиталистическое общество имеет своей задачей не экономический рост сам по себе, а обеспечение максимальной прибыли, то и цель «техноструктуры» не совмещается с этим ростом. Следовательно, и проблема приспособления интересов «техноструктуры» повисает в воздухе. Поскольку же отпадает экономический рост в качестве цели капиталистического общества, постольку еще более ясным становится иллюзорность гэлбрейтского тезиса о переходе власти в корпорации в руки «техноструктуры».

Следующая «новая» цель, которую Гэлбрейт приписывает современной капиталистической корпорации, — это совершенствование техники, представляющее свидетельство прогресса, достижений. Прогрессивность развития техники, конечно, оспаривать было бы делом бессмысленным. Но опять-таки развитие техники, так же как и экономический рост, не представляет цель, самоцель или еще что-то подобное. При капитализме развитие техники, как известно, используется как средство повышения степени эксплуатации работников материального производства, включая и многих членов так называемой «техноструктуры».

В связи с приданием развитию техники, так сказать, целевого характера Гэлбрейтом отмечается, что оно не должно противоречить задаче получения минимума прибыли⁹². Исследования и технические разработки не всегда удачны, связаны с риском значительных потерь. Этот риск, по мнению Гэлбрейта, должен быть без особых раздумий возложен на государство. Вот тут как раз и проявляется приспособление целей. Корпорациям это выгодно со всех сторон. Громадные затраты на освоение новой техники, связанный с этим риск монополии получают возможность отвести от себя, переложить на государство, а в конечном счете на плечи трудящихся. Недаром в книге Гэлбрейта с большим удовлетворением и говорится: «Приспособление целей общества оказалось настолько успешным, что техническому прогрессу приписывается абсолютное достоинство»⁹³.

Критический анализ «новых» целей и мотивов поведения в современной корпорации приводит к выводам, которые прямо противоположны тому, что утверждает Гэлбрейтом. В действительности «новые» цели развитой корпорации не заменяют «старую» цель — максимизацию прибыли, а являются формой выражения основного движущего стимула капиталистического производства — пого-

необходимость приспособления корпораций к новым условиям «социальной ответственности бизнеса» как единственного способа сохранить саму основу капиталистического способа производства.

Если в книге «Новое индустриальное общество» вопрос о расхождении целей теряется на фоне широкой панорамы анализа, то в книге «Экономические теории и цели общества» он стал центральным. «Необходимо бороться против мнения, — заявляет Гэлбрейт, — что интересы планирующей системы совпадают с интересами отдельного человека»⁹⁹. «Нужно исходить из различий в интересах планирующей системы и общества... Противоречие является общим, а не частным случаем»¹⁰⁰.

Так как цели «планирующей системы» и цели государства слились в единое целое, то необходимо, по его мнению, признать также и расхождение интересов государства и общества. Необходимо, продолжает Гэлбрейт, освободить государство от излишнего давления «планирующей системы», и только тогда оно якобы сможет осуществить необходимые преобразования по типу предлагаемой им «общей теории реформ».

В соответствии с этим происходит и корректировка приведенных выше взглядов Гэлбрейта на неравномерность развития экономики США. Она уже трактуется как неравномерное развитие «планирующей» и «рыночной» систем, как главная проблема экономического развития «нового индустриального общества», а противоречие между системами — как главное противоречие современного американского общества.

Своими утверждениями о растущем влиянии в современном обществе крупных корпораций, о расхождении их целей с действительными нуждами общества Гэлбрейт в какой-то мере бросает вызов традиционной буржуазной экономической теории. По его мнению, возводя волю суверенного потребителя и рынка в ранг «общественного указа», которому якобы всецело подчиняется фирма, традиционная теория тем самым выполняет роль «ширмы, прикрывающей власть корпораций». При таком взгляде, продолжает Гэлбрейт, «влияние или власть корпорации не должны внушать беспокойства»¹⁰¹.

Гэлбрейт верно подмечает истинную роль буржуазной экономической теории скрывать господство монополий в современном обществе, наставлять молодежь так, чтобы тщательно избегать при этом «рассуждений о тех методах,

с помощью которых крупные экономические организации приспособливают общественное мнение к своим целям»¹⁰². Все это верно. Но что предлагает вместо этого Гэлбрейт? Какой образ реальной действительности рисует он в своих рассуждениях о причинах расхождения целей «техноструктуры» и целей общества?

Признавая растущую власть крупных корпораций на современных рынках и в буржуазном обществе, Гэлбрейт в то же время ловко маскирует эту власть. Монопольный контроль над рынком он скрывает за ширмой «промышленного планирования», хищническую природу финансовой олигархии — под благотворительной маской коллективности управления в сложной организации (власть «техноструктуры»), а новые способы выколачивания монопольной прибыли вуалируются «новыми», якобы более социально значимыми целями «техноструктуры». При этом весь этот комплекс мнимой «социализации» крупной корпорации вызывается и стимулируется развитием «техники» и ее следствий — «планированием», специализацией и организацией.

При таком подходе Гэлбрейта получается, что «техноструктура» навязывает свои цели буржуазному государству и мнению общественности не из каких-то корыстных целей, а под влиянием внутренней «логики» развития сложной организации, т. е. в конечном счете «логики» развития «техники». «Такова природа организации или в более широком смысле социальной деятельности в условиях планирования»¹⁰³, — замечает Гэлбрейт. Здесь ничего нельзя изменить, с этим надо просто считаться, утверждает он. Задача заключается в том, чтобы либеральным сопротивлением мнениям, навязываемым «индустриальной системой», заставить ее подчиниться общественным нуждам, т. е. надо освободить мнение общественности и государства от давления «индустриальной системы». Основной путь освобождения — убеждение. Надо сопротивляться навязыванию рекламы, критиковать неоклассическую экономическую теорию, распространять идеи конвергенции и т. п. Это, по Гэлбрейту, единственный путь спасения, основанный якобы на глубоком знании особенностей «нового индустриального общества».

Таким образом, признавая необходимость осознания бизнесом своей ответственности перед общественностью, Гэлбрейт пытается главными виновниками представить «внушенные мнения» общественности и государство, кото-

рые якобы недостаточно способствуют адаптации корпораций к изменившимся условиям «социальной ответственности». Что касается его критики главных виновников — крупных корпораций, то здесь умышленно носителем «социальной ответственности» выступает не монополистический капитал, а отдельные «техноструктуры», их специфика как сложных организаций, их излишний эгоизм в достижении своих «защитных» и «положительных» целей.

Выражая свое согласие с озабоченностью широкой общественности по поводу антисоциальной политики большого бизнеса по отношению к окружающей среде, Гэлбрейт всю критику стремится направить против «техноструктур» отдельных корпораций, которые якобы недостаточно осознают необходимость увязывать рост фирмы с общественными интересами. Буржуазный экономист выступает за стратегию «упорядоченного роста». Осуществление такой стратегии он связывает в основном с усилением контроля за деятельностью монополий со стороны общества, с созданием при законодательных органах специальных аппаратов «планирования в области охраны окружающей среды»¹⁰⁴.

Одной из распространенных форм массового протеста в США является общественное движение против произвола монополий на рынке потребительских товаров и услуг (консюмеризм). Гэлбрейт анализирует это движение, но представляет его не как антимонополистический протест, а как форму недовольства «техноструктурой», которая якобы использует технические нововведения прежде всего для достижения своих целей, а не запросов потребителей. Используемый таким образом технический прогресс, утверждает Гэлбрейт, вступает в противоречие с общественными целями. И если совсем недавно мнение о благотворности технического прогресса в развитии общества было общепризнанным, заявляет он, то теперь «сомнения — обычная вещь»¹⁰⁵.

В соответствии с этой точкой зрения Гэлбрейта получается, что не капиталистические производственные отношения сдерживают и деформируют научно-технический прогресс, не монополии в погоне за сверхприбылями эксплуатируют слепую веру потребителей в новизну или в кажущуюся новизну товара. Главная причина, по мнению Гэлбрейта, якобы в том, что технический прогресс распространяется в обществе неравномерно, в соответствии с распределением власти (т. е. больше в «планирующей системе» и меньше в «рыночной системе»). А неравномерность

власти, как известно из рассуждений буржуазного экономиста, связана с неравномерностью распространения в современной экономике сложной организации, «техноструктуры», «промышленного планирования», т. е. в конечном счете той же «техники». Другими словами, анализ заканчивается ничем.

Таким образом, новым в книге «Экономические теории и цели общества» является не само признание расхождения целей «развитой корпорации» (и государства «техноструктуры») и общества, а выдвижение этой проблемы в центр анализа. Такой переход в значительной мере вызван обострением социально-политической обстановки в США в начале 70-х годов, обусловленным кризисными явлениями в экономике империализма, ростом безработицы и инфляции. С другой стороны, критика целей «техноструктуры» в определенной степени преследовала политические цели борьбы демократической партии против республиканской (находившейся в то время у власти), а также между различными течениями в самой демократической партии.

В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт критикует не столько корыстные цели монополий, сколько экономическую политику республиканской администрации, которая своим потворством большому бизнесу и коррупции полностью скомпрометировала себя даже в глазах либеральной общественности. Характерно, что теперь уже критике подвергается не просто государство (как это было в книге «Новое индустриальное общество»), а исполнительная власть. Законодательная власть США, где большинство принадлежало в тот период демократической партии, выдается Гэлбрейтом за «подлинного выразителя» действительных интересов общества. Именно законодательной власти теперь отводится решающая роль в механизме освобождения государства от монополии «индустриальной системы» на формулирование общественных целей.

Такая трактовка Гэлбрейтом механизма расхождения целей «техноструктуры» и целей общества представляет собой новую апологетику монополистической природы современного капитализма. Обвиняя традиционную экономическую теорию в защите власти корпораций, Гэлбрейт вместо одной формы защиты монополий предлагает другую, более тонкую и замаскированную.

Таким образом, критический разбор целей «техноструктуры» и их соотношения с целями общества позволяет сделать следующие выводы.

Апологетика Гэлбрейта строится на порочной методологии, на предвзятом классовом подходе к современной действительности. Изгоняя из анализа производственные отношения капитализма, Гэлбрейт тем самым искажает социально-экономическую сущность современной политики крупных корпораций, и в частности их целевую стратегию. Политика экономического роста монополий ни в коей мере не исключает погони за максимальной прибылью. Меняются только методы достижения основной цели капитализма. Целевые установки современной корпорации строятся не на особенностях природы власти в организации, как это пытается доказать Гэлбрейт, а являются выражением отношений капиталистической собственности.

Теоретические измышления о так называемой «революции технотрактуры» позволяют Гэлбрейту, фиксируя некоторые явные противоречия современного капиталистического общества, давать им такое объяснение, которое не затрагивает социально-экономической сущности империализма. Гэлбрейт переносит анализ его противоречий в сферу надстроечных явлений, исследования особенностей психологии «технотрактуры» и общественного сознания. Естественно, что в этой области он стремится найти и ключ к преодолению противоречий капитализма. Цель такого анализа заключается в апологетике монополистического капитала, прикрытой вполне приемлемой, благопристойной критикой тех сторон деятельности монополий, которые уже стали достоянием общественности.

5. Монополистическая конкуренция под видом «механизма власти технотрактуры»

Определив «новые» цели «развитой корпорации», Гэлбрейт приступает к анализу механизма использования власти «технотрактуры» для достижения этих целей. При этом особенности монополистической организации современных рынков, новые формы согласования монополиями своей производственной и рыночной политики, практика ценообразования и управление потребительским спросом посредством рекламы — все это выдается Гэлбрейтом как «особый» механизм использования власти «технотрактуры». Этот механизм якобы обусловлен приспособлением корпорации к внедрению «техники», осуществлению крупных капиталовложений, «промышленного планирова-

ния» и направлен на достижение «защитных» и «положительных» целей «техноструктуры».

Вся эта апологетика современной экономической политики монополий преподносится как «подлинное» описание реальной жизни в противовес традиционной буржуазной экономической теории («неоклассической системе»), которую Гэлбрейт подвергает критике за отрыв от жизни. С рассмотрения этой критики и начнем анализ механизма использования власти «техноструктуры». Это тем более важно, что здесь Гэлбрейт излагает свои взгляды на соотношение монополии и конкуренции в «новом индустриальном обществе».

В гл. XVI и XVII «Цены в индустриальной системе» книги «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт отмечает, что кризис «неоклассической системы» особенно ярко заметен в теории цен. Именно здесь противоречия между образами экономической теории и реальной жизнью достигли наибольшей остроты. Главной причиной такого состояния «неоклассической системы» Гэлбрейт называет консервативную приверженность «неоклассиков»¹⁰⁶ к устаревшим положениям буржуазной теории цен, сформулированным еще в период «доиндустриального» развития, когда мелкие фирмы, управляемые хозяином-капиталистом, обусловливали господство рыночной стихии и конкуренции, власть суверенного потребителя¹⁰⁷.

«Неоклассическая система», продолжает Гэлбрейт, осуждает монополию как главный порок, несущий с собой эксплуатацию общества (термин «эксплуатация», как и термин «монополия», употребляется здесь в буржуазном понимании). Современную типичную рыночную ситуацию, при которой на рынке господствует несколько крупнейших фирм, «неоклассики» признают как «олигополию». По мнению Гэлбрейта, в их представлении «олигополия — несовершенная монополия», т. е. монополия, власть которой ограничивается конкуренцией.

В этом состоит противоречивость «неоклассической» трактовки «олигополии», утверждает Гэлбрейт. С одной стороны, они считают «олигополию» неэффективной и не имеющей прав на существование, хотя и не в такой степени, как деятельность «чистой» монополии¹⁰⁸. С другой — «неоклассики» признают, что на практике все идет хорошо. Как образно выражается Гэлбрейт, «неоклассики» придерживаются правила: «...хотя детали механизма работают плохо, в целом он функционирует превосходно»¹⁰⁹

Если с таких теоретических позиций «неоклассиков» рассмотреть политику государства в отношении бизнеса, то, утверждает Гэлбрейт, можно также заметить «явное противоречие между законодательным осуждением монополии и ее признанием де-факто в несколько несовершенной форме, то есть как олигополии»¹¹⁰. В соответствии с антitrustовским законодательством в США, продолжает Гэлбрейт, «монополия считается незаконной». «Олигополия, которая, как все согласны, ведет к тем же последствиям, хотя и не так резко выраженным, не является таковой»¹¹¹. К ней относятся с подозрением, заключает автор «нового индустриального общества», но против нее ничего не предпринимают, так как на практике она служит хорошо. Это противоречие маскируется множеством судебных дел, направленных не против фактической власти «олигополиста», а против тех, «кто попытался бы ее получить». «Преследуется форма, — замечает Гэлбрейт, — сущность не затрагивается»¹¹².

Критика Гэлбрейтом концепции ценообразования, развиваемой традиционной буржуазной экономической теорией, не лишена оснований. В своем анализе современной рыночной ситуации «неоклассики» действительно переоценивают возможности и эффективность рыночного механизма, автоматического регулирования экономики. Частично признавая монопольный контроль корпораций, но считая его лишь неприятным отклонением от общего правила, они тем самым абстрагируются от ряда реальных факторов экономической власти крупных корпораций на рынке, преуменьшают масштабы монополистического манипулирования ценами. Поэтому их выводы о формировании и поведении цен, построенные на неправильной оценке соотношения монополии и конкуренции, не имеют теоретической и практической ценности. Здесь можно согласиться с Гэлбрейтом.

Можно согласиться с Гэлбрейтом и в том, что «неоклассическая система» хотя и признает в ограниченном виде власть корпорации на рынке, но видит ее только в одном — в механизме ценообразования. «Неоклассики» не замечают, продолжает Гэлбрейт, что современная корпорация обладает целым набором инструментов власти — над ценами, издержками, потребителями, покупателями, правительством. При этом в определенных условиях контроль над ценами может оказаться менее эффективным, чем, например, убеждение потребителя или правительства через рекламу

в покупке продукции корпорации. «В планирующей системе, — замечает Гэлбрейт, — распределение ресурсов, и это самое главное, является результатом не контроля фирмы над ценами, а совокупного использования всей имеющейся у нее власти»¹¹³. Повышенное внимание, которое «неоклассическая система» уделяет ценам, повторяет Гэлбрейт, направлено на преуменьшение действительной власти корпораций, т. е. служит ширмой для этой власти. По мнению буржуазного экономиста, в этом и проявляется так называемая «инструментальная функция» современной экономической теории¹¹⁴.

Вместе с этим в критике Гэлбрейтом «неоклассиков» не все верно. Как последовательный защитник крупных корпораций, Гэлбрейт в корне не согласен даже с крупицами критики «неоклассиками» эксплуататорского характера (разумеется, в буржуазном понимании) крупных монополий. Он пытается найти противоречивость в аргументации своих оппонентов. «Неоклассическая теория», утверждает он, признает эксплуататорский характер монопольной власти (а следовательно, и олигополии как несовершенной монополии) в том, что происходит эксплуатация публики в форме низкого уровня производства или более высоких цен, чем это было бы при свободной конкуренции. Следовательно, делают вывод «неоклассики», современная экономика (т. е. «индустриальная система») расточительна и неэффективна (если иметь в виду использование ресурсов) и нуждается в реформе¹¹⁵. И далее Гэлбрейт приводит высказывания тех же экономистов о том, что «современная экономика высокоэффективна». В этом Гэлбрейт видит непоследовательность «неоклассиков».

Разумеется, критика монополии «неоклассиками» не вскрывает действительно эксплуататорскую природу крупных корпораций, она только упоминает о ней с позиций защитников капитализма свободной конкуренции. Весьма показательны, что Гэлбрейт отрицает любые намеки на монопольный характер современной крупной корпорации. Отвергая «неоклассическую» критику эксплуататорского характера монополий, Гэлбрейт тем самым подчеркивает свою позицию последовательного защитника крупного монополистического капитала.

Что же противопоставляет Гэлбрейт несостоятельной, с его точки зрения, теории цен, содержащейся в современной буржуазной политической экономии? Чем объясняет он действительные противоречия в использовании антитре-

стовского законодательства в США? Какова его позиция в оценке монополии и конкуренции в современный период?

По его мнению, противоречия в экономической теории и в оценке практики не возникают, если рассматривать всю власть современной крупной корпорации (в том числе и такой инструмент власти, как ценообразование) в качестве механизма «промышленного планирования», якобы объективно обусловленного требованиями развития «техники» и призванного служить достижению основных целей «техноструктуры». Вот почему, замечает Гэлбрейт, такой контроль над ценами обычно приводит к благоприятным результатам и не преследуется законом. «Закон не может наказывать то, что приемлемо с точки зрения общества»¹¹⁶, — заключает он.

Корпоративный контроль над ценами по Гэлбрейту осуществляется якобы для уменьшения ненадежности рынка. Он служит основным целям «техноструктуры», обеспечению самостоятельности и максимально быстрому экономическому росту. «Конкуренция цен с сопутствующими ей опасностями, — твердо заявляет Гэлбрейт, — не должна допускаться»¹¹⁷. Цены должны быть достаточно низкими, чтобы способствовать расширению объемов продаж, но в то же время и достаточно высокими, чтобы гарантировать прибыли акционеров и рост фирмы. По мнению Гэлбрейта, такой контроль за ценами уже не носит монопольного характера и поэтому не ведет к неприятным последствиям, связанным с монополией. По этим причинам он якобы и не преследуется законом.

Таким образом, вместо традиционной буржуазной экономической теории, переоценивающей конкурентный характер современной организации отрасли, Гэлбрейт предлагает свою теорию, основанную на прямо противоположных выводах. Признавая власть группы корпораций на отраслевом рынке абсолютной, он полностью отрицает конкуренцию в какой-либо форме. При этом в абсолютном господстве горстки корпораций он видит не форму монополистической организации отрасли, а прямое проявление механизма «планирования» для достижения особых целей «техноструктуры».

Критикуя сторонников абсолютизации роли стихийного ценового механизма регулирования, сам Гэлбрейт впадает в другую крайность; он сосредоточивает все внимание на корпоративном контроле и полностью изгоняет из механизма функционирования экономики и монополию, и стихий-

ное регулирование с конкуренцией и погоней за прибылью. Он сильно преувеличивает реальную тенденцию к некоторому падению роли ценовой конкуренции в условиях современной экономики США, старается «не замечать» новых форм конкурентной борьбы. Все это делается ради защиты крупных монополий под флагом «демонополизации», для подмены действительных источников контроля над рынком вымышленными — «планированием» и «технотектурой».

Марксистско-ленинская политическая экономия одной из существенных черт империализма считает соединение двух противоречивых начал — монополии и конкуренции. Как подчеркивал В. И. Ленин, взаимодействие сил монополии и конкуренции — это важнейшая особенность экономического механизма в эпоху господства монополий¹¹⁸. При этом с развитием государственно-монополистического капитализма, углублением научно-технической революции совершенствуется механизм взаимодействия и взаимопроникновения монополии и конкуренции, изменяются формы конкурентной борьбы. Определенное упорядочение экономической деятельности в связи с расширением внутрифирменного планирования сожительствует с монополией и анархией производства, с нерациональным использованием ресурсов в масштабе всего общества.

Гэлбрейт сводит сущность отношений монополии и конкуренции к поверхностным рыночным отношениям. Поэтому изменения в рыночной политике современных корпораций он пытается выдать за исчезновение самой сущности монополии и конкуренции. В действительности господство на современных рынках группы компаний ведет к созданию своеобразной монополистической организации отрасли, которая, подобно картелям и синдикатам в прошлом, осуществляет некоторые функции групповой монополии¹¹⁹.

Несостоятельность взглядов Гэлбрейта на соотношение монополии и конкуренции в условиях современного капитализма привела его к искаженной трактовке механизма ценообразования и конкретных форм согласования рыночной политики в господствующей на рынке группе монополий. Перейдем к рассмотрению этих положений.

По его мнению, «технотектура» стремится к такой политике цен, которая прежде всего служит ее «защитным» целям (это достигается контролем над ценами), а затем ее «положительным» целям, т. е. росту фирмы с учетом необходимости продемонстрировать увеличение доходов. Последнее обеспечивается прежде всего повышением цен. Причем

основной причиной повышения цен, по мнению Гэлбрейта, является якобы необходимость компенсации роста издержек производства, и прежде всего роста заработной платы.

Монопольный контроль цен трактуется Гэлбрейтом как «естественное следствие» внутреннего развития организации в условиях научно-технической революции. Однако, по его мнению, учитываться должны не только «собственные нужды» корпорации, но и «общие интересы» монополистической группы. Поэтому контроль должен включать в себя прежде всего механизм, не допускающий снижения цен во всей группе, а также позволяющий фиксировать их на одинаковом с другими корпорациями уровне и удерживать на этом уровне в течение определенного времени¹²⁰.

Такой контроль над ценами, по мнению Гэлбрейта, представляет собой «обычное явление во всех развитых индустриальных обществах»¹²¹. Не имеет значения, что в одних странах разрешен открытый сговор о ценах в виде картеля или других форм, а в других странах «имеет место такой же молчаливый контроль над ценами, который осуществляют олигополии в США»¹²². При этом «молчаливый контроль над ценами» осуществляется в США по преимуществу путем «негласного соглашения», на основе так называемых неписаных «канонов корпоративного поведения», которые якобы исключают действия, наносящие ущерб контролю над ценами во всей монопольной группе¹²³.

Механизм «молчаливого контроля» дополняется политикой лидерства в ценах, которая, по мнению Гэлбрейта, и объясняет уровень цен в отрасли. Этот процесс трактуется им с позиций требований «положительных» целей «техноструктуры». При этом лидером у Гэлбрейта выступают самые крупные фирмы с наиболее развитыми «техноструктурами», так как их цели якобы «наиболее полно отражены в процессе ценообразования отрасли в целом»¹²⁴. И всем предприятиям отрасли при прочих равных условиях навязываются именно эти цели.

Следовательно, как и в определении сущности монополистической организации отрасли, так и в трактовке конкретных форм внутриотраслевых взаимосвязей крупных компаний Гэлбрейт наряду с фиксацией некоторых новых явлений в корне извращает их социально-экономическое содержание. Политика «молчаливого контроля» — это не какое-то мифическое требование «техники» и ее основных следствий — «планирования» и «техноструктуры», а экономическая стратегия финансовой олигархии, приспособлен-

временной монополистической конкуренции, а не средства достижения «положительных» целей «техноструктуры».

Подчеркивая, что цены устанавливаются на таком уровне, который, «гарантируя необходимые доходы, прежде всего обеспечит стабильность и увеличение объема продаж»¹³¹, Гэлбрейт вместе с тем «не замечает», что такая политика корпораций как раз и является единственно верной с точки зрения получения максимально возможной прибыли в условиях монополистической конкуренции. Ведь если цена в отрасли будет слишком высока, то усилится давление межотраслевой конкуренции (в том числе и за счет импорта), увеличится производство товаров-субститутов. Наконец, с ростом цен усилится требование профсоюзов о повышении заработной платы. Все эти факторы должны учитывать монополии, планируя получение максимума возможной прибыли на длительный период.

Несостоятельна и позиция Гэлбрейта в вопросе о повышении цен, которую он трактует только как «защитную» реакцию на существенное увеличение издержек производства, и прежде всего заработной платы. Он не рассматривает вопрос о причинах появления требований о повышении заработной платы, но зато утверждает, что за перезаключением договоров о ставках зарплаты немедленно следует всеобщее повышение цен. Он признает, что обычно цены увеличиваются больше, чем это требуется для компенсации повышенных издержек производства¹³², т. е. он признает, что это используется и для изменения дохода в пользу фирмы. Но он и в данном случае пытается показать, что рост цен вслед за переговорами о ставках заработной платы якобы служит еще одним доказательством отсутствия у «техноструктуры» стремления к максимальной прибыли. «Если доходы могут быть увеличены сразу же после повышения заработной платы, они могли бы, очевидно, быть увеличены и задолго до этого»¹³³, — глубоко-мысленно замечает буржуазный экономист.

Такая трактовка причины увеличения цен крупной корпорацией порочна методологически и не подтверждается фактами. Марксистской политической экономией научно доказано, что изменение ставок заработной платы может оказать влияние только на величину издержек производства и величину прибавочной стоимости, но не на общую стоимость товара. Величина стоимости переменного капитала не переносится на продукты, как это происходит со стоимостью постоянного капитала. Поэтому не рост заработной

основной причиной повышения цен, по мнению Гэлбрейта, является якобы необходимость компенсации роста издержек производства, и прежде всего роста заработной платы.

Монопольный контроль цен трактуется Гэлбрейтом как «естественное следствие» внутреннего развития организации в условиях научно-технической революции. Однако, по его мнению, учитываться должны не только «собственные нужды» корпорации, но и «общие интересы» монополистической группы. Поэтому контроль должен включать в себя прежде всего механизм, не допускающий снижения цен во всей группе, а также позволяющий фиксировать их на одинаковом с другими корпорациями уровне и удерживать на этом уровне в течение определенного времени¹²⁰.

Такой контроль над ценами, по мнению Гэлбрейта, представляет собой «обычное явление во всех развитых индустриальных обществах»¹²¹. Не имеет значения, что в одних странах разрешен открытый сговор о ценах в виде картеля или других форм, а в других странах «имеет место такой же молчаливый контроль над ценами, который осуществляют олигополии в США»¹²². При этом «молчаливый контроль над ценами» осуществляется в США по преимуществу путем «негласного соглашения», на основе так называемых неписаных «канонов корпоративного поведения», которые якобы исключают действия, наносящие ущерб контролю над ценами во всей монопольной группе¹²³.

Механизм «молчаливого контроля» дополняется политикой лидерства в ценах, которая, по мнению Гэлбрейта, и объясняет уровень цен в отрасли. Этот процесс трактуется им с позиций требований «положительных» целей «техноструктуры». При этом лидером у Гэлбрейта выступают самые крупные фирмы с наиболее развитыми «техноструктурами», так как их цели якобы «наиболее полно отражены в процессе ценообразования отрасли в целом»¹²⁴. И всем предприятиям отрасли при прочих равных условиях навязываются именно эти цели.

Следовательно, как и в определении сущности монополистической организации отрасли, так и в трактовке конкретных форм внутриотраслевых взаимосвязей крупных компаний Гэлбрейт наряду с фиксацией некоторых новых явлений в корне извращает их социально-экономическое содержание. Политика «молчаливого контроля» — это не какое-то мифическое требование «техники» и ее основных следствий — «планирования» и «техноструктуры», а экономическая стратегия финансовой олигархии, приспособлен-

временной монополистической конкуренции, а не средства достижения «положительных» целей «техноструктуры».

Подчеркивая, что цены устанавливаются на таком уровне, который, «гарантируя необходимые доходы, прежде всего обеспечит стабильность и увеличение объема продаж»¹³¹, Гэлбрейт вместе с тем «не замечает», что такая политика корпораций как раз и является единственно верной с точки зрения получения максимально возможной прибыли в условиях монополистической конкуренции. Ведь если цена в отрасли будет слишком высока, то усилится давление межотраслевой конкуренции (в том числе и за счет импорта), увеличится производство товаров-субститутов. Наконец, с ростом цен усилится требование профсоюзов о повышении заработной платы. Все эти факторы должны учитывать монополии, планируя получение максимума возможной прибыли на длительный период.

Несостоятельна и позиция Гэлбрейта в вопросе о повышении цен, которую он трактует только как «защитную» реакцию на существенное увеличение издержек производства, и прежде всего заработной платы. Он не рассматривает вопрос о причинах появления требований о повышении заработной платы, но зато утверждает, что за перезаключением договоров о ставках зарплаты немедленно следует всеобщее повышение цен. Он признает, что обычно цены увеличиваются больше, чем это требуется для компенсации повышенных издержек производства¹³², т. е. он признает, что это используется и для изменения дохода в пользу фирмы. Но он и в данном случае пытается показать, что рост цен вслед за переговорами о ставках заработной платы якобы служит еще одним доказательством отсутствия у «техноструктуры» стремления к максимальной прибыли. «Если доходы могут быть увеличены сразу же после повышения заработной платы, они могли бы, очевидно, быть увеличены и задолго до этого»¹³³, — глубоко-мысленно замечает буржуазный экономист.

Такая трактовка причины увеличения цен крупной корпорацией порочна методологически и не подтверждается фактами. Марксистской политической экономией научно доказано, что изменение ставок заработной платы может оказать влияние только на величину издержек производства и величину прибавочной стоимости, но не на общую стоимость товара. Величина стоимости переменного капитала не переносится на продукты, как это происходит со стоимостью постоянного капитала. Поэтому не рост заработной

общий индекс цен продукции обрабатывающей промышленности США увеличился на 16%, а цены на электротехнические машины и оборудование увеличились на 45% (в том числе на высоковольтное оборудование, о чем и говорилось на судебном процессе, на 55%)¹²⁸. Именно эта исключительно высокая норма прибыли, а не мифические «технические трудности» вызвала недовольство даже в мире капитала и привела к необходимости судебного расследования.

Современное производство в ряде отраслей, замечает Гэлбрейт, приняло капиталоемкий и наукоемкий характер, и оно требует определенного внутрифирменного планирования на основе более или менее стабильных рыночных цен и издержек производства. Он отмечает, что в этих условиях фирмы с самого начала контролируют не объем производства, а саму цену и объем спроса при данном уровне цен.

Такой контроль, естественно, предполагает согласованность в монопольной группе отрасли, т. е. то, что Гэлбрейт называет «канонами корпоративного поведения»¹²⁹. Однако это является не просто результатом концентрации производства, следствием применения «техники», как это пытаются показать Гэлбрейт. К такому результату ведет концентрация производства и капитала, усиливающееся господство монополий. Само регулирование на базе стабильных цен есть специфическая форма монополистического регулирования в современных условиях.

В настоящее время несколько изменилась и зависимость между уровнем цен и отклонениями в издержках производства. Это выражается в том, что цены имеют тенденцию в течение определенного времени оставаться неизменными. Но какой вывод из этого делает Гэлбрейт? «Такая стабильность цен в условиях, когда изменяются издержки производства и спрос, — считает он, — служит дополнительным признаком того... что в краткосрочном аспекте развитая корпорация преследует цели, отличные от максимизации прибыли»¹³⁰. Другими словами, это якобы подтверждает выводы Гэлбрейта о том, что контроль «техноструктуры» над ценами не имеет ничего общего с монопольной погоней за максимальной прибылью.

Однако такая трактовка является искажением реальной действительности. Стремление корпораций получить намеченную норму прибыли в среднем за длительное время (при ее изменениях на отдельных этапах) отражает своеобразие современной монополистической организации отрасли, со-

временной монополистической конкуренции, а не средства достижения «положительных» целей «техноструктуры».

Подчеркивая, что цены устанавливаются на таком уровне, который, «гарантируя необходимые доходы, прежде всего обеспечит стабильность и увеличение объема продаж»¹³¹, Гэлбрейт вместе с тем «не замечает», что такая политика корпораций как раз и является единственно верной с точки зрения получения максимально возможной прибыли в условиях монополистической конкуренции. Ведь если цена в отрасли будет слишком высока, то усилится давление межотраслевой конкуренции (в том числе и за счет импорта), увеличится производство товаров-субститутов. Наконец, с ростом цен усилится требование профсоюзов о повышении заработной платы. Все эти факторы должны учитывать монополии, планируя получение максимума возможной прибыли на длительный период.

Несостоятельна и позиция Гэлбрейта в вопросе о повышении цен, которую он трактует только как «защитную» реакцию на существенное увеличение издержек производства, и прежде всего заработной платы. Он не рассматривает вопрос о причинах появления требований о повышении заработной платы, но зато утверждает, что за перезаключением договоров о ставках зарплаты немедленно следует всеобщее повышение цен. Он признает, что обычно цены увеличиваются больше, чем это требуется для компенсации повышенных издержек производства¹³², т. е. он признает, что это используется и для изменения дохода в пользу фирмы. Но он и в данном случае пытается показать, что рост цен вслед за переговорами о ставках заработной платы якобы служит еще одним доказательством отсутствия у «техноструктуры» стремления к максимальной прибыли. «Если доходы могут быть увеличены сразу же после повышения заработной платы, они могли бы, очевидно, быть увеличены и задолго до этого»¹³³, — глубоко-мысленно замечает буржуазный экономист.

Такая трактовка причины увеличения цен крупной корпорацией порочна методологически и не подтверждается фактами. Марксистской политической экономией научно доказано, что изменение ставок заработной платы может оказать влияние только на величину издержек производства и величину прибавочной стоимости, но не на общую стоимость товара. Величина стоимости переменного капитала не переносится на продукты, как это происходит со стоимостью постоянного капитала. Поэтому не рост заработной

платы, а рост нормы прибавочной стоимости — важный фактор тенденции рыночной стоимости к повышению. Работы советских экономистов наглядно подтверждают, что издержки заработной платы на единицу продукции в обрабатывающей промышленности США неуклонно уменьшаются (на 62,5% в 1969 г. по сравнению с 1947 г.); тогда как доля прибавочной стоимости столь же неуклонно повышается (на 118,7% за тот же период)¹³⁴.

Наиболее глубокой причиной постоянного роста цен в эпоху империализма является господство монополий. Именно монопольный характер ценообразования, а не мифическое стремление «техноструктуры» к достижению своих «положительных» целей ведет к постоянному увеличению цен. На монопольный характер современного ценообразования указывают многие факторы, и в частности то, что, несмотря на постоянный рост почасовой выработки, вновь созданная стоимость не обнаруживает тенденции к сокращению из-за постоянного увеличения прибавочной стоимости в расчете на единицу продукции¹³⁵.

Что касается утверждения Гэлбрейта о том, что рост цен вслед за повышением ставок заработной платы якобы доказывает отсутствие у «техноструктуры» мотива к максимизации прибыли, то оно не является обоснованным. Требования рабочих об увеличении заработной платы — это не причина, а следствие объективного процесса повышения стоимости рабочей силы в условиях научно-технического прогресса, растущего обесценения номинальной заработной платы в результате инфляции и монопольного вздувания цен. Гэлбрейт в целях апологетики монополий все ставит с ног на голову.

Немаловажную роль в гэлбрейтианском механизме использования власти «техноструктуры» играет управление спросом. Контроль над потребителями и закупками правительства — важная составная часть «власти во всем объеме» современной корпорации, необходимое дополнение к контролю над ценами. Он включает в себя несколько тесно связанных между собой направлений деятельности: управление спросом на отдельные виды продукции («давление на частного потребителя»), влияние на закупки и экономическую политику государства, стабилизация совокупного спроса. Здесь рассмотрим только первую часть проблемы — управление потребительским спросом.

Гэлбрейт считает, что управление спросом потребителя включает в себя разнообразные и быстрорастущие сферы

деятельности корпорации. Но наиболее важным инструментом такого воздействия является реклама, а средством воздействия — коммерческое телевидение. Если рассматривать рекламу и связанные с ней виды деятельности под углом зрения «промышленного планирования», замечает Гэлбрейт, то они выполняют весьма значительные общественные функции: от управления спросом «до формирования психологии общества, необходимой для деятельности и престижа индустриальной системы»¹³⁶.

В полном соответствии со своей концепцией Гэлбрейт отрицает связь рекламы и с монопольным контролем, и с конкуренцией. По его мнению, реклама занимает особое место в механизме корпоративного контроля как проявление требований «промышленного планирования» и власти «техноструктуры». «Развитая корпорация захватила контроль над рынком, и не только над ценами, но также над тем, что покупается, не во имя монополии, а для целей планирования»¹³⁷.

Отрицание Гэлбрейтом какой-либо связи рекламы с конкуренцией ведется в форме полемики с распространенной в американской экономической литературе точкой зрения. Ее сторонники (Р. Дорфман и др.) рассматривают рекламу как форму конкуренции, заменившую непосредственно ценовую конкуренцию, а расходы на рекламу как взаимные потери. Но такая точка зрения не соответствует развиваемой Гэлбрейтом концепции о ликвидации конкуренции в «новом индустриальном обществе», и поэтому он пытается реабилитировать рекламу, возложив на нее «в высшей степени важную задачу»¹³⁸ в механизме регулирования современной капиталистической экономики.

Это положение подается в широком плане, включая изменение характера потребностей по мере развития «индустриальной системы» (потребности человека якобы приобретают большей частью психологический характер и поэтому лучше подготовлены для манипуляции спросом через психику) и потерю так называемого «суверенитета потребителя». Связанные с этим аргументы Гэлбрейта нами уже рассмотрены в первой главе¹³⁹. Здесь же необходимо отметить только то, что имеет значение к выяснению Гэлбрейтом природы рекламы.

Общее воздействие мероприятий по сбыту продукции, и прежде всего рекламы, утверждает он, основывается на том, что в «индустриальной системе» принцип «суверенитета потребителя» подорван. Речь идет о том, что поток указа-

ний, который раньше (в период рыночной экономики) шел в одном направлении — от потребителя к рынку и дальше к производителю (так называемая «общепринятая последовательность»), заменен «обратной последовательностью», при которой принятие решений о покупке товаров перемещается от потребителя к фирме. Эта измененная последовательность опирается на «новую» систему мотивов «техноструктуры», которая якобы позволяет приспособливать общественные установки к своим целям, и наоборот. В этих условиях стратегия сбыта крупной корпорации состоит в вербовке верного фирме контингента потребителей или в обеспечении признания фабричной марки. Это, по мнению Гэлбрейта, дает стабильный рынок и является, так сказать, вкладом рекламы в механизм внутрифирменного планирования.

Таким образом, речь идет фактически о конкурентной борьбе внутри рынка группы монополий. Но отрицая конкуренцию в принципе, Гэлбрейт вынужден прибегнуть к искусству манипуляции. Подобную стратегию сбыта, рассуждает он, проводят все фирмы монопольной группы. Так как все фирмы приспособлены к этой «игре» (он не употребляет слова «борьба»), устанавливается равновесие на каком-то уровне раздела рынка. Если же доля фирмы не растет или даже падает, то необходимы новые усилия стратегии сбыта, рекламы и в производстве товара. Положение исправляется, но следует подобная же реакция фирм, которые понесут урон. Следовательно, замечает Гэлбрейт, действия и противодействия ведут к установлению равновесия между фирмами. Тот, кто не может обеспечить необходимого уровня стратегии сбыта, выбывает из игры совсем¹⁴⁰.

Другими словами, «привлечение покупателей одной фирмы означает их потерю для другой». При этом «защитные» и «положительные» цели «техноструктуры» «до некоторой степени находятся в конфликте друг с другом»¹⁴¹. Но «конкурентное убеждение» не является правилом. В крупных корпорациях, обладающих огромными ресурсами для убеждения, «наступательные и защитные операции фирм-участников постепенно приходят к большему или меньшему равновесию»¹⁴². Но главное не в этом. Реклама «провозглашает и распространяет ценности планирующей системы вообще и ее приверженность к росту в частности»¹⁴³.

Конкуренция и монополия на рынке, где господствуют

щее положение занимает группа крупных корпораций, как бы замещаются системой «уравновешивающих сил». Для поддержания равновесия используется весь механизм управления спросом, и прежде всего реклама. Ее основное назначение в приспособлении поведения покупателей к задачам «промышленного планирования».

Все эти научнообразные рассуждения Гэлбрейта преследуют цель апологии монополий и монополистической конкуренции. Объем расходов на рекламу и их рост тесно связаны с силой монополий. В действительности реклама служит не каким-то инструментом «промышленного планирования» в экономическом мире Гэлбрейта, а специфической формой выражения монополии и конкуренции в условиях современной монополистической организации рынков. Советские исследователи справедливо видят в рекламе средство конкурентной борьбы, своеобразную компенсацию относительного уменьшения ценовой конкуренции в монопольной группе. Неценовая конкуренция получает развитие именно в отраслях с четко выраженной монопольной структурой рынка, где ценовая конкуренция значительно затруднена. При этом роль неценовой конкуренции зависит от характера продукции. Так, в отраслях с однородной продукцией (цемент, кислота и т. п.) ее значение меньше, чем в отраслях с разнообразными видами, моделями, сортами (в основном производство потребительских товаров)¹⁴⁴.

Теперь становится ясным, почему Гэлбрейт ввел в анализ рассуждения о психологических потребностях, о так называемой «обратной последовательности» и т. п. Все эти факторы так или иначе связаны с неценовой конкуренцией в борьбе за управление потребительским спросом. Однако сами по себе процессы в сфере потребления, а тем более субъективные представления о них не могут служить основой для удовлетворительного объяснения процессов монополизации и конкуренции, которые в конечном счете уходят своими корнями в объективные факторы, связанные с производственными отношениями. Субъективно-идеалистическая методология, отрыв потребления от производства представляют основу заблуждений Гэлбрейта в проблеме монополии и конкуренции.

Что касается самой рекламы как средства неценовой конкуренции, то за пределами чисто информационной функции она служит орудием монополий в конкурентной борьбе за рынки, средством усиления процессов монополи-

зации. Не случайно самые большие расходы на рекламу производят наиболее мощные монополии.

Монополистический характер рекламы проявляется в неоправданно высокой доле издержек обращения в цене товара. По отдельным оценкам, в каждом долларе, истраченном американским потребителем, 40—50% составляют издержки обращения¹⁴⁵. Это свидетельствует о том, что расходы на рекламу являются средством поддержания монопольных цен и представляют собой растрату общественных ресурсов.

Искажение Гэлбрейтом действительной природы рекламы, отрицание ее связи с монополией и конкуренцией призваны сыграть исключительно важную роль в концепции «нового индустриального общества». Такой метод позволяет Гэлбрейту подвергнуть критике некоторые негативные тенденции современного капиталистического общества и в то же время свести причины этих тенденций опять-таки к внутренней «логике индустриальной эволюции», к особенностям власти организации, т. е. в конечном счете к «технике», к развитию производительных сил.

Гэлбрейт осуждает некоторые негативные проявления современной политики управления спросом посредством рекламы. Особенно это чувствуется в книге «Экономические теории и цели общества». Он верно здесь подмечает, что роль рекламы особенно возрастает по мере развития научно-технической революции. Именно посредством рекламы «новизна или кажущаяся новизна, если она способствует эффективности убеждения потребителя, служит целям технoструктуры лучше, чем надежность или работоспособность»¹⁴⁶. Другими словами, он приходит к выводу, что «технoструктура» в погоне за расширением объема продаж слишком эксплуатирует веру публики в новизну товаров и услуг. Вследствие этого, продолжает он, технический прогресс распределяется в современном обществе очень неравномерно. Новинки производятся не для того, чтобы удовлетворять общественные потребности, а скорее всего там, где есть возможность убедить массового покупателя в сомнительных качествах новых продуктов.

Гэлбрейт справедливо подчеркивает, что большой интерес крупных корпораций к рекламе связан и с тем, что она служит не только важным инструментом поддержания и увеличения склонности к потреблению, но также является идеологическим каналом, по которому обеспечивается

поддержание «внушенных мнений» общественности и формирование личности человека в соответствии с потребностями «индустриальной системы». Он с некоторым сожалением признает, что это способствует формированию односторонне развитой личности, такой системы духовных ценностей человека «нового индустриального общества», которая направлена на укрепление престижа «индустриальной системы».

Однако что же предлагает буржуазный экономист для исправления такого положения? Что надо сделать, «чтобы создать прогрессивное в интеллектуальном и эстетическом отношении общество, более застрахованное от опасностей и более устойчивое, равно как и более терпимое и менее нивелированное»? ¹⁴⁷ И вот здесь наиболее ярко проявляется апологетический смысл рассуждений Гэлбрейта о механизме осуществления власти «техноструктуры», его критики негативных тенденций управления спросом посредством рекламы.

По его мнению, путь к спасению капитализма состоит не в изменении экономического базиса. Там якобы ничего нельзя сделать, так как действует неотвратимая «логика индустриальной эволюции». Поэтому все силы надо сосредоточить в сфере надстройки. Надо сопротивляться убеждению рекламы, надо вскрывать «истинную» причину ее влияния в обществе (т. е. показывать рекламу как инструмент «промышленного планирования»). Это якобы приведет к тому, что люди перестанут так охотно тратить доход на товары «индустриальной системы», что приведет к уменьшению выпуска этих товаров и расширению выпуска действительно нужных обществу товаров и услуг ¹⁴⁸. А это якобы будет способствовать более равномерному распределению власти и всех ресурсов между «планирующей» и «рыночной» системами.

Но в этом-то и заключается утопия Гэлбрейта. Никакие усовершенствования в сфере потребления и надстройки не способны сами по себе привести к изменениям в сфере капиталистического производства. Сам характер потребления находится под определяющим воздействием сферы производства. Оторванные от революционных изменений в сфере производства, все либеральные реформы Гэлбрейта обречены на провал.

Следовательно, критический анализ так называемого механизма использования власти «техноструктуры» показывает, что в действительности под этим механизмом

скрывается монопольный контроль, приспособленный к современной научно-технической революции и особенностям монополистической организации рынков, на которых господствует небольшая кучка крупных корпораций. Новые формы согласования рыночной политики, ценообразование в монопольной группе, управление спросом потребителей посредством рекламы служат не инструментами «промышленного планирования», как это пытается показать Гэлбрейт, а проявлением механизма групповой монополии и конкуренции внутри ее. Методологической основой такой искаженной трактовки явилось отрицание Гэлбрейтом роли производственных отношений капитализма, попытка вывести основные социально-экономические характеристики механизма функционирования современной корпорации исходя только из технико-организационной стороны процесса производства.

Глава II

¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 102.

² Там же, с. 62.

³ Там же, с. 286.

⁴ Там же, с. 129.

⁵ См. там же, с. 62.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 342.

⁷ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 116.

⁸ Там же, с. 119.

⁹ Там же, с. 70.

¹⁰ См. там же, с. 63.

¹¹ См. там же, с. 68.

¹² См. там же, с. 286.

¹³ Там же, с. 66–67.

¹⁴ Там же, с. 67.

¹⁵ Там же, с. 68.

¹⁶ См. М. И. Бурлаков. Военное потребление и капиталистическое воспроизводство. М., 1969, с. 135.

¹⁷ См. там же, с. 134.

¹⁸ См. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 7, с. 53–54.

¹⁹ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 411–420.

²⁰ См. там же, с. 415.

²¹ Там же, с. 417.

²² Там же, с. 418.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 419.

²⁵ Там же, с. 420.

- ²⁶ См. «США: экономика, политика, идеология», 1975, № 10, с. 59.
- ²⁷ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 397.
- ²⁸ Там же, с. 401.
- ²⁹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 411.
- ³⁰ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 396.
- ³¹ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 148.
- ³² Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 69–70.
- ³³ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 85.
- ³⁴ См. там же, с. 90–97.
- ³⁵ Там же, с. 95.
- ³⁶ См. там же, с. 96.
- ³⁷ Там же, с. 97.
- ³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 344.
- ³⁹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 467.
- ⁴⁰ Там же, с. 123.
- ⁴¹ См. там же, с. 122.
- ⁴² См. Ф. Ландберг. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971, с. 329.
- ⁴³ Цит. по: И. И. Беглов. США: собственность и власть, с. 47–48.
- ⁴⁴ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 126.
- ⁴⁵ См. Ф. Ландберг. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки, с. 351.
- ⁴⁶ См. С. А. Далин. Послевоенный государственно-монополистический капитализм. М., 1972, с. 62–63.
- ⁴⁷ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 121.
- ⁴⁸ См. С. А. Далин. Послевоенный государственно-монополистический капитализм, с. 37.
- ⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 337.
- ⁵⁰ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 101.
- ⁵¹ Там же, с. 176.
- ⁵² Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 118.
- ⁵³ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 176–178.
- ⁵⁴ См. С. Янг. Системное управление организацией. М., 1972, с. 125.
- ⁵⁵ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 177–178.
- ⁵⁶ Там же, с. 194.
- ⁵⁷ См. там же, с. 195.
- ⁵⁸ Там же, с. 184.
- ⁵⁹ Там же, с. 204.
- ⁶⁰ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 125.
- ⁶¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 208.

- ⁶² Там же, с. 296.
- ⁶³ Там же, с. 196.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же, с. 180.
- ⁶⁷ См. там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, с. 199 – 200.
- ⁷¹ «Из рукописного наследия К. Маркса». – «Коммунист», 1958, № 7, с. 22.
- ⁷² См. *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 467.
- ⁷³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, с. 271.
- ⁷⁴ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 123.
- ⁷⁵ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 154.
- ⁷⁶ См. там же, с. 156.
- ⁷⁷ См. там же.
- ⁷⁸ См. там же, с. 160 – 161.
- ⁷⁹ См. там же, с. 163 – 166.
- ⁸⁰ Там же, с. 167.
- ⁸¹ Там же, с. 222.
- ⁸² *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 127.
- ⁸³ Там же, с. 128.
- ⁸⁴ Там же, с. 131 – 132.
- ⁸⁵ См. с. 98 данной работы.
- ⁸⁶ См. *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 146.
- ⁸⁷ См. там же, с. 147.
- ⁸⁸ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 212.
- ⁸⁹ Там же, с. 216.
- ⁹⁰ См. там же, с. 218.
- ⁹¹ См. там же, с. 219.
- ⁹² См. там же, с. 221.
- ⁹³ Там же. В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт значительно пересмотрел свои взгляды на роль технического прогресса (см. с. данной работы).
- ⁹⁴ Здесь имеется в виду не подлинно общественный характер, а признанный различными официальными институтами буржуазного государства.
- ⁹⁵ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 399.
- ⁹⁶ См. там же, с. 407.
- ⁹⁷ См. там же, с. 402.
- ⁹⁸ Там же, с. 463.
- ⁹⁹ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 282.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 303.

- ¹⁰¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 212.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 147.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 366.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 191.
- ¹⁰⁶ Дж. Гэлбрейт ссылается на работы П. Самуэльсона и Р. Дорфмана.
- ¹⁰⁷ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 227.
- ¹⁰⁸ См. там же.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 229.
- ¹¹⁰ Там же, с. 231.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же, с. 233.
- ¹¹³ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 150.
- ¹¹⁴ См. там же, с. 31.
- ¹¹⁵ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 228.
- ¹¹⁶ Там же, с. 236.
- ¹¹⁷ Там же, с. 235.
- ¹¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385–386.
- ¹¹⁹ См. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. 1. М., 1975, с. 159.
- ¹²⁰ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 236.
- ¹²¹ Там же, с. 236–237.
- ¹²² Там же, с. 237.
- ¹²³ См. там же, с. 239.
- ¹²⁴ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 157.
- ¹²⁵ Там же, с. 156.
- ¹²⁶ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 239.
- ¹²⁷ См. там же.
- ¹²⁸ С. Л. Выгодский. Современный капитализм. Опыт теоретического исследования. М., 1975, с. 148.
- ¹²⁹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 239.
- ¹³⁰ Там же, с. 240.
- ¹³¹ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 154.
- ¹³² См. там же, с. 158.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ С. Л. Выгодский. Современный капитализм. Опыт теоретического исследования, с. 236, 241.
- ¹³⁵ См. там же, с. 238.
- ¹³⁶ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 258.
- ¹³⁷ См. там же, с. 243.
- ¹³⁸ Там же, с. 252.
- ¹³⁹ См. с. 35–36 данной работы.

¹⁴⁰ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 253 – 254.

¹⁴¹ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 183.

¹⁴² Там же, с. 183.

¹⁴³ Там же, с. 185.

¹⁴⁴ См. С. М. Никитин. Проблемы ценообразования в условиях современного капитализма. М., 1973, с. 256.

¹⁴⁵ См. там же, с. 260.

¹⁴⁶ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 198.

¹⁴⁷ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 440.

¹⁴⁸ См. там же, с. 257.

ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

В концепции Гэлбрейта научно-технический прогресс изображается таким образом, будто бы он, изменив частнокапиталистическую природу «индустриальной системы», обуславливает и процесс «перерождения» буржуазного государства в так называемое «государство техноструктуры». Автор «нового индустриального общества» пытается доказать, что усиление экономической роли государства и основные инструменты государственно-монополистического регулирования экономики являются закономерным следствием приспособления «развитой корпорации» к широкому внедрению науки, техники и крупных капитальных вложений, необходимым условием и следствием развития «промышленного планирования» и «революции техноструктуры». Он считает, что трактовка экономической роли государства с методологических позиций концепции «нового индустриального общества» ближе к современной действительности, чем явно устаревшие схемы «неоклассической системы». Трактовка Гэлбрейта якобы позволяет предложить более эффективные рецепты государственно-монополистического регулирования экономики в современных условиях.

Подвергая некоторой критике современное «государство техноструктуры» за излишнюю капитуляцию перед давлением «планирующей системы» якобы в ущерб сбалансированности всей национальной экономики США, состоянию окружающей среды и «качества жизни» человека, Гэлбрейт тонко скрывает глубинные причины этих противоречий. Всю ответственность за недостаточную адаптацию «индустриальной системы» к изменившимся условиям «социальной ответственности бизнеса» он сваливает на ошибки «государства техноструктуры», руководимого в то время республиканской администрацией. Отсюда противоречивость и утопичность его «общей теории реформ», в которой

обосновывается широкая программа «либерально-реформаторской деятельности» государственных законодательных и исполнительных органов в США. Эта программа преподносится Гэлбрейтом как один из возможных вариантов практического воплощения развиваемых им идей относительно того, в каком направлении должно развиваться «новое индустриальное общество», а точнее, современный государственно-монополистический капитализм. В связи с этим, как уже отмечалось, Гэлбрейт довольно туманно рисует некий процесс, направленный на превращение «государства техноструктуры» в так называемое «народное государство» с «рационально и справедливо построенной экономикой», которой управляют якобы не в интересах «планирующей системы», а в «интересах общества»¹.

1. Экономическая роль буржуазного государства в трактовке Гэлбрейта

В исследовании Гэлбрейта значительное место занимает выяснение причин возрастания экономической роли буржуазного государства. Фиксируя некоторые реальные явления, связанные с перерастанием американского капитализма эпохи свободной конкуренции в монополистический, а затем и в государственно-монополистический капитализм, Гэлбрейт вместе с тем искажает социально-экономическое содержание этого процесса, так как игнорирует реальное развитие производственных отношений капитализма, углубление его антагонизмов. Рассмотрим это подробнее.

Анализируя исторический процесс развития взаимоотношений между частным предпринимательством и буржуазным государством, Гэлбрейт сравнительно подробно останавливается на трех периодах американской истории: конец XIX в. и первые десятилетия XX в., 30-е годы XX в. и современный период. Этот исторический анализ призван придать вид объективной закономерности его трактовке развития отношений между бизнесом и государством. В соответствии с этой периодизацией целесообразно построить и критический анализ взглядов Гэлбрейта.

Первый период (по терминологии Гэлбрейта — «ранняя стадия индустриального развития») характеризуется прежде всего слабым развитием «техники», а следовательно, «промышленного планирования» и организации («техноструктуры»). По мнению Гэлбрейта, именно эти особенно-

сти производства обусловили: сравнительно небольшой размер фирмы и решающую роль рынка; лишь зачатки процесса отделения капитала-функции от капитала-собственности; характер взаимосвязи между бизнесом и государством. На рынке того периода господствовали конкуренция по поводу установления выгодных цен и стремление к максимальной прибыли. На рыночной основе строились и отношения бизнеса с государством. «В обществе, где экономическая деятельность строго подчинена денежным мотивам, — утверждает Гэлбрейт, — господство этих мотивов в отношениях между хозяйственной фирмой и государством представляется нормальным»².

Таким образом, технико-организационные особенности процесса производства на «ранней стадии индустриального развития», по мнению Гэлбрейта, обуславливали господство денежного мотива в деятельности отдельного индивида, предпринимательской фирмы и в отношениях последней с государством. Причем господству этого мотива якобы внутренне присуща неустойчивость, «состояние постоянной бдительности» из-за боязни господства бизнеса или государства друг над другом. Но тем не менее, признает Гэлбрейт, в тех условиях в качестве преобладающей силы выступала предпринимательская фирма, у которой было желание и возможности мобилизовать финансовые ресурсы для прямого влияния на государство в выгодном для себя направлении³.

Концепцию Гэлбрейта о «состоянии постоянной бдительности» очень удобно применить к отношениям между капиталистической корпорацией и буржуазным государством: в одних случаях корпорации становятся более сильной стороной и могут использовать власть государства для увеличения своих доходов, а в других случаях — все наоборот. Применительно к первой ситуации Гэлбрейт допускает, что на «ранней стадии индустриального развития» «люди острого ума разделяли мнение Маркса, что государство является исполнительным комитетом капиталистического предприятия»⁴. Но затем соотношение сил якобы изменилось, и к 30-м годам XX века уже корпорации США будто бы стали бояться силы государства⁵.

Прошлое капитализма критикуется Гэлбрейтом с вполне определенным прицелом. Оказывается, как в далеком прошлом, так и в настоящее время, именно независимый индивидуальный предприниматель — наиболее важный источник финансовых средств для достижения политических

целей в буржуазном обществе, главный носитель купленно-го за деньги политического влияния. По мнению Гэлбрейта, техасские нефтяные дельцы будто бы являются почти единственными среди современных бизнесменов, которые способны добиваться полной покорности от депутатов их штата в конгрессе США. Подкуп законодателей или даже предвыборная агитация, утверждает Гэлбрейт, осуществляются в общем людьми, действующими в одиночку⁶.

Перед нами наглядный пример грубой натяжки, открытого стремления выставить в выгодном свете крупные монополии. Но факты американской действительности говорят о другом. Так, по данным главного счетного управления США, «пожертвования» крупнейших американских корпораций, банков и индивидуальных «покровителей» на предвыборную кампанию 1972 г. составили рекордную в американской истории сумму — 79 млн. долл.⁷ Причем эта цифра, очевидно, не полностью характеризует «материальную поддержку» бизнесом современного американского политического и государственного аппарата.

В чем же секрет обличительного пафоса в отношении продажности политических деятелей буржуазного общества в прошлом? Видимо, в том, чтобы больше было веры в те поистине волшебные превращения, которые якобы произошли в ходе формирования «индустриальной системы», т. е. современного государственно-монополистического капитализма.

Порочность методологии Гэлбрейта, основанной лишь на так называемой «логике индустриальной эволюции», привела к искаженной оценке и следующего периода в отношениях между бизнесом и государством. Период 30-х годов XX в. характеризуется им как поворотный пункт в отношениях между государством и корпорациями. На этом этапе якобы слились воедино, подталкивая друг друга, два процесса: рост профсоюзов и реакция государства на новые нужды «индустриальной системы»⁸.

По мнению Гэлбрейта, великая депрессия (1929 — 1933 гг.) дала сильный толчок развитию профсоюзного движения, ставшего важной политической силой, с которой вынуждена была считаться рузвельтовская администрация. Новые правительственные мероприятия по предотвращению кризиса (в частности, регулирование совокупного спроса) были вызваны прежде всего якобы потребностью борьбы с депрессией и безработицей⁹.

Тем временем, продолжает развивать свои мысли Гэл-

брейт, в промышленности приспособление корпораций к широкому внедрению науки, техники, крупных капитальных вложений будто бы происходило в форме развития «промышленного планирования» и «революции техноструктуры». Мероприятия государства по регулированию совокупного спроса оказались просто необходимыми для укрепления основы «промышленного планирования» и для защиты «техноструктуры». Таким образом, росла зависимость «развитой корпорации» от государства. Но что самое главное, поясняет Гэлбрейт, на этом этапе меняется внутреннее содержание отношений между бизнесом и государством.

Гэлбрейт, объясняя «новый» характер отношений, опирается на свои же иллюзии о «новых» мотивах и целях «техноструктуры». Ослабление роли денежного мотива — погони за прибылью (как основной цели корпорации) — якобы уменьшило его значение и в отношениях между бизнесом и государством. Вместо единственной цели — погони за максимальной прибылью — у корпораций появилась якобы система целей, которая при определенном усилии со стороны корпораций могла быть отождествлена с целями всего общества. Вместо прямого воздействия бизнеса на государство (в том числе денежного подкупа законодателей), которым пользовалась предпринимательская корпорация, у «техноструктуры» якобы появился более мощный инструмент воздействия на государство — убеждение, способное придавать целям корпорации «общественный» характер.

Таким образом, делает вывод Гэлбрейт, развитие «техники» ведет к растущей зависимости крупной корпорации от государства, к смене мотивов и целей в деятельности корпорации. Именно переход от денежного мотива к более широкой системе мотивов и интересов крупных корпораций якобы позволил поднять отношения между бизнесом и государством на принципиально новый уровень, сделал «влияние развитой корпорации на государство фактически гораздо сильнее, чем влияние предпринимательской корпорации»¹⁰.

Внешне фиксируя возрастание экономической роли государства в 30-е годы, Гэлбрейт вместе с этим уклоняется от исследования производственных отношений, переводит анализ в сферу технико-организационных особенностей производства, в те области, которые являются скорее следствием, чем причиной. Невозможность расширенного капи-

талистического воспроизводства без участия государства он объясняет следствиями этого процесса — безработицей, усилением роли профсоюзов. Антикризисная политика государственно-монополистического капитализма выдается как результат мифического процесса рождения «техноструктуры».

После экономического кризиса 1929 — 1933 гг. американское государство стало усиленно подталкивать процесс капиталистического обобществления, проводить экономическую политику наибольшего благоприятствования крупным и крупнейшим монополиям. Эта экономическая политика способствовала укреплению позиций крупного монополистического капитала, дальнейшему перерастанию монополистического капитала в государственно-монополистический капитализм.

Подробно рассматривая характер отношений между бизнесом и государством с конца XIX в. и по 30-е годы XX в., Гэлбрейт стремится показать, что современные тенденции развития этих отношений подготовлены всем предыдущим ходом развития экономики и якобы обусловлены определенными закономерностями развития «техники». По его мнению, именно эти закономерности, выведенные на основе методологии «нового индустриального общества», способны наиболее точно отразить современный характер и тенденции влияния «развитой корпорации» на государство и обратное воздействие буржуазного государства на экономику.

Развивая свою идею о принципиальном отличии природы власти, основанной на единоличном владении собственностью, от власти, обусловленной якобы самой природой сложной организации («техноструктуры»), Гэлбрейт утверждает, что в современном обществе «власть планирующей системы зависит от того, насколько ей удастся внушить точку зрения, что любое действие со стороны государства и частных лиц, служащее ее интересам, служит также интересам широкой общественности»¹¹. При этом, продолжает он, «в последние 30 лет техноструктура выполнила поистине титаническую задачу завоевания общественного мнения»¹².

Основными каналами влияния «техноструктуры» на общественное мнение, считает Гэлбрейт, являются: современная система образования вообще, и особенно система экономического образования; реакция публики на открытые методы убеждения (особенно на рекламу), а также ряд ин-

ституты буржуазного общества, которые оказывают наиболее сильное влияние на политику государства (бюрократический аппарат федеральной администрации, «образованные слуги сообщества корпораций», главным образом адвокаты, а также университетские корпорации)¹³.

Отношения между государством и «индустриальной системой» на современном этапе, по мнению Гэлбрейта, характеризуются все более полным слиянием, при котором «граница между индустриальной системой и государством... становится все более искусственной и неразличимой. Техноструктура крупной корпорации имеет тенденцию стать ответвлением тех частей федерального государственного аппарата... от которых она наиболее зависит»¹⁴.

В книге «Экономические теории и цели общества» эту тенденцию государственных и частных организаций к выявлению и достижению общей цели Гэлбрейт называет «бюрократическим симбиозом». При этом, замечает он, в США «бюрократический симбиоз» достигает своего наивысшего развития между военными фирмами и подразделениями министерства обороны¹⁵.

Выяснив таким образом природу господства «индустриальной системы над государством и служение государства ее целям»¹⁶, Гэлбрейт пытается оценить настоящие и будущие последствия такого объединения экономической и государственной власти. Рассматривая современный американский капитализм, он в определенных рамках реалистично отмечает и негативные последствия усиления союза крупных корпораций и государства. В книге «Новое индустриальное общество» к таким последствиям он относит: гипертрофированное развитие военных отраслей экономики; принижение роли тех услуг государства, которые не связаны тесным образом с нуждами «индустриальной системы»; энергичное сопротивление бизнеса задачам государства, связанным с миром эстетических запросов и переживаний человека; недостаточное стимулирование государством так называемого «промышленного планирования» в ряде отраслей народного хозяйства (транспорт, жилищное строительство, охрана окружающей среды и т. п.), где, по мнению Гэлбрейта, рыночный механизм не эффективен и должен уступить свое место «сознательному планированию спроса и предложения»¹⁷.

Если в книге «Новое индустриальное общество» «негативные тенденции», вытекающие из объединения двух бюрократий (государства и крупных корпораций), только

названы, то в работе «Экономические теории и цели общества» эта проблема занимает одно из главных мест. Гэлбрейт более подробно говорит о неравномерности экономического развития «планирующей» и «рыночной» систем, о некоторых негативных последствиях использования технического прогресса в целях достижения экономического роста крупных корпораций, о необходимости бороться с разрушением окружающей среды и ухудшением «качества жизни» в «новом индустриальном обществе». Гэлбрейт обосновывает необходимость дальнейшего усовершенствования государства как «исполнительного комитета технотехники» и превращения его в так называемое «народное государство» путем освобождения от излишнего влияния на него «планирующей системы» и осуществления так называемой «общей теории реформ».

Критически рассматривая все эти положения, необходимо сразу же отметить, что нарисованная Гэлбрейтом картина современных взаимоотношений мира бизнеса и государства представляет собой новую форму апологетики государственно-монополистического капитализма. Хотя концепция «нового индустриального общества» и позволяет сравнительно ближе подойти к описанию некоторых внешних черт и противоречий современного государственно-монополистического капитализма, чем критикуемая Гэлбрейтом традиционная буржуазная экономическая теория, в целом эта концепция также создает искаженный образ реальной действительности.

Главный порок взглядов Гэлбрейта заключается в решительном отрицании им монопольного характера современной крупной корпорации и буржуазной основы государства. В силу этого правильно схваченная тенденция к объединению интересов корпораций и государства (так называемый «бюрократический симбиоз») неверно трактуется только как естественный результат развития производительных сил общества в эпоху научно-технической революции.

В действительности наиболее глубокую основу развития государственно-монополистического капитализма, который проявляется, в частности, и в упомянутом «бюрократическом симбиозе», составляют внутренние антагонизмы капиталистического способа производства на его империалистической стадии. Экономическая основа усиления вмешательства государства в хозяйственную жизнь — это не сами по себе производительные силы («техника» и ее основные

следствия — «промышленное планирование», власть «техноструктуры»), как утверждает Гэлбрейт, а то, что современные производительные силы не вмещаются в узкие рамки капиталистических производственных отношений. Изгоняя из анализа отношения собственности и фиксируя конечную обусловленность социальных явлений уровнем производительных сил, Гэлбрейт искажает сущность социально-экономических явлений.

Искажение сущности современного государственно-монополистического капитализма привело и к неверной трактовке причин его противоречий (по терминологии Гэлбрейта — «негативных тенденций» «нового индустриального общества»). При этом отмечается ряд наиболее очевидных социальных пороков американского общества (безработица, наличие бедных слоев населения, отставание системы образования и здравоохранения и т. д.), а также противоречивость и односторонняя направленность механизма государственно-монополистического регулирования экономики. Вместе с тем все причины этих явлений сводятся к особенностям власти «техноструктуры», ее приверженности целям технического прогресса и экономического роста, а также к недостаточному якобы сопротивлению общественного мнения и государства диктату крупных корпораций. На самом же деле современная система государственно-монополистического регулирования, ее пороки сложились в результате развертывания процесса монополистической концентрации и централизации капитала и производства в условиях научно-технической революции.

Все это показывает, что избранный Гэлбрейтом метод исследования привел его к грубому искажению сложного процесса перерастания американского капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. В анализе Гэлбрейта отношений между бизнесом и государством сказывается отсутствие коренной и решающей причины развития капитализма — концентрации производства и капитала, установление господства монополий. Вместо этого он переносит исследование в сферу распределения и обмена, в область рыночных отношений. Однако такой прием только затушевывает действительный характер отношений между бизнесом и государством, искажает исторический процесс развития капитализма.

В действительности усиление экономической роли государства связано с развитием внутренних противоречий капитализма. Период конца XIX в., рассматриваемый

Гэлбрейтом как полное господство рыночной экономики и якобы независимости корпорации от государства, на самом деле представляет собой переход к господству монополистического капитализма. В этот период растущее вмешательство государства в экономику становится необходимостью. Принятые в то время в США первые антитрестовские акты являются свидетельством усиления роли буржуазного государства в регулировании экономики, которая все более подвергалась диктату монополий.

Искажение действительности используется Гэлбрейтом в целях апологетики капитализма в период его перерастания в империализм. Хорошо известно, что этот период в развитии американского общества характеризуется хищнической политикой монополий. Концепция Гэлбрейта позволяет трактовать все эти явления с наименьшими издержками для системы капитализма.

Наиболее полное представление о степени искажения Гэлбрейтом сущности государственно-монополистического капитализма дает его анализ «бюрократического симбиоза» между крупнейшими производителями военной продукции и государственными службами министерства обороны США. Здесь Гэлбрейт использует весь арсенал категорий концепции «нового индустриального общества» для того, чтобы совместить свое осуждение наиболее очевидных и общепризнанных пороков, связанных с необузданной гонкой вооружений, с тщательной маскировкой действительных социально-экономических причин таких форм проявления государственно-монополистического капитализма, как милитаризация экономики, образование военно-промышленного комплекса и военно-экономическая деятельность буржуазного государства.

Рассматривая отношения между крупными военными корпорациями и министерством обороны только с точки зрения так называемой «логики индустриальной эволюции», Гэлбрейт отмечает, что основой отношений между бизнесом и государством в этой области являются огромные расходы правительства на оборону, надежные условия для функционирования «промышленного планирования» и осуществления власти «техноструктуры». По его мнению, министерство обороны, заключая с корпорациями долгосрочные контракты на крупные суммы и с целью широкого использования передовой техники, обеспечивает стабильный уровень цен и спроса, гарантирует возмещение затрат при аннулировании контракта или в других случаях.

Все это, по утверждению Гэлбрейта, приводит в действие сложную систему мотивов. «Техноструктура» начинает отождествлять свои интересы с задачами вооруженных сил (т. е. ставить цели милитаризации выше собственных). Члены «техноструктуры» стремятся быть приверженными к этим целям и задачам так же, как и офицеры данного рода войск¹⁸.

Критическое рассмотрение этих взглядов Гэлбрейта необходимо начать с того, что военное производство США действительно представляет собой особую область экономики, где интересы монополий и государства переплетаются очень тесно. Государственный военный рынок имеет свои особенности, которые сказываются на воспроизводственном процессе связанных с ним корпораций. Принятые Гэлбрейтом за основу анализа некоторые процессы в действительности стали следствием милитаризации как важнейшей черты государственно-монополистического капитализма.

Для Гэлбрейта военно-промышленный комплекс — это эталон совершенного «промышленного планирования», образец превращения крупной капиталистической собственности в некую только «номинально частную» корпорацию, ставшую «частью крупной государственной бюрократии». С этими тенденциями он связывает будущее всякой крупной корпорации, считает их характерными для всей «индустриальной системы»¹⁹. Однако милитаризация экономики в условиях государственно-монополистического капитализма свидетельствует о нарастании процессов его загнивания и паразитизма. Если в целом государственное регулирование стало показателем неспособности капитализма к обеспечению непрерывности расширенного воспроизводства, то милитаризация представляет собой использование самых разрушительных средств регулирования, которые усиливают противоречия буржуазного строя.

Милитаризация экономики становится одним из основных средств разрешения противоречий капиталистического воспроизводства. Эти противоречия государственно-монополистический капитализм пытается решить путем концентрации в своих руках все большей части национального дохода и использования его для расширения спроса монополий прежде всего за счет спроса на военную продукцию. Сила государства сливается с мощью монополий, в первую очередь военно-промышленного комплекса, в единый механизм, используемый в целях спасения капита-

лизма как общественно-экономической формации. В этом заключается основная причина тесного переплетения, «союза государства и монополий», а не в тех искаженных последствиях этого «союза», о которых так многословно говорит Гэлбрейт.

Апологетическая направленность концепции Гэлбрейта проявляется не только в искаженной трактовке социально-экономической сущности современного государственно-монополистического капитализма, но и в оценке тенденций его дальнейшего развития. Буржуазный экономист считает, что современное государство как «исполнительный комитет технотрактуры», в котором «командует планирующая система»²⁰, должно перерасти в так называемое «народное государство», где управление экономикой совершается в «интересах общества»²¹. Этот процесс у Гэлбрейта ассоциируется с освобождением государства от давления «планирующей системы» и проведением в жизнь программы либерально-буржуазных реформ.

В книге «Новое индустриальное общество» проблема борьбы «с монополией индустриальной системы на формулирование общественных задач»²² ставится в самой общей форме. Гэлбрейт говорит о необходимости выработки ясного представления о тех целях общества, которые «индустриальная система» не решает. Затем необходимы механизм и политическая сила для осуществления этих целей и ограждения их от подчинения «индустриальной системе». Гэлбрейт весьма туманно говорит об освобождении личности от назойливого внушения со стороны «планирующей системы» таких умонастроений, которые лишь создают основу для «промышленного планирования», способствуют признанию целей «технотрактуры» и дисциплины сложной организации. При этом единственный путь подобного освобождения личности Гэлбрейт видит в образовании. Что касается «политической силы» или «политической инициативы», то здесь все надежды возлагаются на новую социальную роль интеллигенции, и прежде всего так называемого «сословия педагогов и ученых».

В работе «Экономические теории и цели общества» проблема освобождения государства от давления «планирующей системы» рассматривается как главное условие (наряду с раскрепощением личности от «внушенных мнений») осуществления выдвигаемой им программы реформ механизма управления капиталистической экономикой. Причем здесь главное внимание сосредоточивается на основных каналах,

по которым идет приспособление общественных целей к нуждам корпораций (система образования, экономическая теория, реклама, механизм формирования государственной внутренней и внешней политики).

Основные надежды на освобождение государства от влияния «планирующей системы» и превращение его в «народное государство» Гэлбрейт возлагает на законодательную власть, которая якобы в большей мере, чем правительство, выражает общественные интересы. Он утверждает, что в США «конгресс играет доминирующую роль в деле раскрепощения государства. Он не является частью государственной бюрократии и, значит, должен чутко реагировать на общественные потребности»²³. В таком случае якобы и у президента возникает возможность стремиться к общественным интересам. «Даже слабый президент начнет действовать в этом направлении. Без давления и поддержки конгресса почти любой президент безнадежно окажется жертвой государственной бюрократии и планирующей системы»²⁴.

Оценивая взгляды Гэлбрейта на развитие государственно-монополистического капитализма, нельзя не заметить, что они в косвенной форме означают признание прогрессирующего конфликта между крупными монополиями и основными слоями американского общества. Разумеется, сам Гэлбрейт далек от такого прямого вывода. Однако все же заметна его либерально-буржуазная озабоченность о пагубных последствиях дальнейшего сращивания мощи большого бизнеса и государства в единый механизм, направленный против интересов всей нации. Кроме того, обращает на себя внимание и его желание реформировать капитализм, т. е. сделать его не только лучше функционирующим экономическим механизмом, но и экономической системой, приемлемой для широких слоев американского общества. Все это хотя и прикрыто ширмой из категорий «нового индустриального общества», на деле является искаженным отражением всевозрастающего конфликта между растущими производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества.

Вполне понятно, что утверждения Гэлбрейта о современном государстве как «исполнительном комитете технотрутуры», так же как и утопические мечты о его перерастании в так называемое «народное государство», основаны на искажении социально-экономической сущности современного капитализма, на отрицании определяю-

щей роли его производственных отношений. Но сама по себе постановка вопроса об ограничении господства крупных корпораций, о необходимости учитывать в политике буржуазного государства интересы всей нации свидетельствует о глубине противоречий государственно-монополистического капитализма в эпоху научно-технической революции и соревнования двух мировых систем. Об этих противоречиях вынуждена «проявлять заботу» буржуазная экономическая теория.

Вместе с этим программа реформирования современного государства, предлагаемая Гэлбрейтом, не выдерживает серьезной критики. Прежде всего здесь сказывается субъективно-психологическая методология Гэлбрейта, ее явная противоречивость. Обуславливая все особенности современного социального механизма развитием сферы материального производства (производительных сил), Гэлбрейт в то же время решение негативных тенденций этого развития переводит в область надстроечных явлений, в сферу общественной психологии «нового индустриального общества». Но ведь умонастроения личности, на которые он делает ставку, сами по себе служат отражением объективно складывающихся отношений между людьми в процессе капиталистического производства. Поэтому воздействие «планирующей системы» на эти умонастроения ничего не может изменить в экономическом базисе капитализма.

Гэлбрейт много надежд возлагает на возрастающую роль интеллигенции, и особенно на так называемое «сословие педагогов и ученых». Подробнее этот аспект рассматривается в следующей главе. Здесь же необходимо заметить, что надежды Гэлбрейта на «политическую инициативу» интеллигенции основаны на непонимании классовой природы современного буржуазного общества. Не случайно, что в книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт почти не упоминает о «сословии педагогов и ученых» как силе, способной обеспечить политическое руководство различными движениями протеста, а также процессами реформирования современного капитализма. Здесь его надежды устремлены на те политические силы в демократической партии США, которые на президентских выборах 1972 г. сплотились вокруг кандидата левого крыла партии — Д. Макговерна.

Что касается ведущей роли законодательной сферы в процессе «раскрепощения» государства от влияния «планирующей системы» и превращения государства в так на-

зываемое «народное государство», то эти утверждения Гэлбрейта также явно несостоятельны, хотя он верно подмечает, что соединение силы монополий с государством, усиление исполнительной власти, невиданное ранее развитие бюрократии и коррупции означают реальную угрозу даже для традиционной буржуазной демократии. Усиление контроля монополий над американским обществом стало приобретать социально опасные формы. Именно этой заботой о спасении капитализма как социально-экономической системы проникнуты прежде всего призывы Гэлбрейта к повышению роли парламентских методов контроля в осуществлении классового господства буржуазии.

В условиях капитализма те или иные формы государственно-монополистической надстройки не отличаются друг от друга по своей сущности, точно так же как не различаются по существу между собой две ведущие буржуазные партии США — демократическая и республиканская. И конгресс, и исполнительная власть в США призваны разными методами решать одну и ту же задачу — обеспечения политического господства класса буржуазии.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения взглядов Гэлбрейта на причины, последствия и тенденции усиления экономической роли буржуазного государства, необходимо отметить, что несостоятельность его концепции определяется методологией «нового индустриального общества», классовой апологетической позицией. Отбрасывая в сторону такие глубинные причины усиления экономической роли государства, как процесс концентрации и централизации капитала, господство монополий, обострение внутренних противоречий капитализма и нарастание рабочего движения, борьба двух мировых систем, Гэлбрейт практически выхлещивает сущность государственно-монополистического капитализма. Такая методология используется Гэлбрейтом для апологетического искажения процессов формирования монополистического капитализма в США в конце XIX — начале XX в. и перерастания его в последующем в государственно-монополистический капитализм. Вместо этого он обосновывает возникновение и развитие мифической «ранней стадии индустриального развития» и постепенное перерастание ее в «новое индустриальное общество» с государством, якобы представляющим «исполнительный комитет техноструктуры».

Порочная методология Гэлбрейта отразилась в характеристике современного этапа государственно-монополисти-

ческого капитализма («нового индустриального общества»). Внутренне ощущая, что милитаризация становится характерной чертой современного развития, он извращает сущность и характерные черты милитаризации в угоду своей концепции о «трансформации» капитализма. При этом некоторые особенности воспроизводства в военно-промышленном комплексе он пытается выдать за общие тенденции развития «индустриальной системы».

Проявляя либерально-буржуазную озабоченность об отрицательных последствиях усиления мощи монополий и государства и видя в этом угрозу буржуазной демократии и всему экономическому базису капитализма, Гэлбрейт выдвигает ряд предложений, направленных на ослабление гнета монополий на все американское общество. Однако эти предложения облачаются им в форму мнимого процесса трансформации «государства техноструктуры» в так называемое «народное государство». Такая форма представляет собой явную социальную утопию.

2. Утопический характер гэлбрейтской теории регулирования спроса

На роль главного фактора динамического равновесия современной экономики Гэлбрейт выдвигает регулирование «покупательной способности, или совокупного спроса»²⁵, через бюджетный механизм и налоговые рычаги. Он пытается обосновать возможность преодоления ограниченности ортодоксальной кейнсианской доктрины и неэффективности основанной на ней политики государственно-монополистического вмешательства в экономику путем перестройки теории и практики регулирования на основе методологии «нового индустриального общества».

Подвергая критике «государство техноструктуры» за недостаточную эффективность мероприятий по регулированию, Гэлбрейт стремится всю вину свалить на бюрократический стиль руководства американской экономикой со стороны бывшей в то время у власти республиканской администрации, которая, по его мнению, излишне руководствовалась в своей деятельности устаревшими экономическими идеями и злоупотребляла удовлетворением потребностей «планирующей системы». В соответствии с модернизированными взглядами на природу регулирования спроса он в рамках «общей теории реформ» разрабатывает «новые»

рецепты «реформаторской деятельности» государства, которые якобы будут способствовать превращению регулирования экономики в интересах «планирующей системы» в управление экономикой в интересах широкой общественности.

Рассмотрение природы регулирования совокупного спроса Гэлбрейт начинает с критики основных положений «неоклассической системы» по этому вопросу. Он считает, что и здесь традиционная экономическая теория уже не отражает действительности и незаметно стала играть роль «ширмы, прикрывающей власть корпораций». Эта «инструментальная функция» буржуазной экономической теории якобы уже не служит пониманию и улучшению современной общественной системы США, а стремится скрыть источник власти, заключающийся во все большем слиянии «индустриальной системы» и государства. В этом, по его мнению, и заключается одна из причин того, что действия государства по предотвращению депрессии и инфляции в прошлом и в настоящее время имеют ряд недостатков.

Гэлбрейт подвергает критике взгляды тех «неоклассиков», согласно утверждениям которых устойчивое равновесие в современной экономике создается «невидимой рукой» рынка без активного вмешательства государства в процесс воспроизводства. «До Великой Депрессии 30-х годов... — считает Гэлбрейт, — экономическая система рассматривалась всеми неоклассическими направлениями как саморегулирующаяся, точнее, самокорректирующаяся»²⁶. Такие взгляды разделяются и многими современными буржуазными экономистами. «Особенно «приспособившиеся» теоретики, — утверждает он, — до сих пор считают, что государство должно свести свои услуги к минимуму»²⁷. Формальным выражением подобных взглядов, продолжает Гэлбрейт, является закон Сэя. И хотя в настоящее время этот закон, по его словам, представляет собой один из «общеизвестных анахронизмов экономической науки», раньше, т. е. когда он был сформулирован Сэем, этот закон якобы «обладал значительными достоинствами»²⁸.

Переходя к анализу взглядов Кейнса и его сторонников, Гэлбрейт замечает, что в середине 30-х годов «историческим достижением Дж. Кейнса» явились «полнейшее уничтожение закона Сэя и тем самым иллюзии самокорректирующейся экономики»²⁹. В экономической теории, продолжает Гэлбрейт, было признано, что в экономике вполне возможен недостаток или избыток совокупного спроса.

Сбалансированное развитие экономики может быть обеспечено только на основе вмешательства государства путем изменения налоговой или денежно-кредитной политики³⁰.

В современной неокейнсианской модели, утверждает он, сохранилась уверенность в том, что умелое сочетание налоговой и денежно-кредитной политики приводит к установлению стабильных цен на уровне, близком к полной занятости. Или другими словами: неокейнсианцы предлагают повышением спроса бороться против безработицы, а опасности инфляции — противопоставлять уменьшение спроса³¹.

Гэлбрейт не согласен с таким оптимизмом. Он считает, что подобные выводы в конечном счете основываются на несоответствующих современной действительности теоретических посылах о решающей роли рынка в управлении экономикой. Кроме того, подчеркивает Гэлбрейт, Кейнс не мог предвидеть, что в ходе экономического развития «власть перейдет от потребителя к производителю», произойдет растущее расхождение «между интересами производителя или планирования и интересами общества» со всеми вытекающими из этого последствиями: неравномерным распределением дохода, использованием власти не в интересах общества, а в интересах «планирующей системы», загрязнением окружающей среды и т. п. Все это, по мнению Гэлбрейта, приводит к тому, что в настоящее время использование рецептов Кейнса против безработицы и депрессии оказывается «недостаточным для решения проблемы инфляции»³².

Из приведенной выше критической оценки Гэлбрейтом взглядов «неоклассиков» на природу регулирования совокупного спроса можно сделать следующие выводы. Во-первых, он считает, что в свое время теория Кейнса в гораздо большей мере, чем догмы неоклассических последователей закона Сэя, отражала реальные изменения в монополистической природе капитализма. Во-вторых, в условиях серьезных потрясений современной американской экономики и явной неэффективности мероприятий государственно-монополистического регулирования, основанных на использовании ортодоксальных кейнсианских рецептов, необходимо признать несостоятельность применения теории Кейнса к современной капиталистической действительности.

Гэлбрейт, критикуя обанкротившиеся экономические теории, выражает надежду, что все беды современного ка-

питализма и недостатки государственного регулирования способна излечить новая теория, которая была бы свободна от гносеологических ошибок «неоклассической модели». Наиболее прочной основой для выяснения природы государственно-монополистического регулирования, по его мнению, может быть методология «нового индустриального общества» с ее «императивом техники», требованиями «промышленного планирования», «революцией техноструктуры» и государством как «исполнительным комитетом техноструктуры».

Развивая свои взгляды на природу регулирования совокупного спроса, Гэлбрейт признает, что современной индустриальной экономике внутренне присущи тенденции как к депрессии и спаду, так и к инфляции. При определенных условиях эти тенденции могут принять даже кумулятивный и стойкий характер. «Без вмешательства со стороны государства, — замечает он, — планирующая система склонна к депрессии или инфляции»³³. В чем же причины этих тенденций? Как и все кейнсианцы, Гэлбрейт ищет их прежде всего на стороне спроса, в его недостатке или избытке, которые возникают якобы как следствие несбалансированности сбережений и инвестиций. При этом весь анализ проблем совокупного спроса он пытается втиснуть в рамки разработанной им методологии «нового индустриального общества».

Гэлбрейт утверждает, что такие особенности «индустриальной системы», как передовая техника, большие затраты капитала, «промышленное планирование» и крупные масштабы производства, сами по себе обуславливают «тенденцию к образованию обильных сбережений» и, следовательно, к обильному предложению капитала. В 1969 г. нераспределенные прибыли корпораций, продолжает Гэлбрейт, составили 99 млрд. долл., т. е. утроились по сравнению с 50-ми годами. За это время удвоились и личные сбережения³⁴.

Образование в экономике «нового индустриального общества» обильных сбережений, поясняет Гэлбрейт, не означает, что они будут поглощены инвестициями. «В организованной экономике не существует также какого-либо механизма, посредством которого взаимно уравновешивались бы решения относительно размера сбережений и инвестиций»³⁵. В результате такого несоответствия и возникает, по мнению Гэлбрейта, либо сокращение совокупного спроса (спад или депрессия), либо рост цен (инфляция). Способ-

ность «индустриальной системы» контролировать цены еще более способствует превращению нарушенного равновесия «в кумулятивную понижательную спираль»³⁶.

Таким образом, по Гэлбрейту, получается, что «индустриальная система» по самой своей природе крайне нуждается в регулировании совокупного спроса³⁷. Это регулирование неразрывно связано с особенностями экономики «нового индустриального общества» и требует вмешательства государства с целью корректировки как недостаточного, так и чрезмерного спроса. Причем «эффективное регулирование совокупного спроса вызывает необходимость постоянного регулирования», а не эпизодического вмешательства в процесс воспроизводства³⁸.

Важная отличительная черта взглядов Гэлбрейта на природу регулирования совокупного спроса, следовательно, состоит в том, что в основу этих взглядов положены «техника», технико-организационные стороны процесса производства. Он прямо утверждает, что «регулирование совокупного спроса необходимо для того, чтобы планирование опиралось на прочную основу, и для защиты технoструктуры»³⁹.

При такой трактовке, разумеется, улавливается в какой-то мере обусловленность социальных форм капиталистического общества, и в частности экономической роли государства, уровнем развития производительных сил (научно-техническим прогрессом). Однако связь эта искажается тем, что из анализа исчезают производственные отношения капитализма, внутренние противоречия капиталистического способа производства. Без этого социально-экономическая сущность государства извращается, а само буржуазное государство искусственно заменяется «государством технoструктуры».

В действительности не новая техника посредством «промышленного планирования» и «революции технoструктуры» обуславливает необходимость регулирования совокупного спроса, а монополии и финансовая олигархия путем усовершенствованных методов конкурентной борьбы широко, с помощью государства используют достижения научно-технического прогресса для укрепления своих позиций, для усиления эксплуатации трудящихся.

Односторонность взглядов Гэлбрейта на природу регулирования совокупного спроса наглядно проявляется в его трактовке изменений механизма регулирования, которые произошли со времен экономического кризиса 1929 —

1933 гг. По мнению Гэлбрейта, в 30-х годах эти меры преподносились общественности как «средство борьбы с безработицей», применяемое в гуманных целях и от имени «рабочего движения». При этом первоначальный план увеличения государственных расходов был действительно связан с необходимыми гражданскими мероприятиями, увеличивающими совокупный спрос.

Дальнейшее развитие мероприятий по регулированию, продолжает Гэлбрейт, стало принимать иной характер. Вместо предполагаемого роста и последующего сокращения государственных расходов в зависимости от состояния экономики они были установлены на высоком начальном уровне. Ограничение или увеличение частных доходов и расходов стало осуществляться в основном при помощи налоговой политики. В результате этого, замечает Гэлбрейт, значительная часть государственных расходов стала служить интересам частных фирм или шла на закупку государством их продукции. Особенно ярко это проявилось в военно-промышленной сфере экономики. Однако экономическая теория и пропаганда, продолжает Гэлбрейт, по-прежнему истолковывали это как проявление воли гражданина, воли общества. Никто не считал это результатом влияния заинтересованных фирм⁴⁰.

Подчеркивая определяющую роль крупных корпораций в процессе усиления регулирующих функций государства, Гэлбрейт вместе с тем проходит мимо того факта, что это не просто корпорации, а капиталистические монополии. А вместе с этим исчезают из его анализа и такие факторы усиления роли государства, как нарастание внутренних противоречий капитализма, усиление классовой борьбы пролетариата за свои права, влияние мировой социалистической системы хозяйства.

Оценивая приведенные выше взгляды Гэлбрейта на природу государственно-монополистического регулирования, необходимо отметить, что их главный порок заключается в непонимании или сознательном искажении того факта, что основной движущей силой современного капитализма являются наиболее глубокие противоречия его экономического базиса. Игнорируя производственные отношения капитализма, и прежде всего реальные отношения собственности, Гэлбрейт решающее значение во всем воспроизводственном процессе приписывает не производству, а другим экономическим процессам — потреблению, обмену и распределению. Главным в поисках путей стабилизации

капиталистической экономики он считает регулирование совокупного спроса, проблему соотношения сбережений и инвестиций в современном обществе. Отсюда и его общие с кейнсианством исходные позиции.

Однако эта общность не исключает серьезных различий кейнсианских взглядов и концепции Гэлбрейта. Последний хотя и в искаженном виде, но несколько ближе к современной действительности отражает особенности современных методов государственного регулирования капиталистической экономики. Концепция «нового индустриального общества» позволяет в известных границах критиковать современную буржуазную экономическую теорию и практику государственного регулирования, не затрагивая при этом социально-экономических корней противоречий.

Выдвигая либерально-реформистскую «общую теорию реформ», Гэлбрейт декларирует необходимость замены нынешнего государственного регулирования в интересах «планирующей системы» регулированием для всего общества. В действительности же он выступает за такое усиление государственного вмешательства в капиталистическую экономику, которое бы способствовало некоторому ограничению власти крупного частного предпринимательства, усилению его «социальной ответственности» перед обществом, а также было направлено на усиление позиций так называемой «рыночной системы» и сферы производства общественно необходимых товаров и услуг. Наиболее наглядно противоречивость и ограниченность взглядов Гэлбрейта на регулирующие способности буржуазного государства проявляются в оценке им основных методов регулирования экономики: государственных расходов и налоговой политики.

Рассматривая государственные расходы под углом зрения их влияния на регулирование совокупного спроса, Гэлбрейт исходит прежде всего из того, что регулирование «будет эффективным лишь в том случае, если речь идет о достаточно крупных величинах»⁴¹. Если размеры государственных операций достаточно велики в экономике, продолжает он, то они потребуют соответственно и увеличения доли налогов в общих доходах. Лишь при этом условии налоговая система может превратиться «из инструмента повышения государственных доходов в инструмент регулирования спроса»⁴².

Выступая сторонником высокого уровня государственных расходов, Гэлбрейт считает, что такой уровень

в конечном счете является необходимым следствием приспособления «индустриальной системы» к широкому внедрению науки, техники, крупных капитальных вложений, что он якобы диктуется потребностями укрепления экономической базы «промышленного планирования» и защиты интересов «техноструктуры». Отмечая исключительно быстрый рост государственных расходов в США за последние 40 лет (увеличение в 22 раза), Гэлбрейт подчеркивает, что в этом процессе нашло отражение «растущее приспособление к целям развитой корпорации и ее техноструктуры»⁴³.

Такая трактовка природы и роли государственных финансов отличается внутренним противоречием. С одной стороны, Гэлбрейт справедливо подчеркивает, что активную экономическую роль буржуазного государства следует связывать с уровнем развития производительных сил общества. Финансовые операции государства объективно обусловлены процессами, происходящими прежде всего в производстве. С другой — он сводит сущность этих процессов к технико-организационной стороне производства, изгоняет из анализа господствующую в обществе систему производственных отношений. При этом искажается социально-экономическое содержание государственных финансов и их связь с уровнем развития производительных сил.

В результате Гэлбрейт, отбрасывая наиболее радикальные методы преобразования капиталистического общественного производства, остается в плену поверхностных либерально-реформистских предложений, которые не связаны с ликвидацией капиталистической собственности. Наиболее ярко это проявляется в оценке Гэлбрейтом государственных расходов США на гонку вооружений.

С явным осуждением Гэлбрейт относится к таким тенденциям «нового индустриального общества», как гипертрофированное развитие отраслей военно-промышленного комплекса и сверхконцентрация экономической власти именно в этой части «индустриальной системы». Но каким образом он объясняет причины этого явления и как представляет пути преодоления «негативных тенденций»? Этот анализ представляет большой интерес для выяснения апологетической сущности концепции Гэлбрейта.

В современных курсах экономической теории типа учебника П. Самуэльсона, отмечает Гэлбрейт, проблема военных расходов объясняется только соображениями национальной безопасности. Без этих требований якобы можно было бы переключить средства на гражданские нужды или

сократить налоги без ущерба для эффективности регулирования совокупного спроса⁴⁴. Гэлбрейт против такой трактовки причин роста военных расходов. Он считает, что главная причина кроется гораздо глубже — в особенностях функционирования экономики «индустриальной системы», в «императивах техники», в требованиях «промышленного планирования» и т. п.

Осуждая раздувание военных расходов, Гэлбрейт вместе с тем высказывает мысль, что они создают оптимальную с точки зрения регулирования совокупного спроса структуру государственных расходов. Во-первых, они делают государственный сектор большим («без них бюджет федерального правительства уменьшился бы более чем в два раза»⁴⁵). Во-вторых, эти расходы создают надежную основу для внедрения новой техники и «планирования», которые и отличают «индустриальную систему». Никакие другие государственные расходы (например, на школы, парки и на борьбу с бедностью) не могут обеспечить этой основы, замечает автор «нового индустриального общества».

Таким образом, природу милитаризации экономики Гэлбрейт видит только в технических потребностях «индустриальной системы». Последняя якобы стремится к развитию техники, которая требует крупных сумм денег. Военные расходы — это та область, которая приветствует научно-технический прогресс и имеет средства для его финансирования, которая способна «развязать всю энергию человека»⁴⁶. Он практически отрицает связь милитаризации с системой капиталистических производственных отношений. «Индустриальная система связала свои интересы с гонкой вооружений не из особого пристрастия к ней и не потому, что она по природе своей кровожадна»⁴⁷. Однако такая трактовка сущности милитаризации несостоятельна с методологической точки зрения и вольно или невольно служит целям апологетики государственно-монополистического капитализма.

В связи с общим анализом природы военных расходов весьма своеобразно выглядит и трактовка Гэлбрейтом альтернатив гонке вооружений. С одной стороны, он критически относится к так называемой «общепринятой трактовке» проблемы разоружения, основанной на непонимании «действительной» роли военных расходов в регулировании спроса в условиях научно-технической революции. С другой — не может не согласиться с общественным осуждением гонки вооружений, не видеть бесперспективность политики

«холодной войны». Он пытается найти компромиссное решение в русле развиваемой им концепции «нового индустриального общества», на путях мнимой конвергенции двух систем.

Выступая за отказ от политики гонки вооружений, представители «общепринятого мнения» в США, продолжает Гэлбрейт, предлагают высвобождающиеся средства направить на увеличение других государственных расходов (на улучшение пенсионного дела, охрану воздушного пространства городов и т. п.) или на снижение налогов. По мнению Гэлбрейта, это порочная трактовка. Подобные расходы, хотя и увеличивают спрос, играют неодинаковую роль в деле развития «техники», «промышленного планирования», о которых так пекутся крупные корпорации. «Индустриальная система не могла бы легко пожертвовать теми выгодами, которые приносит ей гонка вооружений»⁴⁸.

Какой же выход предлагает Гэлбрейт? Место гонки вооружений, по его мнению, безболезненно может быть занято лишь соперничеством с Советским Союзом в области науки и техники, если затраты на эти нужды будут достаточно велики. Почти идеальным средством является соперничество в исследовании космического пространства. Могут быть полезными и широкие области теоретической науки, развитие скоростного наземного и воздушного транспорта, охрана окружающей среды, изменение климата и др.

Трудно не согласиться с Гэлбрейтом, что альтернативой гонке вооружений может быть соревнование в различных областях мирного использования науки и техники. К такому выводу буржуазный экономист мог прийти потому, что гонка вооружений завела американское общество в тупик. Особенно привлекательной эта точка зрения выглядит на фоне наметившейся в начале 70-х годов тенденции к разрядке напряженности, ограничению вооружений и расширению торговли между США и Советским Союзом. Однако полезно смотреть не только на сами выводы, но и на те аргументы, которые лежат в основе этих выводов.

Прежде всего отход от политики «холодной войны» и отказ от лежащего в ее основе представления о неминуемом вооруженном столкновении США и СССР Гэлбрейт тесно связывает с якобы наметившейся конвергенцией двух систем. Именно всеобщее осознание факта сближения двух систем, по его мнению, будет содействовать согласию по вопросам опасности гонки вооружений и сотрудничества.

Уже отмечалось, что такая трактовка политики мирного сосуществования призвана затушевать действительные причины изменений в мировой политике⁴⁹. Она играет на руку врагам разрядки напряженности, так как фактически связывает развитие экономических и других отношений с уступками со стороны Советского Союза, ставит их в зависимость от степени развития мнимой конвергенции.

Вместе с тем необходимо отметить, что рассуждения Гэлбрейта о перспективах развития военно-промышленного комплекса очень схематичны, над ними довлечет груз порочной концепции об особой роли военного рынка в регулировании совокупного спроса, стремление любыми средствами не ущемить интересы большого бизнеса. Он далек от понимания паразитической сущности милитаризма; его пугают лишь заведшие в тупик крайности гонки вооружений. Отсюда его твердое стремление не допустить использования высвобождающихся от уменьшения гонки вооружения средств на различные социальные цели. А почему? Ведь стимулирование экономики на базе военных расходов связано не с милитаризацией, как таковой, а с определенной государственной политикой регулирования военного производства и потребления, которая позволяет монополиям получать сверхприбыли. Но если бы государство создало подобные льготы в других отраслях потребления, например в гражданском строительстве, то регулирующее влияние государственного спроса действительно возросло бы.

Рост понимания пагубности гонки вооружения и конкретные мероприятия по разоружению лежат в разных плоскостях. И здесь во взглядах Гэлбрейта проявилась порочность общей методологии «нового индустриального общества». Он не видит революционных потенций в рабочем классе, в профсоюзах, не принимает во внимание растущего влияния мировой социалистической системы, мирового коммунистического и рабочего движения. Делая ставку только на «сословие педагогов и ученых» в их «борьбе» за внушение соответствующих представлений о мире, он обедняет движение за всеобщее и полное разоружение.

Искажение социально-экономической природы государственных финансов на основе методологии «нового индустриального общества» проявляется и в критической оценке Гэлбрейтом структуры расходов буржуазного государства, а также в его практических предложениях по совершенствованию этой структуры, развиваемых в рамках «общей теории реформ».

Как уже отмечалось ранее, Гэлбрейт признает ряд «негативных тенденций» в развитии «нового индустриального общества». К ним относятся прежде всего неравномерное развитие «планирующей» и «рыночной» систем американской экономики и вытекающая из этого неравномерность распределения доходов, недостаточная ответственность бизнеса за сохранение окружающей среды и улучшение всего комплекса «качества жизни» человека в современном буржуазном обществе. Сводя все глубинные причины этих «негативных тенденций» в конечном счете к «объективным» особенностям социального развития в условиях широкого развития «техники», «промышленного планирования» и «техноструктуры», Гэлбрейт пытается основную долю вины переложить на буржуазное государство, осуждая бюрократический стиль работы прежде всего бывшей в начале 70-х годов у власти республиканской администрации.

Гэлбрейт подвергает критике республиканское правительство за то, что оно с готовностью реагирует на нужды прежде всего ядра «индустриальной системы» (военно-промышленного комплекса), но экономит средства на помощь более слабым ее частям и еще в большей степени отраслям «рыночной системы». Менее всего при этом уделяется внимания тем общественным нуждам, которые не связаны непосредственно с экономическими интересами корпораций. Такое искажение приоритетов, заключает Гэлбрейт, представляет собой не досадную ошибку экономической системы, а «неотъемлемое свойство современной экономики»⁵⁰.

Сам по себе такой вывод Гэлбрейта, как буржуазного экономиста, является косвенным признанием противоречивости и ограниченности государственно-монополистического регулирования экономики, его классовой направленности в интересах прежде всего крупного монополистического капитала. Однако сам Гэлбрейт от такого вывода очень далек. Он умело обходит истинные причины противоречивости государственно-монополистического регулирования. Поэтому и его предложения по совершенствованию структуры государственных расходов не выходят за рамки буржуазного реформизма.

Составной частью «общей теории реформ» является идея о постепенном «освобождении» государства от излишнего влияния «планирующей системы». Одним из важных мероприятий могло бы стать, по мнению Гэлбрейта, измене-

ние порядка контроля за распределением государственных средств. В настоящее время, как он считает, «распределение финансовых ресурсов между различными службами является почти исключительно функцией правительства — государственной бюрократии»⁵¹, что отвечает потребностям «планирующей системы», а не широкой общественности. Нынешняя деятельность конгресса США по вопросам бюджета, продолжает он, имеет «чисто тактический характер». «Рассмотрение общих приоритетов в расходах, т. е. жизненно важный вопрос, успешно обходится»⁵².

Что же предлагает Гэлбрейт? Все спасение, по его мнению, в повышении роли конгресса, до которого «планирующей системе» якобы «труднее всего добраться» и который будто бы более всего открыт «для давления со стороны интересов общества». Он считает необходимым сосредоточить все стратегически важные функции конгресса в области финансов в особом «бюджетном комитете конгресса» с широкими правами и полномочиями. «Обсуждения в комитете должны включать публичные слушания», — утверждает Гэлбрейт. Общие наметки «бюджетного комитета» после их рассмотрения в палатах конгресса могли бы стать твердыми лимитами для отраслевых комитетов и подкомитетов⁵³.

И в этом предложении Гэлбрейта, как и во всей его «общей теории реформ», содержится коренная ошибка, основанная на искаженном понимании сущности современного буржуазного государства. Органы законодательной и исполнительной власти представляют собой единый механизм государственно-монополистического капитализма, призванный служить прежде всего интересам класса буржуазии. Попытка Гэлбрейта противопоставить конгресс США в качестве выразителя воли американского общества правительственной администрации как выразителю интересов «планирующей системы» (т. е. интересов монополий) является утопией буржуазного реформиста. Та борьба, которая велась между конгрессом, контролируемым демократической партией, и республиканской администрацией в начале 70-х годов, отнюдь не представляет собой борьбу между общественными интересами и нуждами «планирующей системы», как это хочет изобразить Гэлбрейт. Эта борьба отражает внутривластные страсти двух ведущих буржуазных партий по поводу тех или иных методов осуществления классового господства буржуазии. Эта борьба имеет свои границы, и она никогда не была и не будет на-

правлена на ослабление господства империалистической буржуазии.

Порочность методологии концепции «нового индустриального общества» и ограниченность буржуазного реформизма Гэлбрейта сказались не только в оценке методов распределения и использования государственных расходов, но и в анализе такого инструмента регулирования совокупного спроса, как налоги. Общая оценка американской налоговой системы как инструмента регулирования совокупного спроса дана Гэлбрейтом в книге «Новое индустриальное общество». Здесь он указывает, что только при достаточно большом уровне государственных расходов налоги на доходы корпораций и личные доходы «превосходно приспособлены для регулирования спроса»⁵⁴. Гэлбрейт утверждает, что при этом «налог на личные доходы забирает повышающуюся долю растущих доходов и, таким образом, по мере роста доходов прогрессивно ограничивает спрос». В случае снижения доходов «размеры налогов сокращаются более чем пропорционально», увеличивая расходы или покупательский спрос. Такое же воздействие на спрос, по мнению Гэлбрейта, оказывают налоги на доходы корпораций⁵⁵.

Однако действительное развитие американской экономики в конце 60-х — начале 70-х годов обнажило кризис государственно-монополистического регулирования, в том числе и налоговой политики буржуазного государства. И Гэлбрейт в книге «Экономические теории и цели общества» вынужден был изменить свою оценку роли налогов в регулировании совокупного спроса. При этом критике подвергается не классовая сущность налоговой политики, а малоэффективность использования ее правительством республиканской администрации.

В последние годы, отмечает Гэлбрейт в этой работе, налоговая политика в США все в большей мере приспособляется к интересам «планирующей системы» и «высокооплачиваемых членов технотружущих». «В результате она неуклонно становится менее прогрессивной по сфере своего охвата, менее чувствительной к росту и снижению дохода и менее эффективной для стабилизации дохода и расхода»⁵⁶.

В последнем десятилетии, продолжает Гэлбрейт, для повышения спроса упор обычно делается на сокращении налогов, а не на увеличении государственных расходов. Такое сокращение налогов, с одной стороны, в наибольшей мере

способствовало увеличению «высоких доходов технотружтуры», а следовательно, и сбережений, что не могло существенно увеличить спрос. Другие мероприятия налоговой политики республиканской администрации того времени, как, например, отмена акцизного налога на автомобили в 1971 г., по мнению Гэлбрейта, также благоприятствовали прежде всего «планирующей системе». С другой стороны, продолжает он, когда необходимо было снова ограничить или даже сократить спрос, «налоги не так легко повысить». Вместо этого обычно «призывают к экономии в государственных расходах», и прежде всего в расходах на общественные нужды⁵⁷.

Критически оценивая эти высказывания Гэлбрейта, необходимо отметить, что он явно переоценивает стабилизирующий эффект налоговой политики современного буржуазного государства, скрывает ее классовую природу и направленность за ширмой придуманного им «государства технотружтуры».

В эпоху империализма налог на личные доходы трудящихся является прямым вычетом из потребления, и поэтому уменьшение или увеличение его не может вызвать существенных изменений в совокупном потребительском спросе. Реальное увеличение совокупного спроса может быть достигнуто за счет перераспределения доходов богатых слоев американского общества в пользу трудящихся. Однако классовая направленность налоговой политики буржуазного государства препятствует этому; либеральные пожелания Гэлбрейта о необходимости подобного перераспределения по своему существу беспочвенны.

Можно согласиться с замечаниями Гэлбрейта о том, что налоговая политика современного государства не служит интересам общества, способствует усилению неравномерности развития экономики и неравенства в распределении дохода. Однако в чем истинная причина такого положения? Очевидно, не в мифической власти «технотружтуры» (за которой скрывается современная финансовая олигархия), не в политике государства как «исполнительного комитета технотружтуры» (за которым стоит империалистическое государство).

Конечно, можно говорить о том, как это делает Гэлбрейт, что в современном обществе недостаточно убеждать население посредством рекламы покупать товары «планирующей системы», необходимо также, «чтобы у населения были средства для этого»⁵⁸. Можно также сколько угодно утвер-

ждать, что расходы государства на обычное жалование или заработную плату, пенсии, пособия по безработице и т. п. идут целиком на потребление, т. е. увеличивают совокупный спрос. Можно также говорить, что усиленная помощь государства «планирующей системе» за счет бюджета или путем налоговой политики в конечном счете только увеличивает сбережения высокооплачиваемых управляющих крупных корпораций, что не способствует увеличению спроса. Все эти рассуждения не приближают к истине, если не рассматривать их классовой основы.

В эпоху государственно-монополистического капитализма главный источник налоговых поступлений составляют доходы рабочих и служащих, которые все в большей степени подвергаются «очистке» прямыми и косвенными налогами. Вместе с тем налоги на доходы богатых слоев американского общества постоянно снижаются. В общей сумме доходов США, подлежащих обложению подоходным налогом в 1968 г., заработная плата рабочих и служащих составила 81%. При этом доля подоходного налога в общей сумме налога увеличилась с 33% (1950 г.) до 43% (1969 г.)⁵⁹. За это же время максимум налогового обложения с дохода свыше 1 млн. долл. (ясно, кто может иметь такой доход) постоянно снижался — с 77% (1964 г.) до 50% (1972 г.)⁶⁰.

Эти факты показывают явную несостоятельность утверждений Гэлбрейта о том, что налоги содействуют «более равномерному распределению доходов»⁶¹. Они также показывают всю утопичность его пожеланий о том, чтобы при общем повышении личного подоходного налога желательно больший упор делать на увеличение налога с богатых членов американского общества⁶².

В своей «общей теории реформ» Гэлбрейт ратует за повышение доли налога на корпорации в общих налоговых поступлениях. Такая мера якобы способствовала бы повышению регулирующей роли налоговой политики современного государства. Однако и здесь пожелания Гэлбрейта резко расходятся с действительностью.

Основная часть сбережений капитала накапливается в крупных корпорациях. И налог на их прибыль действительно может быть использован для повышения эффективности спроса и даже для некоторого его увеличения. Все зависит от политики налогообложения и направления использования ресурсов. Однако налог на прибыли корпораций в США носит ярко выраженный классовый характер. Буржуазное государство не может пойти на максималь-

ное ограничение прибылей. Свои расходы оно старается в максимальной степени переложить на плечи трудящихся путем увеличения их налогового бремени или дефицитности бюджета. В то же время доля налога на корпорации постоянно снижается: в США удельный вес такого налога в общей сумме налоговых поступлений уменьшился с 22% (1950 г.) до 18% в 1969 г.⁶³

Но дело не только в снижении доли налога на корпорации. Возможности регулирования частных сбережений, а следовательно, и совокупного спроса со стороны государства в значительной мере снижаются за счет сокрытия части прибавочной стоимости от налогообложения. И здесь можно еще раз показать всю демагогичность рассуждения Гэлбрейта о власти мнимой «техноструктуры». Он считает, что «развитая корпорация» более приспособлена к налогу на прибыль, так как его будто бы платит «техноструктура» не из своего кармана. В таком случае чем можно объяснить использование монополиями многочисленных каналов для официального приуменьшения своей прибыли (система ускоренной амортизации, премии и бонусы для управленческой верхушки, участие в создании различных фондов и т. д.).

При помощи различных официальных налоговых льгот монополии сохраняют от налогообложения значительную часть прибыли. О неофициальных каналах можно лишь догадываться. Но судя по тем данным, которые временами просачиваются в печать, уклонение от уплаты налогов в США представляет массовое явление. Об этом можно судить по тем судебным процессам, которые время от времени проходят в Америке. В 1973 г. местное бюро министерства юстиции США обвинило в этом даже вице-президента и начало против него судебное расследование⁶⁴, которое привело к его позорной отставке с этого высокого поста.

Противопоставляя «техноструктуру» собственникам монополий, Гэлбрейт указывает, что бремя налогов перекладывается на акционеров и потребителей (если цены контролируются). Конечно, акционеры здесь ни при чем. А вот с потребителями все верно. Не контроль над ценами со стороны «техноструктуры», а монопольное их вздувание практикуется истинными владельцами корпораций, с тем чтобы в значительной мере компенсировать в монопольной цене налог на прибыль. Таким образом, налог на прибыль корпораций как бы стимулирует повышение монопольных цен, инфляцию, рост неустойчивости капиталистической

экономики. Словом, все обстоит иначе по сравнению с утверждениями Гэлбрейта.

Очередным шагом «в общей теории реформ» Гэлбрейта на пути от государственного регулирования, служащего интересам «планирующей системы», к регулированию в «интересах общества» явилось бы, по его мнению, изменение существующего порядка распределения доходов от налогов между федеральными, штатными и местными органами власти. Он считает, что нынешний порядок служит прежде всего благополучию «планирующей системы», а не обществу.

Раскрывая эту мысль, Гэлбрейт утверждает, что в настоящее время услуги, оказываемые федеральным правительством мощным частям «планирующей системы», обеспечиваются налогами, которые увеличиваются даже в большей мере, чем экономический рост и доходы. Услуги, которые осуществляют штаты и местные органы, опираются на такие налоги, которые в меньшей степени связаны с изменением общественных нужд. В этом он видит одну из основных причин так называемой проблемы «больших городов», с которой столкнулось американское общество в начале 70-х годов⁶⁵.

Гэлбрейт предлагает два возможных пути решения этой проблемы. Первый заключается в передаче ряда общественных функций от штатов и городов федеральному правительству с его устойчивыми источниками финансирования. А второй путь мог бы состоять в распределении некоторой части федеральных доходов между штатами и городами⁶⁶.

Исходной основой для подобных предложений является сама капиталистическая действительность, реальная угроза, которая нависла над большими городами США, особенно в начале 70-х годов. Примером этому является опасность финансового банкротства Нью-Йорка, которая обозначилась над этой цитаделью капитализма в конце 1975 г. Однако дело не в констатации факта, а в объяснении причин явления. И здесь метод Гэлбрейта оказывается таким же несостоятельным, как и критикуемая им традиционная буржуазная экономическая теория.

Основная причина кризиса американских больших городов не только в несовершенстве налоговой политики государства. Сама эта политика является отражением противоречивости и ограниченности государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики.

И никакое совершенствование налоговой политики или ее реформа не в состоянии искоренить основной причины — изживших себя капиталистических производственных отношений. Банкротство больших городов Америки представляет собой символ банкротства всей буржуазной системы, системы эксплуатации и наживы.

Таким образом, критический разбор взглядов Гэлбрейта на природу и механизм регулирования совокупного спроса показывает, что в основе этих взглядов лежит старая кейнсианская идея о решающей роли сферы распределения, спроса в стабилизации капиталистического воспроизводства. Вместе с тем концепция Гэлбрейта, несмотря на искажение действительности, позволяет несколько ближе, чем ортодоксальная кейнсианская доктрина, подойти к характеристике особенностей государственно-монополистического регулирования современной американской экономики. Критически оценивая ряд недостатков существующей практики регулирования спроса, Гэлбрейт вместе с этим довольно умело обходит истинные причины противоречивости и ограниченности государственно-монополистического регулирования, манипулируя категориями «техноструктуры», «промышленного планирования», государства как «исполнительного комитета техноструктуры». Искажение действительной природы регулирования совокупного спроса привело Гэлбрейта к явно утопической характеристике как основных инструментов этого регулирования (государственных расходов и налоговой системы), так и методов их использования.

3. «Новые» рецепты избавления капитализма от безработицы

Регулирование совокупного спроса, отмечает Гэлбрейт, само по себе не может полностью решить проблему безработицы и инфляции в так называемом «новом индустриальном обществе». Оно должно быть дополнено рядом других мероприятий государства, вытекающих из особенностей занятости и безработицы в «индустриальной системе». К таким мероприятиям он относит прежде всего политику государства в области образования и подготовки рабочих кадров.

Другими словами, Гэлбрейт пытается доказать, что наряду с недостаточным спросом одной из главных причин безработицы в «новом индустриальном обществе» является

отставание системы образования в результате слишком быстрого развития «техники» и потребностей в грамотных и квалифицированных кадрах. Он считает, что современный капитализм способен путем «рациональной» системы образования ликвидировать безработицу и расовую дискриминацию, предотвратить острые социальные конфликты буржуазного общества.

Интерес Гэлбрейта к проблемам образования не случаен. В условиях научно-технической революции экономические и социальные последствия вмешательства буржуазного государства в процесс подготовки рабочей силы приобретают все большее значение. Превращение образования в важный фактор экономической жизни капиталистического общества является основной причиной такого пристального внимания к нему со стороны Гэлбрейта.

Социальные формы образования при капитализме, углубление взаимосвязи образования и экономики испытывают на себе влияние не только современных производительных сил, но всего комплекса буржуазных производственных отношений. Гэлбрейт, отбрасывая анализ последних, пытается связать напрямую развитие образования с «техникой» и другими категориями концепции «нового индустриального общества». В результате искажается социально-экономическое содержание образования, появляется возможность использовать это искажение в целях маскировки наиболее глубоких противоречий современного капитализма.

С одной стороны, Гэлбрейт подчеркивает несостоятельность ортодоксальной кейнсианской доктрины, рекомендующей путем регулирования совокупного спроса стремиться к полной занятости при устойчивых ценах. «Самая старая цель кредитно-денежной и финансовой политики... — заявляет он, — это полная занятость при достаточно стабильных ценах. Мы должны теперь покинуть эту древнюю интеллектуальную гавань, поистине ничто в жизни не вечно»⁶⁷.

Гэлбрейт свою точку зрения поясняет следующим образом. «Индустриальная система» предъявляет возрастающую потребность не просто в квалифицированной, но и в достаточной степени образованной рабочей силе. Кроме того, «техноструктура» стремится к замене производственных рабочих якобы не столько из-за снижения издержек, сколько с целью уменьшения неопределенности рынка труда, которая якобы всегда имеется из-за наличия у проф-

союза стремления повысить ставки заработной платы. Поэтому, замечает Гэлбрейт, в «индустриальной системе» всегда будет тенденция к относительно снижению спроса на производственных рабочих⁶⁸.

С другой стороны, продолжает Гэлбрейт, государственное регулирование спроса, рассчитанное на обеспечение полной занятости, наталкивается на «всевозрастающее сопротивление» в лице тех недостаточно образованных рабочих, которые вообще непригодны для работы в «индустриальной системе». «Наряду с существованием этого твердого ядра безработицы растет число вакантных мест для высококвалифицированных рабочих и улучшается положение тех, кто работает»⁶⁹. Другими словами, замечает Гэлбрейт, только при очень высоком уровне совокупного спроса может быть предоставлена работа людям с наименьшим образованием. Но в этом случае «ставки заработной платы и цены подталкивают друг друга вверх в поступательной спирали»⁷⁰, т. е. усиливается опасность инфляции.

Развивая свой взгляд на проблему безработицы, Гэлбрейт утверждает, что в «новом индустриальном обществе» «повсеместная занятость для всех рабочих не может быть мерой успехов». «Критерием политики в отношении планирующей системы является уровень выпуска по сравнению с количеством имеющихся квалифицированных рабочих. Для рыночной системы критерием служит динамика цен»⁷¹. Иначе говоря, избыток или нехватка квалифицированных рабочих в «планирующей системе» наряду с падающими (и даже стабильными) или упорно растущими ценами в «рыночной системе» являются указателями недостаточности или чрезмерности совокупного спроса⁷². Но «при любом данном уровне спроса безработица будет меньше в условиях более высокого культурного уровня, соответствующего нуждам индустриальной системы».

Таким образом, заключает Гэлбрейт, «современная безработица носит не только агрегативный (в том смысле, что она является результатом недостаточного спроса) и структурный характер: она объясняется также уровнем культурного развития населения»⁷³. «Индустриальная система» требует приспособления рабочей силы к ее нуждам. Если это приспособление несовершенно, заявляет Гэлбрейт, то возникает недостаток квалифицированных рабочих наряду с существованием безработицы.

Можно согласиться с утверждением Гэлбрейта о том, что при лучшем приспособлении системы образования

и переподготовки рабочей силы к нуждам «индустриальной системы» уменьшится число свободных вакансий. Однако такое приспособление вряд ли возможно успешно осуществить в условиях капитализма. Новые требования к рабочей силе, порожденные научно-технической революцией, наталкиваются на непреодолимые препятствия, порождаемые капиталистическими производственными отношениями. Эту трудность чувствует буржуазный экономист. Однако в своей трактовке причин отставания системы образования в США вольно или невольно он сводит всю проблему только к следствиям технического прогресса. Рассмотрим это подробнее.

Свою трактовку социальной роли образования Гэлбрейт начинает поверхностным анализом некоторых недостатков общешкольного образования в США. Основные причины этих недостатков аргументированы таким образом, чтобы впоследствии можно было бы сделать вывод об их преодолении в процессе автоматической «трансформации» американского капитализма в так называемое «новое индустриальное общество».

Основной недостаток общеобразовательной подготовки в современный период Гэлбрейт усматривает в несоответствии между ростом потребностей «индустриальной системы» в рабочей силе и уровнем образования, в замедленной реакции системы образования на происходящие в ядре экономики США изменения. В то время как «индустриальная система» предъявляет все меньший спрос на труд, легко поддающийся механизации и не требующий высокого уровня образования, утверждает Гэлбрейт, школьная система с замедлением ориентируется на изменение структуры занятости. Он признает, что особенно отстает школьная система в старых промышленных районах, а за пределами «индустриальной системы» — в сельских районах юга США⁷⁴.

Согласно концепции «нового индустриального общества», на ранних стадиях индустриализации американская система образования якобы полностью соответствовала требованиям воспроизводства рабочей силы. В прошлом американское население в массе своей получало начальное образование, требовавшее минимальных расходов. Высокое образование стоило дорого, а потребность в нем была меньше. Поэтому его получало меньшинство населения. В настоящее время, продолжает Гэлбрейт, высокое образование требуется для самой широкой массы рабочей силы.

Почему же система образования в США отстает от этих

требований? Может быть, капиталистические производственные отношения препятствуют этому? Буржуазный идеолог уводит поиск причин из области объективных факторов в сферу психологии «нового индустриального общества»: Оказывается, все дело в недостаточно быстрой перестройке «социальных установок» и замедленной реакции американского общества на происходящие изменения.

Согласно так называемому «принципу совместимости», сформулированному Гэлбрейтом в книге «Новое индустриальное общество»⁷⁵, все основные общественные цели — это всего лишь цели «индустриальной системы». Поэтому как только «развитая корпорация» (а точнее, крупная монополия) признает свою зависимость от государства в отношении такого фактора производства, как знания, как только общественные цели образования станут и целями «техноструктуры», все якобы стабилизируется, с надеждой утверждает буржуазный идеолог. Другими словами, в ядре экономики США (в «индустриальной системе») якобы автоматически создаются условия для «рационализации» системы общего образования.

Если для «развитой корпорации» и «техноструктуры» якобы нет основания сопротивляться мероприятиям государства в области образования, продолжает анализ Гэлбрейт, то так называемая «предпринимательская корпорация», находящаяся вне «индустриальной системы», состоит будто бы в принципиальном противоречии с деятельностью правительства в области расширения образования. Именно мир индивидуальных предпринимателей особенно яростно противится расширению такой политики государства. И в этом, по мнению Гэлбрейта, одна из главных причин запаздывания реакции общества на новые требования научно-технической революции в области образования⁷⁶.

Подобный взгляд на капиталистическую систему образования является искажением реальной действительности, апологетикой антиобщественной сущности власти монополий. В действительности причины отставания общеобразовательной подготовки уходят своими корнями в глубь основного противоречия капитализма. Зарождаясь в его недрах, болезни в системе образования в свою очередь обостряют и другие формы проявления основного противоречия капитализма.

Система образования США развивается под тяжким бременем нерешенных проблем, в которых отражается противоречивость самого капиталистического общества. Расту-

ная в современный период активность государства в сфере образования, как и другие направления государственного регулирования, объективно ограничена определенными рамками и не способна устранить коренные противоречия капиталистической системы образования.

При капитализме характер образовательной подготовки рабочей силы подчинен прежде всего интересам производства прибавочной стоимости. Монополистический капитал стремится всеми силами взвалить на плечи государства постоянно увеличивающиеся расходы на образование и подготовку рабочей силы. Весь процесс обобществления воспроизводства рабочей силы подчинен целям монополий, что находит отражение в ограниченности правительственных мероприятий в этой области. Еще Ф. Энгельс указывал на эту особенность системы образования в условиях капитализма. «Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам»⁷⁷.

В целях апологетики крупнейших монополий можно, конечно, все реакционные тенденции взвалить на индивидуальных капиталистов-предпринимателей. Можно признать, что новые требования к образованию, его развитию и темпам «находятся в противоречии с социальными установками предпринимателей». Это они якобы отказывают государству в праве вмешиваться в экономическую жизнь. Что касается «развитой корпорации», то она должна «признать свою зависимость от государства в отношении фактора производства, более важного для ее успеха, чем капитал»⁷⁸. Должна признать — это пожелание, а в действительности признает ли? Да и вообще, кто от кого зависит: государство от крупнейших корпораций или наоборот.

Корпорации, разумеется, заинтересованы в том, чтобы иметь необходимую по квалификации рабочую силу. Но кто ее будет готовить и за чей счет? Государство за счет налогов на корпорации? Понятно, что крупнейшие корпорации («индустриальная система») — истинные хозяева экономики и буржуазного государства — хотели бы, чтобы этот процесс общего образования и специальной подготовки осуществлялся за счет самих трудящихся. Но это снижает жизненный уровень работников материального производства, а следовательно, и величину совокупного спроса. В свою очередь уменьшение доходов населения, их покупа-

тельной способности рано или поздно приведет к снижению стимула для расширения капиталовложений, замедлению роста производства и массы прибыли.

На пути расширения общего образования, таким образом, встают острее социальные проблемы капитализма, а не психология общественного мнения, как это пытается доказать буржуазный экономист. Американская действительность не оправдывает прогнозов Гэлбрейта на автоматическое преодоление отставания системы образования по мере развития «индустриальной системы» в ходе научно-технической революции. Для американской общеобразовательной школы в настоящее время характерны социальное и классовое неравенство, расовая дискриминация, растущая стоимость обучения, резкие контрасты в качестве общеобразовательной подготовки.

Несмотря на заметное увеличение государственных расходов на образование, американский капитализм оставляет неизменным классовый подход к образованию. Он проявляется, в частности, и в методах финансирования. Особенностью системы образования США является то, что финансирование затрат производится в основном за счет местных и штатных бюджетов. Это ведет к резким контрастам в возможностях учебных заведений. Например, в 1970 г. средние расходы на одного американского ученика составили 783 долл., в то время как в штате Нью-Йорк эти расходы были 1237 долл., а в штате Алабама — 438 долл. В 1976 г. при абсолютном росте этих расходов дифференциация между ними еще более увеличилась. В 1976 г. расходы соответственно были: 1388 долл., 2179 долл., 1090 долл.⁷⁹ Такой порядок финансирования школ ведет к тому, что возможности образования населения ставятся в зависимость от уровня их доходов. В этом и проявляется классовый характер образования в капиталистическом обществе.

Важным направлением воздействия государственно-монополистического капитализма на систему образования становится воспитание школьников. Гэлбрейт пытается уменьшить пагубное влияние монополистического капитала в этой области обучения. Он утверждает, что среднее и начальное образование в меньшей степени приспособилось к нуждам и взглядам «индустриальной системы», что выпускники средней школы сравнительно более свободны от влияния «индустриальной системы». Однако эти утверждения далеко не соответствуют действительности.

Классовая направленность воспитания американских учащихся проявляется во всех сферах школьной жизни. Показательным в этом отношении является обязательное введение в практику преподавания специального учебного курса антикоммунизма. В принятом в штате Алабама в 1963 г. законе об изучении курса антикоммунизма говорится: «В процессе преподавания должно быть обращено особое внимание на опасность со стороны коммунизма, пути борьбы с коммунизмом, на зло коммунизма, заблуждения коммунизма, на фальшивые доктрины коммунизма»⁸⁰.

Принятый в штате Миссисипи закон предупреждает, что никто не получит свидетельства об окончании любой государственной средней школы штата без изучения специального курса, раскрывающего природу коммунизма и ту угрозу, которую он представляет⁸¹.

Таким образом, основной причиной отставания обще-школьной подготовки в США является не мифическое «приспособление» к новым социальным установкам общества, а классовый характер образования при капитализме. На всех этапах развития капитализма отставание заработной платы от стоимости рабочей силы сковывало возможности для широкого распространения образования среди бедных и даже средних слоев американского населения. В настоящее время монополистический капитал вынужден пойти на расширение системы общешкольного образования. Вместе с тем это расширение не соответствует тем потребностям, которые предъявляют современные производительные силы к характеру воспроизводства рабочей силы.

Однако анализ недостатков школьного образования интересует буржуазного идеолога не сам по себе, а в связи с такими болезненными явлениями капитализма, как безработица, расовые конфликты, наличие бедствующих районов и т. п. При этом повышение общеобразовательного уровня рабочей силы, «рационализация» системы образования возводятся им в ранг «нового» универсального средства для лечения коренных пороков буржуазного общества в условиях научно-технической революции. При этом получается весьма интересная картина.

Для нынешнего состояния американского рынка труда характерна ситуация, когда рядом с безработицей существуют многочисленные вакантные места для лиц с высокой квалификацией. Такое положение, по мнению Гэлбрейта, может быть объяснено только запаздывающей реакцией системы образования на нужды «индустриальной си-

стемы». Поясняя свою мысль, он проводит аналогию рынка труда и... рынка металлов?! В условиях научно-технической революции, утверждает Гэлбрейт, избыток валового производства стали может сосуществовать одновременно с острой нехваткой ее отдельных сортов. Якобы то же самое относится и к рынку труда. Общие данные о безработице, утверждает буржуазный экономист, уже ничего не говорят о глубине противоречий капитализма, так как рядом существует потребность в заполнении вакантных мест⁸². Другими словами, в условиях научно-технической революции характер безработицы меняется якобы так, что она уже не является показателем неэффективности экономического механизма капитализма (капиталистических производственных отношений), а свидетельствует лишь о некоторых недостатках в надстроечной сфере.

Свои теоретические выводы Гэлбрейт пытается привести в соответствие с тенденциозно подобранными фактами американской действительности. Более высокий уровень безработицы среди лиц с низким образованием, и в особенности среди негров и представителей других национальных меньшинств в США, Гэлбрейт пытается выдать за доказательство того, что причиной безработицы является низкое образование этой части рабочей силы. Более высокий уровень образования, по мнению Гэлбрейта, создаст лучшие условия и для мобильности рабочей силы в перемене профессии и места жительства, что будет способствовать уменьшению безработных с высокой квалификацией⁸³. Но дело в том и состоит, что капитализм не может решить задачу создания этого более высокого уровня образования.

Своеобразным обобщением анализа взаимосвязи образования и безработицы является «фундаментальный» вывод Гэлбрейта о «новом» классовом противоречии в современном «индустриальном обществе». С развитием научно-технической революции, заявляет Гэлбрейт, противоречие между трудом и капиталом исчезает, так как экономические факторы уже не являются почвой для социального конфликта между бедными и богатыми. В настоящее время людей разделяет якобы только образование. Преимущества в образовании (как раньше преимущества во владении капиталом) служат основой оставшихся социальных конфликтов. Именно малограмотные «глупцы», а не «трудящийся пролетариат» отвечают возмущением и насилием, защищая свои права в обществе. «Именно в этом отражается суще-

ственное классовое разделение нашего времени», — заключает буржуазный идеолог⁸⁴.

Таким образом, по мнению Гэлбрейта, современная безработица объясняется не столько недостаточным спросом или структурными причинами, сколько уровнем культурного развития населения⁸⁵. При любом данном уровне спроса безработица будет меньше, если повышается уровень образования. Рост образования, по Гэлбрейту, якобы приведет к сглаживанию социальных конфликтов «нового индустриального общества», уменьшит количество неграмотных людей, которые вообще не могут получить работу, улучшит положение с заполнением вакантных мест, требующих высокой квалификации, повысит профессиональную и территориальную мобильность рабочей силы.

Коренная ошибка Гэлбрейта состоит в извращении сущности и основных причин безработицы при капитализме. К. Маркс, вскрывая истинную сущность этого явления, показал, что безработица есть продукт и необходимое условие капиталистического накопления. Пока действуют законы капитализма, безработица является неизбежным спутником этого строя на всех этапах его развития. Масштабы безработицы определяются общим объемом капиталистического накопления, изменением органического строения капитала. Вместе с этим в каждый данный момент конкретные размеры безработицы зависят от многих факторов, среди которых важную роль играет циклическое развитие капиталистической экономики.

В настоящее время на размеры безработицы и ее структуру сильное влияние оказывают научно-техническая революция и ее последствия, на чем и сосредоточил свое основное внимание Гэлбрейт.

В современный период в США накопление капитала и рост производства происходят в условиях быстрого роста производительности труда, автоматизации и рационализации производства. В условиях изменяющейся отраслевой профессиональной и квалификационной структуры рабочей силы вполне понятно, что среди безработных в первую очередь оказываются люди с низким образованием. Однако не уровень образования сам по себе является причиной безработицы, как это пытается представить Гэлбрейт. И в условиях более высокого общего уровня образования армия безработных будет определяться прежде всего законами капиталистического накопления. Вся разница будет в том, что средний уровень образования среди безработных будет воз-

растать. Ведь капитализм всегда заинтересован в сохранении безработицы на определенном социально неопасном уровне, который обеспечивал бы ему возможность нажима на рабочий класс и способствовал постоянному отставанию заработной платы от стоимости рабочей силы.

Противоречия и недостатки капиталистической системы образования способствуют еще большему обострению основного противоречия капитализма. Проводимые буржуазным государством мероприятия по приспособлению рабочей силы к новым требованиям лишь в незначительной степени сглаживают эти противоречия, но не устраняют и не могут устранить основных причин безработицы. Именно об этом свидетельствуют приводимые Гэлбрейтом выводы о несоответствии между наличием безработных и нехваткой рабочих мест в некоторых отраслях американской промышленности.

Неверная оценка Гэлбрейтом социальной роли образования наглядно видна в его трактовке причин более высокого уровня безработицы среди небелой рабочей силы в США. Относительно высокий удельный вес негров и других национальных меньшинств в общем составе американских безработных объясняется буржуазным идеологом только их более низким образованием. В действительности же их низкое образование является следствием расовой дискриминации при империализме, экономического неравенства и политического угнетения.

Национальные меньшинства США находятся в относительно худшем положении по оплате их труда, чем белое население. Вот некоторые факты. В 1971 г. заработная плата негра составляла 60% заработка белого работника. К категории бедняков относятся 34,5% всех небелых семей, детская смертность негров в 3 раза выше, чем среди белого населения, негритянская молодежь имеет вдвое меньше шансов попасть в колледж⁸⁶.

Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл приводит следующие доказательства расового угнетения в области оплаты труда: средний годовой доход каждой из 6 млн. семей рабочих-негров на 3465 долл. меньше среднего дохода семьи белого рабочего. За счет этого американские монополии получают в год дополнительно 21 млрд. долл. прибыли. А с учетом недоплаты рабочим других национальных меньшинств эта сумма возрастает до 28 млрд. долл. в год. Кроме того, дискриминация в оплате труда цветной рабочей силы служит важным фактором для

сдерживания заработной платы (а следовательно, и для получения сверхприбыли) белых рабочих⁸⁷.

В идеологии расизма, в политике «белого шовинизма» заключается основная причина того, что в США негры и другие национальные меньшинства имеют более низкий образовательный уровень и больше других страдают от безработицы. Буржуазный экономист, наоборот, причины более высокого уровня безработицы сводит к неблагоприятным условиям обучения этой категории американских трудящихся, а не к дискриминации, как таковой.

Гэлбрейт в причины безработицы зачисляет и некоторые конъюнктурные процессы, но отнюдь не коренные пороки капиталистической системы. Он говорит о структурных изменениях в американской промышленности, о сокращении добычи угля и упадке промышленности в отдельных экономических районах США. И снова безработица связывается с неудовлетворительной системой образования, обслуживающей индустрию этих районов. И ни слова о том, что такое положение неразрывно связано с изменением органического строения капитала, с тем, что в современных условиях капиталистического накопления относительный излишек рабочей силы закрепляется и становится хронической безработицей.

Таким образом, постановка Гэлбрейтом проблемы безработицы и его выводы по этому поводу не раскрывают острейших противоречий капиталистической системы хозяйства. Что касается «нового» классового противоречия американского буржуазного общества между менее и более образованными людьми, выдвинутого Гэлбрейтом, то оно прежде всего в искаженном виде отражает противоречивость системы образования в условиях государственно-монополистического капитализма, ее несоответствие объективному требованию обобществления всех элементов воспроизводства, в том числе и воспроизводства рабочей силы. Это противоречие не может быть основным; оно само представляет форму проявления общего противоречия капитализма между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения результатов труда.

4. Идеализация контроля над заработной платой и ценами

Завершающим звеном управления совокупным спросом в «новом индустриальном обществе» Гэлбрейта является необходимость регулирования заработной платы и цен, на которое возлагается задача предотвращения инфляции. Признавая тенденцию к инфляции как внутренне присущее современной индустриальной экономике свойство, показывая несостоятельность теоретического объяснения инфляции традиционной буржуазной экономической теорией, Гэлбрейт пытается с новых методологических позиций обосновать причины инфляции и возможность стабилизации капиталистической экономики, выработать новые рецепты государственно-монополистического регулирования. И хотя его взгляды на природу инфляции и государственную политику контроля над заработной платой и ценами несколько менее неправдоподобны, чем догмы «неоклассической модели», по своей сущности они представляют новую апологетику государственно-монополистического регулирования, прикрытую буржуазно-реформистской заботой о том, чтобы «улучшенный» капитализм был более приемлем для широких масс.

Гэлбрейт считает, что в оценке природы инфляции необходимо исходить прежде всего из деления экономики «нового индустриального общества» на «планирующую» и «рыночную» системы, из требований «промышленного планирования» и «новой» структуры занятости и безработицы. Только методология концепции «нового индустриального общества», утверждает он, позволяет наиболее полно объяснить причины спирали заработной платы — цены и обосновать необходимость постоянного ее государственного регулирования.

В условиях индустриального общества (социалистического или несоциалистического), замечает Гэлбрейт, внутренняя причина инфляции (как и безработицы) и необходимость государственного контроля за ценами и ставками заработной платы заложены в самом механизме «промышленного планирования», который вызван к жизни техническим прогрессом. По его мнению, такой важный элемент «промышленного планирования», как регулирование государством совокупного спроса в целях достижения полной занятости, вызывает к жизни тенденции к неустойчивости цен и ставок заработной платы. При любом достаточно вы-

соком уровне спроса цены и ставки заработной платы в «индустриальной системе» неизбежно становятся неустойчивыми и подталкивают друг друга вверх по спирали, которая якобы является «функциональной противоположностью безработицы»⁸⁸. Недостаточный спрос ведет к увеличению безработицы, а чрезмерный спрос (или даже просто достаточный) к спиралеобразному росту цен и заработной платы. Другими словами, «если осуществляется регулирование спроса в целях обеспечения полной занятости и не предпринимаются иные меры, спираль повышений ставок заработной платы и цен становится неотъемлемой чертой индустриальной системы»⁸⁹. Поэтому, заявляет Гэлбрейт, единственной альтернативой неустойчивости «индустриальной системы» в условиях, близких к полной занятости, является введение государственного контроля над заработной платой и ценами.

По внешней форме это равносильно признанию, что инфляция (как и безработица) – неизбежный спутник современного американского общества даже в относительно благоприятных условиях развития экономики. Однако, делая такое признание, Гэлбрейт уводит поиск причин этих процессов из сферы капиталистических производственных отношений. Формально признавая, что «в условиях индустриальной системы как высокий спрос, так и давление издержек являются факторами неустойчивости цен на уровне или вблизи уровня полной занятости»⁹⁰, он считает, что основной причиной роста цен в «индустриальной системе» является увеличение издержек производства, и прежде всего заработной платы. Что касается «рыночной системы», то там, по его мнению, давление заработной платы не имеет большого значения. Здесь «цены растут прежде всего, когда возрастает спрос»⁹¹.

Причину роста цен в «индустриальной системе», по мнению Гэлбрейта, надо искать прежде всего в «новой» структуре безработицы и в характере отношений профсоюзов и «техноструктур» крупных корпораций. Он утверждает, что отставание системы образования обуславливает наличие твердого ядра безработных, непригодных для «индустриальной системы». Только при очень высоком спросе часть из них может рассчитывать на получение работы. Именно этим якобы и пользуются профсоюзы, выдвигая предложения о пересмотре коллективных договоров и угрожая забастовкой. В условиях высокого спроса, продолжает Гэлбрейт, «техноструктура» сочтет разумным со-

гласиться с требованием повышения заработной платы, перекладывая это повышение издержек на общество путем увеличения цен.

С усилением роли крупных корпораций в американской экономике вероятность возникновения спирали заработная плата — цены, по мнению Гэлбрейта, значительно возрастает. Дело в том, поясняет он, что функционирование мелкой фирмы, действующей в условиях рынка, якобы включает в себя стихийный механизм ограничения роста заработной платы. Стремление такой фирмы к максимальной прибыли определяет и соответствующий уровень цен, который уже очень трудно повысить. В условиях рынка трудно переложить рост заработной платы на потребителя: ее повышение уменьшает прибыль предпринимателя, который своим сопротивлением и создает своеобразный предел роста заработной платы⁹².

В условиях деятельности «развитой корпорации», продолжает свои рассуждения Гэлбрейт, такого сопротивления уже нет, так как ее целью является будто бы не максимизация прибыли, а «безопасность технoструктуры» и экономический рост фирмы. Корпорация легко идет на повышение цен, при котором решение об увеличении заработной платы не затрагивает собственные доходы «технoструктуры». Поэтому, утверждает Гэлбрейт, никто не оспаривает, что современная крупная фирма имеет возможность компенсировать повышение заработной платы путем повышения цен⁹³.

Таким образом, по Гэлбрейту, получается, что механизм «промышленного планирования» корпорации — это гарантия только от снижения цен. Он не защищает корпорации от роста цен, вызванного якобы «уступками» корпораций требованиям профсоюзов о повышении заработной платы. Отдельная корпорация будто бы не располагает средствами борьбы с профсоюзами, тем более что повышение цен хотя и мешает «планированию», но менее губительно для него, чем их снижение. Говоря точнее, словами Гэлбрейта, «инфляция является результатом власти корпораций и профсоюзов и отсутствия эффективных мер контроля»⁹⁴. Остается будто бы только один выход — прибегнуть к государству, которое «системой поддержания максимальных цен» должно завершить здание промышленного «планирования индустриальной системы»⁹⁵.

Несостоятельность теоретических рассуждений Гэлбрейта о природе инфляции проявляется в том, что он необоснованно отождествляет ее с повышением товарных цен

вообще. На самом деле в условиях современного государственно-монополистического капитализма в росте цен отражаются процессы, связанные не только с товарно-денежным обращением, но и с другими сферами хозяйственной жизни, и прежде всего с монопольным вздуванием цен в условиях милитаризации экономики. Гэлбрейт стремится затушевать действительный классовый смысл инфляции и взвалить всю ответственность за ее последствия на трудящиеся массы и профсоюзы.

Классовая направленность поиска основных причин инфляции проявляется в том, что Гэлбрейт из всех издержек производства выделяет только затраты на заработную плату и рассматривает повышение оплаты труда как основу роста цен и дальнейших требований профсоюзов о повышении заработной платы. Однако такая трактовка инфляции ничего общего с научным анализом не имеет. Как известно, изменение заработной платы при капитализме (переменной части капитала), вызывая изменение издержек производства, не сказывается на общей величине стоимости товара. Поэтому увеличение оплаты труда не может быть причиной роста товарных цен, оно ведет лишь к перераспределению новой стоимости между капиталистами и рабочими.

Гэлбрейт всячески защищает монопольный характер вздувания цен. При этом он впадает в противоречие с самим собой. Согласно его концепции, «развитая корпорация» не преследует цели получения максимальной прибыли, как это характерно было для так называемой «предпринимательской корпорации». Спрашивается, почему же тогда «развитая корпорация» стремится к постоянному увеличению цен? Ведь в гл. X «Общепризнанное противоречие» Гэлбрейт утверждал, что цели «техноструктуры» не ограничиваются максимизацией прибыли⁹⁶.

Оказывается, дело в том, что «техноструктура» повышает цены для сохранения «устойчивого контроля» и обеспечения «большей определенности» в перспективе, для ликвидации угрозы ее безопасности, которая якобы возникает в случае забастовки. Об одном только умалчивает Гэлбрейт: почему «техноструктура» не использует прибыль для покрытия дополнительных расходов на оплату труда и обеспечения устойчивости экономики. Почему буржуазное государство должно идти на такой шаг, как контроль за ценами, рост которых вызывается «благими намерениями» корпораций? Здесь буржуазный экономист использует все возможности, чтобы обойти эти вопросы.

В настоящее время в экономике США постоянным явлением стал одновременный рост инфляции и безработицы. И дело тут совсем не в том, что инфляция, по мысли Гэлбрейта, становится необходимой «платой» за политику сокращения безработицы в условиях современной научно-технической революции.

Искажение Гэлбрейтом реальной действительности проявляется и в его попытке представить дело так, что внутри «индустриальной системы» все получатели доходов якобы автоматически защищены от потери реального дохода в результате инфляции⁹⁷. Однако это справедливо только в отношении собственников капитала, истинных хозяев корпораций. Именно в интересах сохранения и приумножения прибылей повышаются цены. Что касается наемной рабочей силы, то здесь каждое увеличение заработной платы связано с ожесточенным сопротивлением буржуазии, с накалом классовой борьбы пролетариата. И все же, несмотря на некоторые успехи классовой борьбы, увеличение заработной платы не может угнаться за темпами роста цен.

Все теоретические рассуждения Гэлбрейта о причинах инфляции в «новом индустриальном обществе» призваны создать иллюзию возможности эффективного воздействия государственного регулирования на спираль заработная плата — цены. При этом он ссылается на уже имеющийся опыт контроля в период второй мировой войны и войны в Корее⁹⁸. О чем же в действительности свидетельствует этот опыт?

Рассматривая контроль над заработной платой и ценами во время второй мировой войны и войны в Корее, Гэлбрейт признает, что в последующем этот опыт не оказал значительного влияния на экономическую политику американского государства в мирное время. Разумеется, война и мирное время — ситуации далеко не одинаковые. Война неизбежно привносит в экономику элементы принудительного регулирования. То, что вполне приемлемо для военного времени, вряд ли можно безоговорочно рекомендовать и для мирного времени. Гэлбрейт считает, что подобные рассуждения представляют предубеждение против контроля вообще.

В действительности дело обстоит несколько иначе. Частнокапиталистические предприниматели по самой своей природе неприемлют вмешательство в их дела, всякую попытку уменьшить их прибыль, в том числе и со стороны государства. Существо вопроса здесь не в каком-то мисти-

ческом понятии «рыночной свободы», а в сравнительно низкой еще степени концентрации капиталистического производства, степени его обобществления. Чем выше уровень развития этих экономических процессов, тем сильнее основы для их контроля и регулирования в интересах обогащения и развития государственно-монополистического капитала. Непосредственно частнокапиталистическая собственность не приемлет контроль, а коллективная капиталистическая собственность (акционерный капитал) в определенной мере его уже предполагает, но также в интересах капитала, теперь уже не индивидуального, а государственно-монополистического.

В середине 50-х годов инфляция в США стала постоянным спутником капитализма. И буржуазная политическая экономия вынуждена была пересмотреть старые кейнсианские идеи о положительном влиянии «умеренной инфляции» на экономику. Отмечая силу традиционной предубежденности против мер контроля среди предпринимателей и профессиональных экономистов, Гэлбрейт пытается представить это как результат тоски по свободной рыночной экономике, подогреваемой устаревшими концепциями экономической теории. Он стремится создать видимость, что государственный контроль над заработной платой и ценами выгоден и предпринимателям, и профсоюзам. Для этого мобилизуются основные категории концепции «новое индустриальное общество»: «планирование» и «техноструктура».

С некоторым наигранным удивлением Гэлбрейт восклицает, что, «как это ни парадоксально, все, связанные с индустриальной системой, также значительно выигрывают от ограничений, касающихся цен и заработной платы»⁹⁹. Но во-первых, тут нечему удивляться, так как ограничения эти в общем-то организуются с пользой для крупнейших корпораций. Во-вторых, не все стороны «индустриальной системы» заинтересованы в государственном регулировании. Опыт совершенно ясно говорит о том, что ограничение роста заработной платы контролируется с гораздо большим пристрастием, нежели цены. Буржуазное государство нередко само в довольно широких масштабах использует инфляцию, помогая корпорациям обогащаться и вместе с тем решая свои классовые задачи с позиций государственно-монополистического капитала и в его интересах.

Гэлбрейт утверждает, что «развитая корпорация» будто бы имеет все основания избежать попеременного повыше-

ния цен и зарплаты, т. е. действия так называемой спирали заработной платы — цены. А чего им, собственно говоря, бояться? Если цены растут быстрее заработной платы, то корпорации никогда в накладе не останутся. Поэтому безоговорочное утверждение о том, что корпорации заинтересованы в ограничении цен, нельзя признать в достаточной мере обоснованным.

Можно, конечно, сказать, что профсоюзы, действуя в интересах трудящихся и выступая за ограничение роста цен, односторонне оценивают сложный экономический процесс. Но во-первых, ограничение цен это еще не полная приостановка их роста. Во-вторых, профсоюзы и при ограничении цен имеют основание вести борьбу за повышение заработной платы, так как в условиях научно-технической революции быстро растет производительность труда и повышается степень эксплуатации рабочих. Наконец, государственный контроль над ценами и зарплатой при капитализме не носит директивного, обязательного характера. И потому более сильная в экономическом отношении сторона, какой являются крупные корпорации в сравнении с профсоюзами, может по существу безнаказанно отступить от рекомендаций государства, маскируя это различными финансовыми махинациями.

Таким образом, в условиях классово антагонистического общества государственный контроль над заработной платой и ценами не может быть одинаково выгоден и капиталистам, и рабочим. Капиталисты прежде всего заинтересованы в «замораживании» заработной платы, а не в контроле над ценами. Профсоюзы так или иначе могут согласиться на контроль над заработной платой только в условиях твердых гарантий от растущей инфляции. А таких гарантий капиталистическое государство дать не в состоянии. Поэтому и государственный контроль не может спасти капитализм от инфляции. Собственно говоря, об этом свидетельствует и практический опыт регулирования экономики во времена президента Дж. Кеннеди, о котором с таким восхищением говорит Гэлбрейт.

В период деятельности администрации президента Кеннеди, по мнению Гэлбрейта, в какой-то мере якобы удалось примирить различные экономические силы. Действенными будто бы оказались призывы в общей форме к профсоюзам и предпринимателям проявлять сдержанность в своих стремлениях и требованиях в период заключения коллективных договоров.

Было бы, очевидно, совершенно неправильным недооценивать растущую экономическую силу современного буржуазного государства. Именно эта сила, а отнюдь не призывы, какими бы впечатляющими по форме они ни были, представляет реальную основу государственного контроля. Однако сама эта экономическая сила создается в интересах усиления, а не ослабления позиций монополистического капитала. Буржуазному государству в конечном счете дозволено только то, что так или иначе соответствует интересам крупных и крупнейших монополий. Всяческие попытки вырваться за эти рамки, хотя бы внешне отступить от воли подлинных хозяев, не будут оставлены безнаказанными. Об этом, по нашему мнению, и говорит трагическое завершение деятельности президента Кеннеди.

Так называемая «политика ориентиров», которую Голбрейт оценивает как наиболее важное новшество экономической деятельности правительства Кеннеди, была в четком виде сформулирована в 1962 г. Основной идеей этой политики было ограничение роста заработной платы в каждой отрасли в соответствии с долговременным темпом общего роста производительности труда. Потолок «неинфляционного повышения заработной платы» был установлен в 3,2% в год¹⁰⁰. И хотя «ориентиры» не являлись законом, с ними должны были считаться стороны при рассмотрении коллективных договоров.

Однако на деле монополии с готовностью восприняли только одну сторону «политики ориентиров» — контроль над заработной платой и с меньшей заинтересованностью отнеслись к проблеме стабилизации цен. Голбрейт в книге «Новое индустриальное общество» приводит пример нарушения соглашения с профсоюзами со стороны «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», отмены повышения цен на сталь после вмешательства президента и отрицательной реакции общественности. Но он считает исключением этот пример своекорыстного поведения корпорации, утверждая, что в дальнейшем в течение нескольких лет так называемые «ориентиры» заработной платы и дополняющая их политика цен стали общепринятой чертой государственной политики. «Переговоры о заработной плате строго согласовывались с ориентирами. Цены на промышленные товары были стабильными»¹⁰¹.

Действительная же реакция крупных корпораций на «политику доходов» демократической администрации состояла в повышении цен, в небывалом росте прибылей

и других доходов буржуазии. Вместе с тем обострилась проблема заработной платы. В 1966 – 1967 гг. в условиях эскалации войны во Вьетнаме произошло первое за весь период после войны в Корее заметное снижение реальной заработной платы большой массы рабочих и служащих. В обрабатывающей промышленности она упала для производственных рабочих за год на 2%¹⁰². Это явилось основой для подъема классовой борьбы против засилья монополий. Таким образом, в 1966 г. был признан фактический провал «политики ориентиров».

Неудачи с «политикой ориентиров» демократических президентов во второй половине 60-х годов нашли теоретическое объяснение у автора концепции «нового индустриального общества». Он считает, что серьезным препятствием для осуществления постоянной государственной политики в области контроля над заработной платой и ценами является противоречие между господствующей в теории и на практике идеей приверженности к свободной рыночной экономике и практической необходимостью в осуществлении такого контроля. Существует опасность, продолжает Гэлбрейт, что люди, причастные к управлению государством, могут руководствоваться в своих действиях не потребностями жизни, а устаревшей теорией. Тогда вмешательство государства в контроль над заработной платой и ценами может быть отменено до того времени, пока снова не разразится инфляция¹⁰³.

Кроме того, он отмечает, что политика контроля над заработной платой и ценами эффективна, когда спрос находится на уровне, «достаточном для обеспечения полной или почти полной занятости». Если же спрос будет слишком высок, то рост цен вне «индустриальной системы» и другие явления подорвут эти ограничения. Обычное лекарство в этом случае – повышение налогов или снижение государственных расходов для сокращения спроса. Однако на практике это сделать нелегко. Увеличение спроса в конце 60-х годов в связи с войной во Вьетнаме и нежелание администрации Джонсона повышать налоги для сокращения спроса и привели, по мнению Гэлбрейта, к полному падению механизма регулирования заработной платы и цен¹⁰⁴.

Нельзя не видеть сравнительную слабость государственного контроля над стихийными экономическими силами капитализма. Гэлбрейт как идеолог своего класса понимает, что, ратую похвалу государственному контролю, можно и пересолить. За подъемом промышленности, который пс-

пытывала американская экономика в середине 60-х годов, могли наступить и худшие времена. И тогда похвала покажется особенно притворной. Так оно в действительности и произошло: к концу 60-х годов экономика США вползла в кризис, который развернулся в условиях войны во Вьетнаме. Итогом восьмилетней деятельности демократов явились исключительно быстро развивающаяся инфляция, рост безработицы. В 1969 – 1971 гг. цены возрастали в год на 5 – 6%¹⁰⁵. Все это показывает, что механизм экономического регулирования, сформировавшийся демократическими президентами и сленком с которого является концепция регулирования Гэлбрейта, оказался неспособным решить многие проблемы развития экономики США, и в том числе проблему совмещения полной занятости с устойчивыми ценами.

Оценивая экономическую политику республиканцев, пришедших к власти в США в конце 1968 г., Гэлбрейт заметил, что в первые два года она в полном соответствии с теоретическими канонами «неоклассической модели» взяла курс на обеспечение высокой занятости и стабильных цен без всякого контроля над заработной платой и ценами. Однако результаты оказались неутешительными. «Хотя спрос был уменьшен, безработица и цены продолжали расти. Вместо сочетания высокой занятости со стабильными ценами недостаточная занятость дополнялась инфляционной спиралью зарплата – цены»¹⁰⁶.

Во втором издании книги «Новое индустриальное общество» (1971 г.) Гэлбрейт высказал предположение о том, что республиканцы рано или поздно будут вынуждены расстаться с неоклассическими иллюзиями и признать, что основной причиной инфляции является спираль зарплата – цены. В какой-то мере это предсказание оправдалось. После двух с половиной лет политики сокращения совокупного спроса и замедления экономического роста для борьбы с инфляцией и сбалансирования бюджета президент Никсон был вынужден решиться в августе 1971 г. на контроль над ценами и заработной платой как на крайнюю меру борьбы с инфляцией.

Республиканская администрация пошла по следам демократов, расширяя роль государства в экономике. Однако результаты этого регулирования не оправдали возлагавшихся на него надежд. Сначала было объявлено о 90-дневном замораживании цен и заработной платы (фаза-один). Затем в ноябре 1971 г. последовала вторая фаза, установив-

шая контроль над ценами и заработной платой по принципу «политики ориентиров». Каковы же были результаты этого регулирования?

Республиканской администрации в 1972 г. удалось лишь немногим уменьшить общие темпы роста инфляции. При этом если средний рост цен в этом году составил 3 – 3,5%, то цены на продовольствие подскочили на 22%¹⁰⁷, что осложнило внутреннее положение США. Вместе с тем американская экономика пережила в этот период крупнейший биржевой кризис. Внутренние трудности усугублялись затянувшимся валютно-финансовым кризисом, который привел в конце 1971 г. к девальвации доллара. К тому же безработица в 1972 г. была на уровне 5,6%. Все это свидетельствует о том, что причины инфляции не были устранены мерами государственного регулирования. Дальнейшие рецидивы инфляции поэтому вполне вероятны. Это подтверждает экономическое положение США в 1973 г., а затем глубокий экономический кризис, развернувшийся в 1974 – 1975 гг.

В январе – феврале 1973 г. в президентских посланиях конгрессу провозглашается фаза-три «новой экономической политики», которая фактически заменяет контроль (кроме сферы продовольствия, строительства и здравоохранения) так называемым «добровольным сотрудничеством» предпринимателей, профсоюзов и государства в рамках системы примерных «стандартов». Новая фаза регулирования вступила в силу в условиях новой девальвации доллара (начало 1973 г.).

На деле переход к системе «стандартов» означал предоставление монополиям широкого простора для взвинчивания цен при формальном контроле со стороны государства. Факты показывают, что крупные монополии активно воспользовались предоставленными им возможностями для повышения цен под предлогом растущих издержек производства. Летом 1973 г. четыре ведущие автомобильные корпорации объявили о намерении поднять цены на свою продукцию. За ними последовало аналогичное решение 12 ведущих сталелитейных корпораций¹⁰⁸. А повышение цен на сталь ведет к повышению цен практически на все товары, так как сталь является основным элементом издержек производства во многих отраслях. Все это свидетельствовало о нарастании новой волны инфляционного роста цен, об ограниченности антиинфляционных мер «новой экономической политики» республиканской администрации.

Контроль над ценами и заработной платой оказался неспособным справиться с инфляцией и был отменен в 1974 г., несмотря на продолжающийся рост цен.

Таким образом, опыт как демократической, так и республиканской администраций США показывает, что ни введение жесткого контроля над заработной платой и ценами, ни значительное ослабление этого механизма не выводят капитализм из рамок внутренних и внешних противоречий. Классовая направленность «политики доходов» буржуазного государства на деле сводит к минимуму ее антиинфляционные возможности. Капиталистическая действительность в начале 70-х годов столкнулась с таким явлением, когда одновременно с ростом безработицы росла и инфляция. Это свидетельствует как о серьезных пороках механизма государственно-монополистического регулирования, так и о крахе теоретических иллюзий апологетов этого регулирования.

В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт внимательно рассматривает ход событий в начале 70-х годов и снова повторяет мысль о том, что все неудачи по преодолению нестабильности американской экономики связаны прежде всего с приверженностью государственной политики по регулированию совокупного спроса устаревшим догмам неоклассиков и неокейнсианцев. Подтверждая свой вывод о необходимости постоянного контроля над заработной платой и ценами или «по крайней мере до тех пор, пока существуют профсоюзы и корпорации в их теперешнем соотношении в планирующей системе»¹⁰⁹, Гэлбрейт в рамках «общей теории реформ» оговаривает ряд новых условий. Эти условия контроля над заработной платой и ценами, по его мнению, призваны способствовать превращению нынешнего регулирования совокупного спроса в интересах «планирующей системы» в государственное регулирование «в интересах общества».

Свое понимание механизма регулирования «в интересах общества» Гэлбрейт формулирует следующим образом: «Если государственные расходы в возрастающей степени идут на общественные нужды, если налоги становятся более прогрессивными, если кредитно-денежная политика пассивна, если расширение спроса достигается за счет увеличения государственных расходов, а сокращение спроса — при помощи увеличения налогов, если рост заработной платы поддерживается в соответствии с ростом производительности, если увеличение равенства является главной целью

при осуществлении изменений в заработной плате и если рост цен допускается только в связи с трудностями, вызванными процессом выравнивания и отсутствием роста производительности, тогда возникает, по существу, управление в интересах общества»¹¹⁰.

Из этого утверждения Гэлбрейта следует, что контроль над заработной платой и ценами может быть эффективным только в комплексе с другими мерами регулирования совокупного спроса, якобы объективно вытекающими из требований развития «техники», «промышленного планирования», «революции техноструктуры» и скорректированными в целях большей адаптации крупных корпораций к новым условиям «социальной ответственности бизнеса».

В политике заработной платы и цен, по мнению Гэлбрейта, надо в первую очередь исходить из того, что показателями недостаточности и избытка спроса являются уже не общие показатели безработицы, а только избыток или недостаток квалифицированных рабочих в «планирующей системе» в совокупности с поведением цен в «рыночной системе». Для тех, кто не может себе найти работу, дающую приемлемый доход, следует допустить возможность использования гарантированного или альтернативного дохода. «Задачи создания альтернативных или гарантированных источников дохода, — замечает Гэлбрейт, — состоят в том, чтобы найти подходящую замену такой работе и оплате»¹¹¹.

Подобные утверждения служат косвенным признанием не только безработицы характерной чертой современного капитализма, но и неспособности государственно-монополистического капитализма справиться с социально-экономическими последствиями научно-технической революции. За гэлбрейтским признанием «государственного регулирования» в интересах «планирующей системы» фактически скрывается тот факт, что трудящиеся США все более сталкиваются не только с недостаточной «социальной ответственностью бизнеса», но и с направленным против них механизмом государственно-монополистического регулирования.

Однако таких выводов Гэлбрейт не делает. Признавая социальные язвы современного американского общества, он искусно вуалирует истинные их причины. Так, наличие устойчивой части безработных он пытается объяснить отставанием системы образования от слишком быстрых темпов научно-технического прогресса. Разумеется, предложение Гэлбрейта о так называемых «альтернативных или

гарантированных источников дохода» внешне выглядят привлекательно и, очевидно, могут сыграть существенную роль в материальном обеспечении некоторой части трудящихся США. Но искажение действительных причин болезней современного буржуазного общества, объяснение всех социальных процессов (в том числе и некоторых социальных завоеваний рабочего класса) только с точки зрения внутренней логики развития «техники» объективно направлены к отказу от классовой борьбы. Либерально-реформистские иллюзии Гэлбрейта направлены на укрепление веры в возможность постепенного преобразования общественных отношений в рамках капиталистического способа производства.

Развивая свои либерально-реформистские идеи в рамках «общей теории реформ», Гэлбрейт утверждает, что контроль над заработной платой и ценами целесообразно применять пока только в «планирующей системе». В США это относится к нескольким тысячам крупнейших фирм. В остальных частях экономики, по его мнению, стабильности можно достигнуть путем бюджетной или налоговой политики¹¹².

Меры контроля, продолжает Гэлбрейт, должны допустить увеличение заработной платы в рамках среднего роста производительности труда в «планирующей системе». Однако там, где рост производительности труда ниже среднего, нельзя отказываться в росте заработной платы и в компенсирующем росте цен¹¹³. При этом, замечает Гэлбрейт, повышение заработной платы в результате роста производительности труда должно распространяться в большей мере на тех, кто получает меньше всего. Так мыслится уменьшить разрыв в оплате между рабочим и управляющим в различных отраслях капиталистической экономики¹¹⁴.

Таким образом, заключает Гэлбрейт, при всем успехе системы предлагаемого контроля цены и заработная плата в американской экономике будут повышаться. Но это повышение под строгим контролем государства якобы будет проходить в основном в сферах с низкими ценами и заработной платой, способствуя выравниванию имеющейся несправедливости в распределении дохода в обществе¹¹⁵.

Искажая сущность современного буржуазного государства, рисуя его как «государство техноструктуры», которое может быть усовершенствовано до «народного государства», Гэлбрейт и выводы свои строит в соответствии с выдуманным им процессом «индустриальной эволюции». На

самом деле американское государство как было, так и остается буржуазным государством, основной задачей которого является спасение и продление жизни капиталистического строя. А целью этого строя никогда не было повышение благосостояния трудящихся, выравнивание их доходов с доходами управляющих капиталистических предприятий.

По своему существу взгляды Гэлбрейта относительно усовершенствования системы контроля над заработной платой и ценами проникнуты не заботой о трудящихся, а заботой о спасении капитализма. По его мнению, этого можно достичь путем реформирования капитализма, которое бы привело его к системе, более или менее приемлемой для широких масс населения. Однако эта задача является невыполнимой в условиях господства монополий. И в этом буржуазная ограниченность и утопизм программы реформ Гэлбрейта.

Таковы «новые» добавления Гэлбрейта к теории государственного контроля над ценами и заработной платой. Следует отметить, что они не дают повода для изменения общей оценки этой теории. Вместе с тем выдвинутые Гэлбрейтом предложения по усовершенствованию механизма регулирования совокупного спроса являются косвенным признанием ограниченности и противоречивости политики государственно-монополистического регулирования, признанием ее классовой направленности.

Гэлбрейт правильно замечает, что по мере роста производительных сил и развития научно-технической революции, по мере повышения степени капиталистического обобществления производства эта ограниченность и противоречивость будут расти. Из его анализа можно сделать вывод, что с развитием капитализма обеспечение стабильности экономики будет достигаться все более и более дорогой ценой. Уже в настоящее время, как утверждает Гэлбрейт, для спасения требуется такое лекарство, которое даже умеренным, либерально настроенным сторонникам капиталистического строя может показаться слишком радикальным.

Теоретически несостоятельный анализ Гэлбрейтом инфляции в условиях современного капитализма в сущности преследует цель пропаганды усовершенствованного механизма государственно-монополистического регулирования экономики. Буржуазное государство даже при высоком уровне государственно-монополистического развития не в состоянии эффективно контролировать всю экономику.

Да и не может оно осуществлять контроль в интересах производителей материальных благ. Поскольку же контроль осуществляется в интересах монополистического капитала, постольку любые его методы и формы в конечном счете ведут не к ослаблению, а углублению классовых противоречий. Регулирование совокупного спроса в его капиталистической форме не ослабляет, а усиливает противоречия между производством и потреблением, придавая ему лишь несколько иные формы, не избавляя при этом общество от безработицы и других социальных бедствий капитализма.

Глава III

¹ См. с. 12–13 данной работы.

² *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 353.

³ См. там же, с. 352–353.

⁴ Там же, с. 352.

⁵ См. там же, с. 355.

⁶ См. там же, с. 354.

⁷ См. «Правда», 27 августа 1973 г.

⁸ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 355.

⁹ См. там же.

¹⁰ Там же, с. 363.

¹¹ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 282–283.

¹² Там же, с. 293.

¹³ См. там же, с. 287–288.

¹⁴ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 440.

¹⁵ См. *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 188.

¹⁶ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 463.

¹⁷ Там же, с. 420.

¹⁸ См. там же, с. 365–366.

¹⁹ Там же, с. 370.

²⁰ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 280.

²¹ Там же, с. 394.

²² *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 441.

²³ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 314.

²⁴ Там же.

²⁵ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 269.

²⁶ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 47.

²⁷ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 402.

²⁸ Там же, с. 269.

- ²⁹ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 48.
- ³⁰ См. там же, с. 49.
- ³¹ См. там же, с. 50.
- ³² Там же, с. 403.
- ³³ Там же, с. 379.
- ³⁴ J. K. Galbraith. The New Industrial State, 2d ed. 'Boston, 1971, p. 36.
- ³⁵ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 270.
- ³⁶ Там же, с. 271.
- ³⁷ См. там же.
- ³⁸ См. там же.
- ³⁹ Там же, с. 274.
- ⁴⁰ См: Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 51–52.
- ⁴¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 277.
- ⁴² Там же, с. 275.
- ⁴³ Там же, с. 278.
- ⁴⁴ См. там же, с. 280.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же, с. 397.
- ⁴⁷ Там же, с. 398.
- ⁴⁸ Там же, с. 396.
- ⁴⁹ См. с. 62–63 данной работы.
- ⁵⁰ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 368.
- ⁵¹ Там же, с. 371.
- ⁵² Там же, с. 372.
- ⁵³ См. там же, с. 374.
- ⁵⁴ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 276.
- ⁵⁵ См. там же, с. 277.
- ⁵⁶ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 379.
- ⁵⁷ См. там же, с. 379–380.
- ⁵⁸ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 268.
- ⁵⁹ См. С. А. Далли. США: послевоенный государственно-монополистический капитализм, с. 323.
- ⁶⁰ См. там же, с. 326–327.
- ⁶¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 276.
- ⁶² См. Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 383.
- ⁶³ См. С. А. Далли. США: послевоенный государственно-монополистический капитализм, с. 323.
- ⁶⁴ См. «Правда», 8 августа 1973 г.
- ⁶⁵ См. Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 370–371.
- ⁶⁶ См. там же, с. 370.
- ⁶⁷ Там же, с. 387.

- ⁶⁸ См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 284, 286.
- ⁶⁹ Там же, с. 296.
- ⁷⁰ Там же, с. 297.
- ⁷¹ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 388.
- ⁷² См. там же.
- ⁷³ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 293 – 294.
- ⁷⁴ См. там же, с. 288.
- ⁷⁵ См. с. 98 данной работы.
- ⁷⁶ См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 289.
- ⁷⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 2, с. 343.
- ⁷⁸ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 289.
- ⁷⁹ «Statistical Abstract of the United States», 1970, p. 122; 1976, p. 139; *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 438.
- ⁸⁰ *А. Зелман. «Бешеные» в американской школе. М., 1966*, с. 60.
- ⁸¹ См. «США: государственно-монополистическое регулирование воспроизводства общественного капитала». М., 1972, с. 199.
- ⁸² См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 294.
- ⁸³ См. там же, с. 292.
- ⁸⁴ См. там же, с. 295 – 296.
- ⁸⁵ См. там же, с. 293.
- ⁸⁶ См. «Международное рабочее движение». Справочник. М., 1972, с. 247.
- ⁸⁷ См. *Г. Холл. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974*, с. 147 – 148.
- ⁸⁸ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 306.
- ⁸⁹ Там же, с. 299.
- ⁹⁰ Там же, с. 300.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² См. там же, с. 298 – 299.
- ⁹³ См. там же, с. 299.
- ⁹⁴ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 401.
- ⁹⁵ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 311.
- ⁹⁶ См. там же, с. 155 – 156.
- ⁹⁷ См. там же, с. 305 – 306.
- ⁹⁸ См. там же, с. 301 – 302.
- ⁹⁹ Там же, с. 304.
- ¹⁰⁰ См. *Н. В. Сивачев, Е. Ф. Язьков. Новейшая история США. 1917 – 1972 гг. М., 1972*, с. 260.
- ¹⁰¹ *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 308.
- ¹⁰² См. *Н. В. Сивачев, Е. Ф. Язьков. Новейшая история США. 1917 – 1972 гг.*, с. 279.
- ¹⁰³ См. *Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество*, с. 309.
- ¹⁰⁴ *J. K. Galbraith. The New Industrial State, 2d ed. Boston, 1971*, p. 259.

- ¹⁰⁵ См. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 4, с. 76.
- ¹⁰⁶ *J. K. Galbraith. The New Industrial State*, 2d ed, p. 259.
- ¹⁰⁷ См. «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 4, с. 77.
- ¹⁰⁸ См. «Известия», 1 сентября 1973 г.
- ¹⁰⁹ *Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества*, с. 390.
- ¹¹⁰ Там же, с. 394.
- ¹¹¹ Там же, с. 387.
- ¹¹² См. там же, с. 390–391.
- ¹¹³ См. там же, с. 391.
- ¹¹⁴ См. там же, с. 392.
- ¹¹⁵ См. там же, с. 392–393.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ АВТОРА КОНЦЕПЦИИ «НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Особенностью концепции «нового индустриального общества» является не только апологетика государственно-монополистического капитализма, но и соответствующая этому интерпретация усиления социально-политической неустойчивости современного капитализма. Фиксируя явно обозначившуюся тенденцию к нарастанию социального протеста в самых различных слоях американского общества против засилья монополий, Гэлбрейт пытается по-своему представить классовые корни этого протеста, свести его к реакции общества на некоторые «негативные тенденции» широкого внедрения «техники», «промышленного планирования» и власти «техноструктуры». При этом он стремится изобразить дело таким образом, будто бы по мере развития научно-технической революции закономерно падают влияние и позиции рабочего класса и его профсоюзов, а движущей силой социального прогресса в «новом индустриальном обществе» все более настойчиво становится интеллигенция вообще и так называемое «сословие педагогов и ученых» в частности.

1. Миф об «интеграции» рабочего класса в капитализм

В концепции Гэлбрейта движущей силой общественного прогресса выступают «техника» и следствия ее развития, т. е. так называемая «логика индустриальной эволюции». Все это находится в явном противоречии с объективной оценкой революционно-преобразующей роли рабочего класса. Гэлбрейт всем своим анализом стремится опровергнуть коренной тезис марксизма-ленинизма об экономических основах классовой борьбы при капитализме, о гегемонии рабочего класса, о постоянном возрастании его роли и влияния в развитии общества.

Основные положения Гэлбрейта в этом вопросе по существу повторяют в несколько модернизированном виде ходячие мифы буржуазной идеологии о сужении границ рабочего класса и сферы влияния профсоюзов по мере развития научно-технической революции, о смягчении противоречия между трудом и капиталом в результате отделения капитала-собственности от капитала-функции, о размывании классового самосознания пролетариата в связи с некоторым повышением его жизненного уровня, об интеграции профсоюзов в систему государственно-монополистического капитализма. При этом Гэлбрейт пытается с позиций концепции «нового индустриального общества» придать этим мифам видимость объективно развивающегося и необратимого процесса.

Обращает на себя внимание и метод анализа положения и роли рабочего класса. Эта проблема рассматривается в виде побочного результата разбора таких вопросов, как характер занятости и безработицы в «новом индустриальном обществе», взаимоотношения «индустриальной системы», профсоюзов и государства, неравномерность экономического развития и распределения доходов между «рыночной» и «планирующей» системами. Такой прием призван создать впечатление второстепенности проблемы политического влияния рабочего класса, позволяет в неверном свете представить реальные факты. Так, Гэлбрейт свои главные выводы о развитии рабочего движения в США строит на основе оценки деятельности руководства американских профсоюзов. А ведь общеизвестно, что раскольническая политика этого руководства отнюдь не отражает истинного положения дел в рабочем движении США.

Исходным материалом для утверждений Гэлбрейта о постоянном сужении границ рабочего класса и социальной базы классовой борьбы в условиях современного государственно-монополистического капитализма является неверная оценка численности различных отрядов промышленного пролетариата, а также факта относительно замедленного роста рядов американских профсоюзов во второй половине 60-х годов. При этом численность пролетариата определяется в соответствии с принятой в американской статистике группировкой рабочей силы: рабочий класс — это «огромный однородный пролетариат — так называемые синие воротнички»¹. Остальная часть наемной рабочей силы относится им к разряду «белых воротничков».

Гэлбрейт опирается на многочисленные цифровые

данные, показывающие более высокие темпы роста рабочей силы в «белых воротничках» по сравнению с рабочими в «синих воротничках». За 1958 – 1969 гг. прирост рабочей силы за счет «белых воротничков» составил 10 млн., а за счет «синих воротничков» – только 4,9 млн.² При этом, утверждает Гэлбрейт, в ряде отраслей, характерных для «индустриальной системы» (сталелитейной, автомобильной, нефтяной, табачной), численность «синих воротничков» в этот период была постоянной или даже снижалась. В результате за этот период доля «белых воротничков» в общей рабочей силе увеличилась с 42,6 до 47,3%, а доля «синих воротничков» упала с 37 до 36,2%. Причем расчеты на перспективу, приводимые Гэлбрейтом, показывают развитие отмеченной тенденции роста доли «белых воротничков»³.

Эти данные, по мнению буржуазного экономиста, якобы показывают, что развитие научно-технической революции ведет к неуклонному сокращению социальной базы классовой борьбы (по его терминологии – «поля деятельности профсоюзов»), так как рабочий класс – «синие воротнички» (поддающиеся организации в профсоюзы) заменяется машинами и вытесняется служащими, которые, по мнению Гэлбрейта, редко обнаруживают склонность к объединению в профессиональные союзы. Об этом же якобы и свидетельствуют приводимые им данные о снижении доли членов профсоюзов в численности рабочей силы с 33,4% (1956 г.) до 29,2% (1969 г.)⁴.

Все эти данные призваны фактически подтвердить основной вывод Гэлбрейта о том, что «индустриальная система ныне в значительной мере блокировала рабочее движение»⁵.

Методологической основой для подобных выводов Гэлбрейта является широко распространенный в буржуазной апологетике прием искажения действительных границ рабочего класса и отрицание процесса пролетаризации различных слоев современного капиталистического общества. Буржуазный экономист, как говорилось выше, пытается определить численность рабочего класса на основе принятого в буржуазной статистике деления занятых на работников физического труда («синие воротнички») и служащих («белые воротнички»). Но такое деление по функциональному признаку ничего общего с классовым делением не имеет.

Научное определение классов связано не с цветом воротничка, а прежде всего с отношением людей к средствам

производства. «Классами, — отмечал В. И. Ленин, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»⁶.

С подлинно научных позиций рабочий класс капиталистических стран характеризуется прежде всего тем, что он лишен средств производства и вынужден продавать свою рабочую силу, производя прибавочную стоимость для капиталистов. А прибавочную стоимость производят не только работники физического труда. Значительная часть так называемых «белых воротничков», в труде которых в настоящее время все больше преобладают умственные усилия, угнетаются так же, как и работники физического труда.

Представитель рабочего класса в «белом воротничке», управляющий современными машинами, так же эксплуатируется, как и рабочий, носящий воротничок любого другого цвета. Но такой работник ставит перед капиталом новые проблемы: он знает не только частичные операции, но и смысл всего производственного процесса. Осознание таким работником своей принадлежности к рабочему классу, эксплуатируемому капиталом, представляет для последнего растущую социальную опасность. А отсюда упорное стремление отметить эту рождающуюся новую прослойку рабочего класса, подкупить ее подачками в виде высоких зарплаток и даже «участия в прибылях», втолкнуть в такое аморфное образование, как «техноструктура», и противопоставить остальной массе производственных рабочих.

Статистические данные, приводимые Гэлбрейтом, по видимому, более или менее правильно отражают наметившуюся тенденцию повышения доли работников, сочетающих функции умственного и физического труда, на предприятиях крупнейших корпораций США. Но попытка характеризовать тенденции развития экономических отношений по цвету воротничков явно несостоятельна с научной точки зрения. Она направлена на то, чтобы внести раскол в ряды рабочего класса, ослабить его организации, включая профсоюзы, расчистить поле для эксплуатации трудящихся в новых условиях, порождаемых научно-технической революцией.

Буржуазным экономистам обычно несвойственно стремление к глубокому проникновению в сущность экономи-

ческих процессов, к их классовой характеристике. Более всего их влечет к описанию явлений, совершающихся на поверхности и не вскрывающих, а маскирующих действительную сущность экономических процессов. Гэлбрейт не является исключением, хотя в ряде случаев он и претендует на сравнительно широкое обобщение сложных процессов развития современного капитализма. Он видит, что происходит относительное, а в ряде случаев и абсолютное уменьшение спроса на малоквалифицированных производственных рабочих и растет спрос на высококвалифицированных работников. Однако из его поля зрения ускользает тот факт, что вообще формируется новый тип производственного рабочего, что между так называемыми «белыми» и «синими» воротничками нет какой-то абсолютной грани, что при современной технике рабочие могут быть «носителями» воротничков различных цветов.

В действительности сдвиги в социальной структуре США свидетельствуют не о сужении социальной базы классовой борьбы, как это пытается утверждать Гэлбрейт, а, наоборот, о постоянном ее расширении. Об этом прежде всего говорят данные об изменении доли наемных работников в экономически активном населении. В США эта доля постоянно увеличивается — с 80,4% (1950 г.) до 89,9% (1970 г.)⁷, что показывает постоянно растущий процесс пролетаризации буржуазного общества.

Фактические данные об изменениях в составе американского рабочего класса показывают, что абсолютно численность рабочих, занятых преимущественно физическими видами труда, в промышленности, на транспорте и в строительстве постоянно увеличивается и достигла в 1972 г. 28,6 млн. человек. Согласно данным министерства труда США, к 1985 г. она достигнет примерно 33 млн. человек⁸. При этом доля этой категории рабочих в общей численности занятых, естественно, несколько снизится, так как другие отряды пролетариата будут расти в этот период более высокими темпами.

Одновременно растут и другие отряды пролетариата США, входящие, по классификации Гэлбрейта, в состав так называемых «белых воротничков» и не включаемые им в состав рабочего класса. Взять, к примеру, широкие слои служащих, и прежде всего торгово-конторских работников, составляющих в США около половины численности «белых воротничков». По всем основным классовым признакам массовые категории торгово-конторских служащих

мало чем отличаются от других отрядов рабочего класса. Их динамичный рост по мере развития научно-технической революции значительно увеличивает социальную базу классово-вой борьбы, способствует расширению границ рабочего класса. Так, по прогнозам Бюро трудовой статистики США, численность конторских служащих, работников торговли и сферы обслуживания увеличится с 20,1 млн. человек (1970 г.) до 35,6 млн. (1985 г.)⁹.

В условиях научно-технической революции быстро растет численность и такой категории «белых воротничков», как специалисты и технические работники. По тем же американским источникам, их численность и доля в составе самодеятельного населения США увеличится с 7,7 млн. человек (11%) в 1970 г. до 15 млн. (15,7%) в 1980 г.¹⁰ Именно из этой категории служащих состоит основная часть так называемой «техноструктуры» Гэлбрейта, для которой, как это было показано в первой главе, как и для любой социальной группы капиталистического общества, характерно классовое расслоение.

Хотя пролетаризация научно-технической интеллигенции представляет собой сложный и далеко не завершившийся в настоящее время процесс, некоторые данные свидетельствуют о том, что основная часть рядовых инженерно-технических работников по своему социально-экономическому положению не отличается от других отрядов рабочего класса. Об этом свидетельствует тот факт, что в числе безработных наряду с «синими воротничками» все чаще оказываются различные категории «белых воротничков». Так, в 1976 г. при общем уровне безработицы в США в 7,6% безработица среди специалистов с высшим и средним специальным образованием составила 4,1%, среди конторских служащих — 7,1, торговых работников — 5,6%¹¹. При этом рост в составе безработных удельного веса почти всех профессиональных групп «белых воротничков» наблюдается постоянно на протяжении с 1971 по 1976 г.¹²

Таким образом, научно-технический прогресс вызывает серьезные изменения в отраслевой, профессиональной и квалификационной структуре американского рабочего класса. Однако это ведет не к сужению социальной базы классовой борьбы, как это пытается доказать Гэлбрейт, а скорее, наоборот, к ее значительному расширению за счет различных отрядов рабочего класса. Опережающий рост наиболее квалифицированных отрядов пролетариата неуклонно ведет к повышению зрелости рабочих, к осозна-

нию ими передового мировоззрения, значительно укрепляет авторитет рабочего класса как выразителя интересов широких слоев общества.

Чтобы закончить рассмотрение «доказательств» Гэлбрейта о так называемом «исчезновении» рабочего класса в ходе развития научно-технической революции, необходимо дать оценку факту уменьшения численности членов американских профсоюзов в 1956 – 1963 гг., на который делает особый упор Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество»¹³. Не претендуя на всесторонний анализ этого сложного явления, необходимо указать на два обстоятельства, которые серьезно повлияли на численность профсоюзов и которые Гэлбрейт «забыл» отметить.

Одной из важных причин уменьшения численности членов профсоюзов в этот период была огромной силы атака государства на позиции профсоюзов США. С принятием в 1947 г. антирабочего закона Тафта – Хартли, разгулом маккартизма и политики «холодной войны» позиции профсоюзов были сильно ослаблены. Из их рядов изгонялись все, кого можно было отнести к так называемым «подрывным элементам». По словам американского профсоюзного деятеля Л. Спилмена, «главное препятствие росту профсоюзного членства в США – закон Тафта – Хартли...»¹⁴

Другой причиной является наличие серьезного кризиса в американском профсоюзном движении, реакционная политика руководства американских профсоюзов, и прежде всего руководства АФТ – КПП, его нежелание и неспособность предпринимать действия, направленные на увеличение численности и расширение влияния профсоюзов. В новой программе Коммунистической партии США отмечается, что наиболее серьезной трудностью для американского рабочего движения стала политика «классового партнерства», проводимая высшим руководством американских профсоюзов, входящих в АФТ – КПП¹⁵.

Все это показывает необоснованность положения о том, что уменьшение численности членов профсоюзов якобы связано лишь с последствиями научно-технической революции. У Гэлбрейта нет достаточных оснований, чтобы временный процесс выдать за устойчивую тенденцию ослабления роли рабочего класса.

Во второй половине 60-х годов в условиях общего оживления рабочего движения наметились позитивные тенденции и в американском профсоюзном движении. Они находят выражение и в росте абсолютного числа чле-

нов профсоюза, в усилении их политической активности. Если численность членов профсоюзов США снизилась в 1956 – 1963 гг. до 14,9 млн. человек, то к началу 1972 г. она достигла 22 млн. членов¹⁶. Эти позитивные тенденции в американском профсоюзном движении только начинают проявлять себя, но и они показывают несостоятельность выводов Гэлбрейта о постоянном ослаблении профсоюзов по мере развития научно-технической революции.

Показательно в этой связи изменение взглядов Гэлбрейта на роль профсоюзов, которое особо заметно в его последних работах. В книге «Новое индустриальное общество» он очень скептически относился к самой идее объединения служащих в профсоюзы: «Уменьшение численного состава профсоюзов – это не временное явление, которое будет исправлено объединением в профсоюзы служащих и инженеров, а ранняя стадия длительного процесса упадка»¹⁷. Однако реальная действительность американской жизни начала 70-х годов не подтвердила прогноза Гэлбрейта.

В книге «Экономические теории и цели общества» он вынужден был констатировать, что с 1960 по 1971 г. темпы роста членов профсоюза в обслуживании, розничной торговле и органах управления составили соответственно 76, 90 и 150%. Он замечает, что это намного выше темпов роста в отраслях «индустриальной системы»¹⁸.

В этой работе Гэлбрейт уже выступает за активное поощрение организации профсоюзов в «рыночной системе». Что касается «планирующей системы», то Гэлбрейт высказывается за создание «сильного профсоюза служащих», способного повести борьбу с той частью «техноструктуры», которая сосредоточила в себе власть. Хотя осуществление такой рекомендации на деле очень сомнительно¹⁹.

Гэлбрейт понимает, что ведущая роль рабочего класса в общественном развитии обуславливается не только его численностью и ростом. Поэтому основное внимание он переносит на качественные процессы. Он пытается доказать, что научно-техническая революция якобы ликвидирует экономическую основу, которая питала когда-то классовую борьбу (по терминологии Гэлбрейта – «главные факторы, оправдывающие существование профсоюзов»). Обосновывая тезис «о решительном сужении функций профсоюзов в индустриальной системе», Гэлбрейт практически говорит о тенденциях развития классовой борьбы американского пролетариата, о его внутренних потенциях к организованности и росту классового сознания.

В центре внимания Гэлбрейта проблема противоречия между трудом и капиталом в условиях современного государственно-монополистического капитализма. В различных формах он пытается доказать, что это противоречие как основа классовых конфликтов имело место лишь в прошлом, а с развитием научно-технической революции оно якобы исчезает. Гэлбрейт заявляет, что «индустриальная система ликвидировала противоречие экономических интересов»²⁰, что она «объединяет в себе и поглощает эти классовые интересы»²¹, интересы капиталистического предпринимателя и пролетариата. Классовая борьба, продолжает он, имела основу только на определенной стадии индустриального развития. В современный период «у профсоюзов нет особой необходимости ставить под сомнение цели индустриальной системы»²².

Еще и еще раз Гэлбрейтом применяется излюбленный прием: анализ современных противоречий капитализма опрокидывается в прошлое. Все острые социальные конфликты на прошлых этапах развития капитализма действительно давали себя знать. Но в последние годы будто бы произошли и происходят такие изменения, которые делают классовую борьбу достоянием прошлого.

Сегодня буржуазные экономисты и социологи путем обличения раннего капитализма стремятся придать более или менее благопристойный вид капитализму современному. Да, говорят они, раньше интересы работника и предпринимателя находились в некотором противоречии: увеличение расходов на оплату труда было чревато уменьшением прибыли. А предприниматель не мог поступиться своей прибылью. В тех условиях профсоюз, опираясь на поддержку рабочих, мог принудить предпринимателя к некоторому повышению заработной платы и определенному уменьшению прибыли; забастовка грозила значительно большими потерями.

Как мы видим, здесь нет недостатка в откровенности: ранний капитализм был основан на эксплуатации рабочих. Предприниматель боролся против профсоюза и желал ему «провалиться сквозь землю». Рабочий, напротив, имел все основания вести борьбу за укрепление своего профсоюза. И здесь кончается правда в рассуждениях Гэлбрейта, а начинается явная неправда, состоящая в том, что «развитая корпорация» и «техноструктура» якобы занимают принципиально иную позицию по отношению к профсоюзам.

Какие же конкретные процессы привели к надуманному

«исчезновению» противоречия между трудом и капиталом? Гэлбрейт утверждает, что переход власти к «техноструктуре» будто бы «ослабляет противоречие между работодателем и наемным работником»²³. Регулирование совокупного спроса со стороны государства якобы ликвидирует необходимость бороться за полную занятость, а общий рост благосостояния ведет к тому, что «современные трудовые отношения в промышленности... приобретают все более мирный характер»²⁴.

Первый аргумент не может служить надежным обоснованием гэлбрейтианского тезиса о блокировании «индустриальной системой» рабочего движения. Переход власти к «техноструктуре» является мифом. Мнимая «техноструктура» превращена в носительницу власти, хотя действительная власть, как и прежде, сосредоточивается в руках крупных собственников капитала. Мнимая «техноструктура» якобы не преследует цель получения максимальной прибыли и потому в ином отношении находится к рабочему классу. Но собственники капитала неизменно руководствуются сегодня принципом максимизации прибыли. Их отношение к рабочему классу также в своем существе не изменяется. «Техноструктура» якобы может «легко пойти на сокращение прибыли»²⁵. Однако определение главного мотива деятельности корпорации, конечно же, зависит не от служащих, а от хозяев. Если кто-то из служащих становится крупным собственником капитала (что возможно только в составе высших служащих), то его подход к характеру деятельности корпорации, конечно же, изменяется.

Корпорации относятся к профсоюзам в целом так же, как и капиталисты-предприниматели. Если бы все зависело от их воли, то они, не мешкая, разогнали бы любые организации рабочего класса, включая и профсоюзы. Но в том-то и дело, что далеко не все зависит от их воли. Многие свои права профсоюзы завоевали в тяжелой изнурительной борьбе. Не считаться с этим корпорации не могут. Иное поведение грозит нежелательными для них социальными взрывами.

Что касается утверждений Гэлбрейта о способности «нового индустриального общества» решить проблему безработицы путем государственного регулирования совокупного спроса, то фактические данные о безработных в США говорят о другом.

Эти данные наглядно показывают, что никакое государственное регулирование капиталистической экономики не

в силах отменить объективные закономерности капиталистического накопления, постоянно сопровождающегося безработицей. И общее число безработных достаточно велико, и частичная занятость не радует рабочих, и значительные армии сезонных бродячих рабочих налицо, и неустроенная безработица в виде отчаявшихся и удалившихся с рынка труда людей — все это говорит о полной несостоятельности утверждений буржуазных идеологов США о способности капитализма обеспечить всех работой

Общее число официально зарегистрированных полностью безработных в США

	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.
Всего, тыс. человек	4 304	5 076	7 830	7 327

Источник: «Мировая экономика и международные отношения», 1977, № 3, с. 50.

Своим сторонником Гэлбрейт стремится сделать даже Маркса, приписывая ему мысль о том, что обеспечение полной занятости является чуть ли не главным вопросом разрешения социальных противоречий капитализма. И странно выглядит предположение, что Маркс обеспечение полной занятости может быть посчитал бы решающим для своего учения о классовой борьбе и законе капиталистического накопления, т. е. сформулировал бы его сегодня как-то по-иному.

К. Маркс и его последователи никогда не придавали проблеме обеспечения занятости какого-то самостоятельного и определяющего значения. Решение этой проблемы марксизм считает производным от установления господства общественной собственности на средства производства, следовательно, ликвидации собственности капиталистической.

Большого внимания заслуживают анализ Гэлбрейтом проблемы роста благосостояния американских трудящихся и вытекающие из этого анализа апологетические выводы. Гэлбрейт здесь использует в основном выводы из пущенного им ранее в обиход мифа о так называемом «обществе изобилия», которое якобы наступило в США в результате развития научно-технической революции. Он утверждает, что по мере роста доходов и расширения объема потребления рабочие в «индустриальной системе» якобы перестают чувствовать себя эксплуатируемым классом и интегрируются в капиталистическое общество. По его мне-

нию, меняется социальная психология пролетариата, из нее будто бы выветривается классовое сознание. «Рабочий в значительной мере солидаризируется с целями фирмы», — утверждает Гэлбрейт. Это смягчение трудовых отношений является прямым «результатом роста благосостояния»²⁶.

Современный рабочий якобы увереннее чувствует себя в системе общественного производства. Оставшись без работы, рассуждает Гэлбрейт, рабочий может в большей мере рассчитывать на другую, на пособие по безработице или по программе борьбы с бедностью. Этим самым якобы уменьшается элемент принуждения, а с ростом дохода усиливаются мотивы отождествления и приспособления рабочего к целям корпорации.

По мнению Гэлбрейта, в настоящее время «все факторы, от которых, как ранее казалось, зависит революция, да и сама революция, утратили значение»²⁷. Он утверждает, что, по Марксу, предпосылка революции «заключается в прогрессирующем обнищании рабочего класса»; катализатор революции — экономический кризис, а ударная сила революции — профсоюзы, «выражающие в воинственной форме силу рабочего». Однако, продолжает автор «нового индустриального общества», Маркс не предвидел, что вместо обнищания будет иметь место «возрастающее изобилие», депрессии будут предотвращаться механизмом регулирования совокупного спроса, боевой дух профсоюзов будет смягчен и поглощен «индустриальной системой»²⁸.

Все это, по мнению Гэлбрейта, ведет к тому, что в современный период «классовые конфликты — лишь предмет страстной мечты революционеров старого склада»²⁹. Тенденция к классовому миру, к «депролетаризации» рабочего класса, заключает он, не временное явление, а «ранняя стадия длительного процесса упадка»³⁰.

В этих высказываниях все перепутано и перетасовано.

Во-первых, К. Маркс считал экономической основой социалистической революции не обнищание и кризисы (они сами результат противоречий капитализма), а усиливающийся конфликт между общественным характером производства и капиталистическим присвоением его результатов. И эта основа, бесспорно, сохранилась и усилилась в современных условиях. Никакое регулирование совокупного спроса не может устранить это антагонистическое противоречие капитализма.

Во-вторых, марксизму-ленинизму чуждо вульгарное представление о процессе обнищания как о непрерывном

уменьшении количества потребительских благ, поступающих в распоряжение рабочего класса. Речь идет об ухудшении положения, проявляющемся в падении доли трудящихся в национальном доходе и возрастании его доли, присваиваемой капиталистами. Речь идет также о возрастающем разрыве между потребностями в соответствии с современной стоимостью рабочей силы и удовлетворением этих потребностей, о возрастающей интенсивности труда и ускоряющемся износе рабочей силы и т. п. Что касается экономических кризисов, то разве капитализму уже удалось обеспечить бескризисное развитие экономики? Подобное утверждение слишком ясно противоречит действительности, чтобы тратить усилия на его опровержение.

Марксизм никогда не считал фатальным обнищание рабочего класса в условиях капитализма. К. Маркс указывал: «По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»³¹. Классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что при оценке обнищания необходимо учитывать всю совокупность факторов, определяющих жизненный уровень трудящихся, что классовая борьба способствует торможению тенденции к обнищанию. Такая позиция не имеет ничего общего с тем, что приписывает Гэлбрейт Марксу.

Все факторы, от которых зависит революция, да и сама она, по мнению Гэлбрейта, утратили значение. Но хотя американским империалистам и удалось раздробить и на какое-то время ослабить революционный натиск рабочего класса, его борьбу за социальное освобождение, зерна революции зреют. Она неизбежно совершится в свое время в той или иной форме.

За последние годы действительно произошли большие изменения в жизненном уровне и структуре потребления американских рабочих. Это является результатом переплетения многих тенденций развития современного государственно-монополистического капитализма, среди которых ведущее место занимают обострение классовой борьбы трудящихся за свои права, рост авторитета и мощи мировой системы социализма. Гэлбрейт же пытается свести процесс некоторого повышения заработной платы только к результатам научно-технической революции.

Много внимания Гэлбрейт уделяет следующим факторам социально-культурного положения рабочего: уменьшению роли тяжелой физической работы и тягот, связанных с этим; росту культурного уровня рабочего. Конечно, эти

факторы имеют место, и они оказывают влияние на психологию рабочих. Однако научно-техническая революция не меняет главных черт социального положения рабочего класса: отсутствия собственности, необходимости продажи рабочей силы, эксплуатации наемных работников в процессе производства ими прибавочной стоимости. Именно эти объективные условия являются основой для сплочения рабочего класса, для роста его классовой сознательности и организованности. Эти условия определяют и его ведущую роль в общественном развитии.

Изменение в структуре рабочего класса и характере его труда, рост доходов и потребностей не отменяют основных тенденций капиталистического накопления, роста противоречий между трудом и капиталом. В ходе научно-технической революции меняется структура потребностей рабочего, резко увеличивается значение таких факторов положения рабочего класса, как уверенность в обеспечении работой, возможности получения образования, медицинская помощь и т. д. Это находит отражение в изменении форм и методов классовой борьбы, а не в ликвидации самой ее основы, как это пытается представить Гэлбрейт.

Однако каким бы образом ни извращались тенденции классовой борьбы, все же нельзя обойти молчанием реальные факты классового движения американского пролетариата, его результаты. И здесь Гэлбрейт предпринимает своеобразный обходный маневр. Оказывается, «индустриальная система» ликвидировала только главные причины классовой борьбы. Оставшиеся факторы (по его терминологии — «функции профсоюзов») интегрированы в «индустриальную систему». Они уже якобы не опасны буржуазии. Больше того, эти факторы могут сыграть положительную роль в системе государственно-монополистического капитализма. Имеется в виду прежде всего практика заключения коллективных договоров.

Выделяя из всего арсенала классовой борьбы только коллективно-договорную форму, тесно связанную с профсоюзами, Гэлбрейт как бы выхолащивает из нее классовый дух, сводит ее причины к требованиям «техники», изображает как служебную функцию профсоюзов в «индустриальной системе». Тем самым он стремится дискредитировать завоевания пролетариата, доказать, что они являются неизбежным следствием развития «техники», «индустриальной системы», а не результатом классовой борьбы.

По мнению Гэлбрейта, с усложнением квалификацион-

ной структуры рабочей силы усложняется и процесс регулирования трудовых отношений (заработная плата, трудовой стаж, пенсии и т. п.). Выработывая правила регулирования и опираясь на механизм рассмотрения жалоб, профсоюзы, по Гэлбрейту, якобы выполняют важную функцию управления персоналом. Забота профсоюзов о более высоких ставках зарплаты, о сокращенной рабочей неделе, о выплате выходных пособий в случае безработицы трактуется Гэлбрейтом как существенная помощь корпорациям «в деле приспособления к техническим изменениям»³².

Из этого Гэлбрейт делает вывод о том, что «индустриальная система» подчинила профсоюзы («их сохранившиеся функции») своим нуждам. В такого рода мнимой «интеграции» рабочего класса в капитализм он видит основную причину терпимости большого бизнеса по отношению к профсоюзам, «наступление эры сравнительно мирных отношений в промышленности»³³. Все эти рассуждения искажают современную действительность.

Однако и этого, оказывается, недостаточно. Профсоюзы могут выполнять еще и более «важную» функцию: выступать как фактор капиталистического «планирования», т. е. стабилизации отношений между «индустриальной системой» и государством. Получается, что профсоюзы становятся как бы звеном, скрепляющим различные звенья государственно-монополистической системы — корпораций и буржуазного государства.

Трудно выдумать что-либо более противоестественное для характеристики классового органа промышленного пролетариата. И ничего не меняет тот факт, что отдельные лидеры профсоюзов выступают в качестве негласных прислужников государственно-монополистического капитала.

Никакой главной роли в регулировании совокупного спроса профсоюзы, конечно, не выполняют и выполнять не могут. То же относится и к решению проблемы занятости. И уже совсем фарисейски выглядят похвалы Гэлбрейтом тем лидерам профсоюзов, которые оказывают поддержку корпорациям в получении ими выгодных военных заказов. Осуществление политики гонки вооружений ни с какой стороны не отвечает интересам рабочего класса. Лидеры профсоюзов, поддерживающие такую политику, встают на путь предательства интересов международного революционного рабочего движения и своего национального рабочего класса. В конечном счете это ухудшает, а не улучшает положение

ние трудящихся, ибо означает растущий вычет из национального дохода на непроеводительные и разрушительные цели.

Трудовые отношения американского государственно-монополистического капитализма характеризуются тем, что власть предпринимателей определенным образом регулируется трудовым законодательством США, коллективными договорами, некоторыми правами профсоюзов. Все это явилось результатом длительной борьбы рабочего класса в условиях постоянного наступления монополистического капитала на права трудящихся. Названные обстоятельства оказали воздействие и на механизм регулирования трудовых отношений, который значительно изменился в современных условиях. Капиталисты или их наемные управляющие вынуждены считаться с трудовым законодательством, с условиями коллективных договоров. Гэлбрейт, пытаясь затушевать истинные причины эволюции трудовых отношений, ищет объяснение только в научно-технической революции.

Такой подход к анализу трудовых отношений отвечает современной стратегии монополистического капитала, который стремится ограничить рабочее движение рамками коллективных договоров, формируемых часто под влиянием самих монополистов или соглашательской политики профсоюзных лидеров. Подобный взгляд Гэлбрейта ведет к обоснованию необходимости «классового мира», социального партнерства. Однако прогрессивные силы в рабочем и профсоюзном движении, выступая в поддержку коллективных договоров, рассматривают их в качестве важного, но далеко не единственного средства классовой борьбы.

Оценивая положение рабочего класса в системе капиталистического производства, Гэлбрейт апеллирует к придуманной им концепции о переходе власти к новому фактору, олицетворенному в «техноструктуре». По его мнению, тот факт, что власть капитала перешла не к труду, а к новому фактору — совокупности людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, свидетельствует об уменьшении роли труда в капиталистическом производстве. «Рабочий класс завоевал ограниченный контроль над заработной платой и условиями труда, но не приобрел никакой власти над предприятием»³⁴. Его значение как фактора производства, продолжает Гэлбрейт, уменьшается, что отражается и в наличии постоянной безработицы.

Рассуждения Гэлбрейта о связи факторов производства с властью, о мнимом переходе власти от собственников капитала к «техноструктуре» полностью несостоятельны, что было показано в предыдущих разделах. Естественно, эти рассуждения не могут служить и доказательством «падения» роли рабочего класса в современном общественном производстве.

Таким образом, оценка Гэлбрейтом места и роли рабочего класса в современном капиталистическом обществе состоит из повторения широко распространенных в буржуазной идеологии положений. Они основаны на ненаучном определении классов и искаженной трактовке изменений в отраслевой, профессиональной и квалификационной структуре рабочего класса, происходящих под влиянием научно-технической революции. Гэлбрейт пытается придать этим мифам видимость объективно развивающегося процесса путем увязки с тенденциями развития «индустриальной системы». Однако в действительности рабочий класс и в условиях современной научно-технической революции продолжает оставаться главной силой общественного производства.

Ядром рабочего класса является наиболее революционная его часть — промышленный пролетариат, который выступает в авангарде классовой борьбы. На его долю приходится основная часть бастующих. Современный рабочий класс сосредоточивается в самых прогрессивных отраслях производства; растет уровень его квалификации, уровень образования и т. п. Это способствует восприятию им передовой идеологии, лучшему осознанию своей исторической роли в революционном процессе.

2. Искажение социальной роли интеллигенции в буржуазном обществе

Полностью абстрагируясь от анализа капиталистических производственных отношений и классового деления буржуазного общества, принижая революционно-преобразующую роль рабочего класса, Гэлбрейт пытается доказать, что научно-техническая революция, закономерно повышая роль умственного труда в производстве и обществе, якобы объективно превращает этот компонент в решающий фактор общественного прогресса. Сознвая необходимость существенных усовершенствований современного «инду-

стриального общества», Гэлбрейт вынужден искать пути спасения в надстроечных явлениях, в так называемом «общественном понимании», выдвигая на роль активной социально-политической силы интеллигенцию.

Гэлбрейт считает, что в современном «индустриальном обществе», в котором будто бы «убеждение... превращается в основной инструмент осуществления власти», главное условие социальной реформы состоит в освобождении от «монополии индустриальной системы на формулирование общественных задач»³⁵. «Раскрепощение мнений, — утверждает Гэлбрейт, — является самой трудной из задач реформы, от решения которой зависит все остальное»³⁶. Сопротивление традиционным мнениям и ценностям, культивируемым в обществе «индустриальной системой», по мнению Гэлбрейта, представляет собой «не только либеральное средство спасения, но вполне возможно, что и единственное»³⁷. Поэтому любые проявления скептицизма и критики так называемого «истеблишмента» в современной американской жизни, различного рода движения протеста (молодежи, за эмансипацию женщин, консюмеризм и т. п.), сопротивление навязчивости рекламы, критика неоклассической экономической теории и т. п. воспринимаются Гэлбрейтом как доказательство правильности идеи о самоусовершенствовании «нового индустриального общества» через сферу «общественного понимания».

Отправным пунктом процесса перестройки «общественного понимания», по мнению Гэлбрейта, является человеческий разум, который якобы «обладает неискоренимой способностью оказывать сопротивление авторитетам»³⁸. Однако Гэлбрейт понимает, что сам по себе этот разум не может представлять реальной силы. Его необходимо возбудить и направить в определенное русло. Наиболее сильным катализатором широкого и многообразного процесса совершенствования «общественного понимания», по мнению Гэлбрейта, призвана стать современная интеллигенция, и особенно та ее часть, которая непосредственно связана с подготовкой специалистов для хозяйства страны и научно-исследовательской работой (так называемое «сословие педагогов и ученых»).

Именно эта часть интеллигенции, наиболее тесно связанная с научно-технической революцией, якобы способна вызывать и ускорять процесс «раскрепощения мнений» в американском обществе, способствовать освобождению государства от излишнего давления «планирующей системы»

и таким образом выступать в роли активной движущей силы социального прогресса. «...Будущее современного общества, — провозглашает Гэлбрейт, — зависит от того, насколько охотно и успешно интеллигенция в целом и сословие педагогов и ученых в частности возьмут на себя инициативу политических действий и политического руководства»³⁹.

Исходным моментом для подобных утверждений буржуазного идеолога является реальный факт численного роста этой категории интеллигенции в условиях современной научно-технической революции и усиления ее роли в общественной жизни. Привилегированный доступ к научным новшествам, большое значение в подготовке квалифицированных специалистов, почти уникальная роль в области социальных нововведений и т. д., по мнению Гэлбрейта, значительно увеличивают и политический вес этой части интеллигенции. Однако при этом он существенно преувеличивает действительную роль научно-технической интеллигенции в современном буржуазном обществе. Рассмотрим это подробнее.

Выделяя из социальной структуры американского общества слой педагогов и ученых, Гэлбрейт определяет его как наиболее многочисленную группу интеллигентов, «объединенных общностью профессиональных знаний». На флангах этот слой якобы смыкается с учеными и инженерами, работающими в промышленности (т. е. с «техноструктурой»), а также с государственными служащими, журналистами, писателями и т. п.⁴⁰

Категория «сословие педагогов и ученых» не отличается структурной четкостью или количественной определенностью. Если судить о ней только по количеству преподавательских кадров высшей школы и ученых, то можно действительно отметить достаточно быстрый рост этой социальной группы в США за последние годы (удвоение за 15 лет — с 1960 по 1975 г.)⁴¹. Поэтому само по себе замечание Гэлбрейта о том, что по мере развития научно-технической революции численность педагогов и ученых станет «внушать уважение» обществу, не вызывает возражения. Однако приписывание «сословию педагогов и ученых» социального статуса «нового класса» капиталистического общества, а также роли чуть ли не единственной активной движущей силы социального прогресса лишено всякого основания. И главное здесь не в численности педагогов и ученых и темпах их роста. Порочен сам принцип выделения какого-либо

слоя буржуазного общества без учета его социально-классовой дифференциации.

Интеллигенция не является однородным социальным слоем, каким его пытается представить Гэлбрейт. Среди нее всегда можно выделить группы, различные по своему отношению к владению средствами производства, по уровню и источнику дохода. А крайние, полюсные, группы, как правило, имеют заметное притяжение к соответствующим основным классам капиталистического общества: пролетариату и буржуазии.

Эту особенность не раз подчеркивал В. И. Ленин, отмечая, что интеллигенция «не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы...»⁴². «...Примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника...», интеллигенция в буржуазном обществе выражает интересы разных классов⁴³.

Отсутствие классового подхода в понимании роли интеллигенции сказалось и на исследовании Гэлбрейтом других источников влияния «сословия педагогов и ученых», на оценке роли интеллигенции по отношению к бизнесу и государству. При этом буржуазным экономистом используется обычный для него прием противопоставления прошлого и настоящего в положении интеллигенции.

По мнению Гэлбрейта, на ранних стадиях индустриального развития положение педагогов и ученых характеризовалось небольшой численностью и полной зависимостью их финансового положения от частных пожертвований и платы за обучение. Доктрина финансового господства не всегда воспринималась полностью академическими кругами в то время. Поэтому, продолжает автор «нового индустриального общества», между ними и бизнесом до недавнего времени была взаимная неприязнь и подозрительность. Это состояние отношений усиливалось инициативой академических кругов в области социальных нововведений, якобы направленных на то, чтобы «сделать индустриальное развитие более равномерным, более гуманным или справедливым»⁴⁴.

Всячески живописуя неприязнь между педагогами, учеными и миром бизнеса в прошлом, Гэлбрейт рисует идеальную картину полной интеграции этого сословия

в «индустриальное общество». По его выражению, рост «техноструктуры» с ее «новыми» мотивами и целями, увеличение численности «сословия педагогов и ученых», государственное финансирование науки и образования якобы полностью ликвидировали основу для неприязни и конфликтов. Зависимость «техноструктуры» от обученных кадров, по мнению Гэлбрейта, заставляет ее поддерживать тесную связь с учеными и даже мириться с их современными реформаторскими идеями. А такие идеи, как регулирование совокупного спроса и стабилизация цен и заработной платы, имеют будто бы прямое отношение к интересам «техноструктуры»⁴⁵.

Правда, отмечает Гэлбрейт, несмотря на общую тенденцию к установлению мира между бизнесом и «сословием педагогов и ученых» в «новом индустриальном обществе», разногласия могут иметь место. Если в тех областях науки, замечает буржуазный экономист, которые тесно связаны с «индустриальной системой», педагоги и ученые искусно приспособились к ее целям, то в других сферах (классические языки, литература и т. п.) академические круги все еще критикуют своих коллег за подчинение миру бизнеса⁴⁶.

В действительности развитие высшего образования и науки в США всегда несло на себе отпечаток капиталистических производственных отношений. Буржуазная общественная наука во все времена выполняла классовый заказ. Именно с интересами экономической политики капитала в первую очередь связывали свои идеи, касающиеся «социальных нововведений», академические круги. По Гэлбрейту же выходит, что и антитрестовские законы, и «законодательное закрепление обширного ряда мероприятий по социальному обеспечению»⁴⁷, и принцип прогрессивности в налогообложении — все это в значительной мере обязано своим происхождением только академическим кругам.

Однако именно в этих фактах особенно ярко проявляется связь интеллигенции с основными классами капиталистического общества: буржуазией и пролетариатом. Отмеченные социальные мероприятия являются прежде всего результатом классовой борьбы трудящихся США, результатом воздействия на мировой капитализм социалистической мировой системы. С другой стороны, антитрестовское законодательство и прочие мероприятия буржуазного государства были направлены на спасение и развитие капитализма как общественной системы.

По мере развертывания научно-технической револю-

ции, конечно, роль педагогов и ученых быстро возрастает. Однако их независимость от капитала не только не уменьшается, а еще больше увеличивается. Это и понятно. Для решения крупных и крупнейших, фундаментальных научных и технических проблем необходимы крупные капитальные вложения и повышение степени обобществления самой науки. А эти средства, силы и возможности находятся в собственности и под командой капиталистов. Имеющиеся в действительности привилегии педагогов и ученых не могут быть в полной мере реализованы, так как необходимые для этого материально-технические и финансовые средства предоставляются им не обществом, а буржуазным государством или частными монополиями.

Данные о росте образования в США, которые приводятся в книге «Новое индустриальное общество»⁴⁸, довольно внушительны, если их не сравнивать с подобными изменениями, которые произошли в СССР и других социалистических странах. Материально-технические ресурсы США дают возможность развернуть этот процесс в еще больших масштабах. Но и то, что сделано, представляет необходимое условие, без которого не смогла бы в существенных масштабах развиваться американская промышленность и другие отрасли. Но известно и другое: бюджетные ассигнования на материально-техническое обеспечение школьного образования, на заработную плату учителям совершенно недостаточны, ибо львиную долю расходов американского государства составляют военные расходы.

Психологические изыскания Гэлбрейта на тему о том, что положение педагогов и ученых в буржуазном обществе определяется их значением, что они не признают верховенства власти собственников капитала, что они могут осуществлять свои установки в области образования, — все это, мягко говоря, не отвечает истине. Конечно же, в отношениях между прослойкой педагогов и ученых, с одной стороны, и миром бизнеса, государственно-монополистическим капиталом — с другой, дело не ограничивается какими-то несущественными столкновениями. В действительности между ними назревает острый социальный конфликт. Этот конфликт обуславливается основным противоречием капитализма — противоречием между усиливающимся общественным характером производства и сохраняющимся частнокапиталистическим присвоением его результатов. В этих рамках развитие современной науки существенно затруднено.

Целям и установкам науки явно не соответствуют капиталистические производственные отношения. Вызывает протест и усиливающаяся милитаризация науки. Участие ученых в движении за мир, бурные события в университетах, связанные с борьбой за гражданские права, против военных авантур, — все это свидетельства обострения основного противоречия капитализма.

Однако это объективная сторона вопроса. Было бы неверно изображать прослойку ученых и педагогов как необычайно активную общественную силу, стремящуюся изменить существующее положение в капиталистическом обществе, изображать именно их чуть ли не единственным катализатором всяческих изменений в обществе. Известно, что гуманизм и прогрессивность взглядов ученых нередко остаются «вещью в себе». Конечно, в кругах ученых и педагогов высказываются мысли и об ограничении всевластия монополий, и о необходимости регулирования цен, внедрения принципа прогрессивного налогообложения, о социальном обеспечении и т. д. Но если на каких-то участках монополистический капитал и бывает вынужден пойти на уступки, то отнюдь не под влиянием педагогов и ученых, интеллигенции вообще, а в результате активного воздействия рабочего движения, нарастающего его натиска.

Таким образом, отрицание исторической роли рабочего класса, искаженная трактовка природы и роли научно-технической интеллигенции в современном обществе понадобились Гэлбрейту для завершения своей апологетической программы «трансформации» капитализма. По его мнению, эффективное развитие «нового индустриального общества» связано с преодолением некоторых нежелательных тенденций. Но не отношения капиталистической собственности или эксплуатация тормозят его развитие. Все недостатки «нового индустриального общества» будто бы связаны со своеобразной психологией «индустриальной системы», с ее монополией на «формулирование общественных задач». Поэтому и источник преодоления этих тенденций, считает Гэлбрейт, должен быть связан с областью «душевных эмоций и умственных интересов»⁴⁹. Такой «уравновешивающей силой», своеобразным «идеологическим стабилизатором» и является как раз наиболее многочисленная группа интеллигенции — «сословие педагогов и ученых».

Каков же по мысли Гэлбрейта конкретный механизм идеологической «стабилизации» и политического руководства со стороны педагогов и ученых? Основной путь — это

генерация новых социальных идей, внушение соответствующих убеждений законодателям или даже замена последних «такими людьми, которых не придется убеждать»⁵⁰. Важной задачей «сословия педагогов и ученых», по Гэлбрейту, явилось бы и политическое руководство различными движениями протеста среди молодежи.

По мнению Гэлбрейта, отмеченная тенденция уже якобы происходит в жизни в форме критической переоценки «утвердившихся общественных целей», в форме кризиса традиционного буржуазного либерального реформаторства. Подлинное реформаторство, по Гэлбрейту, должно заключаться в замене старых лозунгов экономического реформизма (рост производства, распределение доходов, проблема безработицы) новыми, отличными от целей «индустриальной системы». К этим целям, по его мнению, можно отнести контроль над окружающей средой. Задача состоит в том, чтобы различные критические умонастроения объединить политическим руководством со стороны педагогов и ученых, замечает Гэлбрейт.

В наибольшей степени роль педагогов и ученых как «идеологического стабилизатора» раскрывается на примере трактовки Гэлбрейтом причин политики «холодной войны» и путей ее преодоления, в анализе отношений между государством и военно-промышленным комплексом США. Здесь буржуазный идеолог много внимания уделяет механизму влияния «индустриальной системы» на государственную политику и общественное мнение. Причем весь анализ построен таким образом, чтобы подвести читателя к одному из главных положений теории «нового индустриального общества» — к обоснованию необходимости появления новой «революционной силы» общественного развития — «сословия педагогов и ученых».

«Индустриальная система», по мнению ее автора, обладает универсальным свойством придавать своим нуждам характер общественной значимости. Как было сказано ранее, таким свойством она обладает будто бы благодаря «новым» мотивам поведения, так называемому «принципу совместимости» и «обратной последовательности», которые получают развитие якобы только на современном этапе «индустриального общества». Однако на этом пути, замечает Гэлбрейт, встречаются и трудности. Например, каким образом увязать тенденцию к «социализации» развитой корпорации и ее ответственность за политику «холодной войны», за гонку вооружений? Ведь согласно принципу «обратной

последовательности» Гэлбрейта, все это является отражением нужд «индустриальной системы» и «техноструктуры». И здесь буржуазный идеолог вынужден признать, что далеко не все гладко и хорошо в «индустриальной системе». Но эти недостатки якобы устраняются в ходе развития самой системы.

Вымысел и фантазия могут принести пользу в управлении спросом и такого потребителя, как государство. Если «индустриальной системе», продолжает Гэлбрейт, удастся внушить представление об отсталости технического развития, об окружении страны врагами или об угрозе государственного контроля принципам свободы, то можно добиться соответствующей реакции со стороны государства. Оно будет вынуждено пойти на увеличение расходов на науку и дальнейшую гонку вооружений или сопротивляться различным формам государственного регулирования⁵¹.

Дело представляется таким образом, что в частных делах (при покупке товаров) и в государственных делах люди подвергаются воздействию выдумок, служащих интересам «индустриальной системы». В первом случае современный человек сам создает себе систему поправочных коэффициентов, учитывающих степень ненадежности информации со стороны «индустриальной системы», особенно рекламы. А как быть с государственным спросом, формирование представлений о котором более замаскировано, а вера глубже и в самом человеке будто бы нет внутренних пружин недоверия⁵².

Здесь важную роль, по мнению Гэлбрейта, играет сознание того, что часть воззрений на мир и политическую жизнь коренится не в наших умах, а в нуждах «индустриальной системы». Это ведет к самоанализу и наблюдению, к критической проверке официальных мнений, формируемых под влиянием психологии бизнеса. Если такая проверка есть, то остается немного: считать ее важной политической функцией общественного развития⁵³. Кто же способен осуществить критическую проверку официальных мнений? Как полагает Гэлбрейт, такая задача под силу лишь так называемому «сословию педагогов и ученых».

Мы видим, что Гэлбрейт уводит анализ в сферу эмоциональных и психологических оценок поведения людей и их отношения к политическим акциям государства. Конечно, внушение того или иного заведомо ложного положения может оказать на экономическую политику определенное воздействие. Такое внушение ложных истин широким слоям

населения, несомненно, облегчает государству осуществление экономической политики в угоду монополистическому капиталу.

В первую очередь необходимо, однако, выяснить те объективные причины, которые подталкивают господствующий класс и его государство распространять и внушать небывлицы, неверное представление о действительном положении вещей. Такой экономической общественной основой являются крупная капиталистическая собственность, жажда наживы, получения максимальных прибылей как за счет усиления эксплуатации трудящихся внутри страны, так и осуществления внешнеэкономической экспансии, а также путем колониального или неоколониалистского грабежа других стран. Распространение лживых положений, их упорное внушение путем приведения в действие всех оглушающих средств современной информации и лжеинформации обусловлены также усилением общего кризиса капитализма, развертывающимся с нарастающей силой соревнованием двух мировых систем хозяйства и все более убедительным превосходством в этом соревновании сил мирового социализма, неотвратимо приближающейся перспективой полного крушения отжившей свой век капиталистической системы.

«Новое индустриальное общество» будто бы располагает надежным лекарством в лице педагогов и ученых на случай различных «заболеваний» «индустриальной системы». Но вот почему возникают болезни, здоров ли сам организм «индустриальной системы»? Этот вопрос Гэлбрейт обходит. Вместо этого он показывает «эффективность» предложенного им «идеологического стабилизатора» на примере концепции гонки вооружений в период «холодной войны» и в настоящее время.

Военное производство, снова повторяет Гэлбрейт, необходимо «индустриальной системе», чтобы стабилизировать совокупный спрос⁵⁴. Но это требует создания такого представления о положении в мире, которое бы помогало правительству одобрять военные расходы. Для этого якобы и была разработана концепция «холодной войны», в создании которой ведущую роль сыграл большой бизнес.

Гэлбрейт не осуждает милитаризацию экономики, как таковую. Более того, он твердо убежден, что военное соперничество при определенных условиях является благотворным. Речь идет о таких условиях, когда военное соперничество развертывается в рамках реального военного

бюджета и принимает «активные формы». При этом создается тупик — ни одна из сторон не может уничтожить другую, не боясь громадных потерь; обе стороны якобы руководствуются разумом⁵⁵.

Следовательно, Гэлбрейт изображает дело таким образом, что, если бы удалось обеспечить эти условия, милитаризация экономики, кроме пользы, ничего бы не принесла. Но концепция «холодной войны» оказалась неконтролируемой. И вот эта сторона политики «холодной войны» вызывает критическое возражение Гэлбрейта.

Он считает, что в 50-е годы влияние такой политики достигло зенита, проявив некоторые отрицательные черты. Признание концепции «холодной войны» стало в США критерием для оценки не только социальных убеждений, но и нравственности, религиозного рвения американцев. Несогласие с принципами «холодной войны» могло в то время привести к увольнению с работы и другим неприятным вещам. К таким отрицательным чертам политики «холодной войны» Гэлбрейт относит и начавшуюся гонку вооружений, которая выходила за приемлемые для буржуазного экономиста рамки «состояния с Советским Союзом» и привела к соперничеству даже между отдельными родами войск США⁵⁶.

Почему же политика «холодной войны» переросла разумные, с точки зрения Гэлбрейта, рамки? Оказывается, замечает автор «Нового индустриального общества», все дело в том, что «индустриальной системе» удалось внушить американскому обществу такие представления о ситуации в мире, которые на деле не следует принимать на веру. Идеологический механизм критической проверки идей «холодной войны», очевидно, не сработал в то время. Теперь Гэлбрейт пытается его усовершенствовать на основе концепции конвергенции двух систем.

В основе политики «холодной войны» лежала ложная идея якобы неизбежного конфликта между двумя социальными системами, явные преимущества гонки вооружений с точки зрения развития техники, представление о том, что разоружение может серьезно нарушить равновесие в средствах уничтожения, недоверие к переговорам с коммунистами. Однако эти представления не являются достоверными⁵⁷. По мнению Гэлбрейта, развитие двух социально-экономических систем идет к конвергенции, а не к конфликту. В гонке вооружений, несмотря на положительные стороны, есть и немалая угроза спровоцированного

столкновения. Опасность разоружения не столь велика, как принято о ней говорить. С коммунистами наверное можно договориться честно и в вопросе о разоружении, замечает Гэлбрейт⁵⁸.

Таким образом, обоснование Гэлбрейтом теории конвергенции является своеобразным примером действия механизма «идеологического стабилизатора» в «новом индустриальном обществе». Широкое распространение этой идеи среди интеллигенции, в аппарате государственного управления, в мире бизнеса якобы способно создать новую ситуацию в американском общественном мнении. Такая идеологическая обстановка, по Гэлбрейту, создает условия для новой ориентации экономической политики «индустриальной системы», т. е. здесь все перевернуто с ног на голову. Не экономический базис общества оказывает определяющее влияние на идеологию, а наоборот. Но ведь это чистой воды идеализм, проповедующий примат общественно-го сознания над общественным бытием.

Разумеется, ученые и педагоги, интеллигенция в целом участвуют в политической жизни. Однако это их участие разворачивается не на основе собственной программы и целей. Известная часть представителей этой прослойки безоговорочно служит целям государственно-монополистического капитала; другая часть примыкает к либерально-буржуазным направлениям и национально-освободительному движению в его разнообразных формах; третья часть принимает программу революционных коммунистических и рабочих партий и самоотверженно борется за полное социальное освобождение трудящихся от гнета монополистического капитала.

Надежды на то, что интеллигенция в целом, все ее отряды и выдающиеся представители будут политической силой, стремящейся усовершенствовать государственно-монополистический капитализм, строятся на песке. Интересы широких масс ученых и педагогов, работников искусства в конечном счете всегда ближе к интересам других отрядов трудящихся. В процессе социалистической революции часть интеллигенции, как известно, постепенно переходит на позиции рабочего класса. Именно в этих условиях расцветают способности и таланты ее представителей, преодолевается ее политическая пассивность.

По Гэлбрейту, политическое руководство обществом со стороны «сословия педагогов и ученых» должно осуществляться в форме критической оценки всех традиционных

позиций внутренней и внешней политики. Эта оценка по мере роста численности «сословия педагогов и ученых» якобы приобретет общественное значение и станет определять основные направления социального развития «нового индустриального общества». Подобная утопия означает не что иное, как сохранение власти в руках буржуазии, и является примером социальной демагогии буржуазного реформиста.

Для изображения больших способностей интеллигентов в области политической деятельности в буржуазном обществе Гэлбрейт красок не жалеет. Но чьи интересы могут отражать в своей политике интеллигенты в целом, ученые и педагоги в частности? По-видимому, интересы своей прослойки и, конечно, интересы того господствующего класса, которому они служат. Не являясь классом, интеллигенция как социальная сила не в состоянии выработать свою, независимую и самостоятельную политику, которая бы отвечала интересам всех трудящихся. А ведь только такая политика может рассчитывать на действительно народную поддержку.

Гэлбрейт наивно думает, что, будь в аппарате государственного управления люди, которые разделяют идеи, выдвигаемые «сословием педагогов и ученых» якобы независимо от интересов «индустриальной системы», развитие американского общества изменит свое русло. Но в том-то и дело, что в капиталистическом обществе власть находится в руках господствующего класса. Выдвижение людей на административные посты производится прежде всего по классовой принадлежности, по связям с финансовой олигархией, по умению защищать интересы господствующего класса.

Интеллигенция, педагоги и ученые в будущем американском обществе, конечно, займут достойное место. Их знания и организационный опыт необходимы будут для такого развития производительных сил, которое позволит достигнуть действительного изобилия материальных благ для людей труда, осуществить великий принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по его потребностям». Но построить это будущее нельзя без главной производительной силы современного общества — рабочего класса, без его революционной победы, без ниспровержения капитализма.

Как отмечается в новой программе Коммунистической партии США, «интеллигенция играет прогрессивную роль не как изолированная сила, а как сила, участвующая

в совместной борьбе с главной движущей силой общественного прогресса — рабочим движением и его союзниками в их борьбе с властью монополий»⁵⁹.

Было бы неправильным, разумеется, недооценивать роль интеллигенции в развитии современного буржуазного общества. Но главной революционной силой, выступающей против империализма, является рабочий класс. Верно и то, что в последние годы ученые все активнее выступают против «холодной войны», гонки вооружения, предостерегают человечество против мировой термоядерной войны. Не без участия ученых-естествоиспытателей были достигнуты соглашения о частичном запрещении ядерных испытаний и некоторые другие.

При всем этом неверно идеализировать интеллигенцию, преувеличивать ее силу, способности и возможности в борьбе против империалистической реакции. Численно эта прослойка действительно быстро возрастает в условиях научно-технической революции. Ее способность правильно осмысливать сдвиги, происходящие в экономике и политике, усиливается. Но, как и раньше, она остается лишь прослойкой, рекрутируемой из состава разных классов общества и в значительной мере из господствующего эксплуататорского класса. Следовательно, нельзя забывать о ее неустойчивости в отношении к самым острым проблемам современности. При всем большом значении выступлений ученых против «холодной войны» и гонки вооружений, их понимания источников такой политики они не в состоянии быть единственной силой, способной предотвратить новую мировую войну.

Гэлбрейт явно преувеличивает, идеализирует силу интеллигенции и вместе с тем не видит реальные силы в мире, действительно способные разбить черные замыслы империализма, — рост экономического и политического могущества социалистических стран; нарастание рабочего революционного движения; все большее развертывание национально-освободительной борьбы народов. В этой общенародной борьбе интеллигенции по праву принадлежит большая, но все же не ведущая и не решающая роль.

Объективный ход исторического развития современного государственно-монополистического капитализма ведет к активизации антикапиталистических настроений в широких кругах американской интеллигенции. Некоторые из этих тенденций Гэлбрейт показывает в своих книгах. Однако общая апологетическая задача исследования не позволи-

ла ему понять действительные причины и реальные последствия усиливающейся активности интеллигенции.

Гэлбрейт отмечает рост влияния педагогов и ученых на организации демократической партии в ряде штатов США, участие в борьбе за мир и запрещение испытаний ядерного оружия, за разрядку напряженности в отношениях с Советским Союзом и осуществление разоружения⁶⁰. Однако о чем в действительности говорят эти примеры? Они показывают все большее недовольство интеллигенции усилением бюрократизации капиталистического общества, концентрацией власти в руках монополий. В среде «сословия педагогов и ученых», и в особенности гуманитарной и художественной интеллигенции, крепнет дух сомнения в ценностях буржуазного общества, в котором процветают нажива, насилие, аморальность и лицемерие.

Особого внимания заслуживает отношение Гэлбрейта к ученым-экономистам. В общем он считает, что традиционная политическая экономия как научная дисциплина искусно приспособилась к целям «индустриальной системы». С этой стороны политическому руководству «сословия педагогов и ученых» якобы угрожает опасность.

Такая позиция большинства экономистов будто бы мешает развитию политической инициативы ученых и педагогов. Этому мешает также убежденность интеллигентов в том, что их роль должна быть пассивной, так сказать, мыслительной, а не практически действенной. Словом, сфера их деятельности — это чувства и мысли. Остается неясным после подобных умозаключений, как эта нерешительная масса, не объединенная никакими организационными принципами, аморфная и, что касается общественной деятельности, в какой-то мере инертная, как она может стать политическим руководителем общества. Все дело в том, что на место реальности ставятся призывы к совести ученых, педагогов, художников и др., которые не могут уклониться от ответственности за последствия развития науки и техники. Только они будто бы могут взять на себя охрану эстетической сферы жизни и т. д. и т. п.

Призывы — призывами, однако, а для практической деятельности необходимо единство взглядов, убежденность в своей правоте, организованность, решимость и готовность действовать. По собственным рассуждениям автора книги, интеллигенция не имеет ни первого, ни второго... ни пятого и т. п.

С какой же армией идти в бой? Не потому ли, воззвав

к совести ученых, педагогов и художников, Гэлбрейт возвращается к их стремлению уклоняться от участия в политической жизни, подменять подлинное участие в ней неким суррогатом политических действий и т. п. Как и следовало ожидать, рассуждения о роли ученых и педагогов в качестве политических руководителей заканчиваются ничем.

Чем ближе подходит Гэлбрейт к завершению своего исследования, тем яснее становится и миф об авангардной роли «сословия педагогов и ученых». «Техноструктуре» с ее техническими знаниями и организационными навыками приписывается сила самостоятельно принимать технические и экономические решения. Капиталист-собственник якобы лишается власти в крупной корпорации. В сфере же политики на первый план якобы выдвигается «сословие педагогов и ученых». «Техноструктура» уже завоевала свое место, а педагогам и ученым предстоит еще этого добиться. Так ставится вопрос. Посмотрим, какие аргументы выдвигаются в защиту этих положений. Как объясняется необходимый, по мнению Гэлбрейта, своеобразный дуализм в управлении капиталистическим обществом?

«Индустриальная система» добилась признания своих целей, и она успешно развивается. «Техноструктура» отождествляет свои цели с целями этой системы. Но в функционировании системы проявляются некоторые неприятные черты — коллективизм и единообразие. Избежать этих недостатков можно, освобождая человека от подчинения «индустриальной системе». Для этого необходима, с одной стороны, критическая проверка убеждений, внушаемых «индустриальной системой», а с другой — обеспечение возможности выражать и защищать это критическое отношение. В осуществлении таких задач решающее значение приобретает образование, особенно высшее. Без высокоразвитой системы образования не может развиваться и «индустриальная система». Образование вместе с тем представляет основу критической оценки действительности.

Для чего понадобилась такая новая иерархия в управлении, вернее, миф о решающей роли в развитии общества «техноструктуры» и «сословия педагогов и ученых» при сохранении действительной экономической и политической власти в руках монополистического капитала? Каков классовый смысл этой концепции? Смысл ее состоит в том, что при усиливающихся антагонизмах современного капитализма весьма выгодно отвести в тень главные силы, их порожд-

дающие. В самом деле, к власти приходят представители «техноструктур» и «сословия педагогов и ученых». Капиталисты от власти отстранены, а рабочие и крестьяне ее не имели и не имеют. Следовательно, нет больше конфликта между трудом и капиталом. А если противоречия и возникают, то они связаны с отношениями, складывающимися между рабочими и «техноструктурой». В будущем вину за социальные контрасты и конфликты примут на себя педагоги и ученые.

Заканчивая свой труд — «Новое индустриальное общество», Гэлбрейт пишет: «Мы уже знаем в чем заключается надежда на спасение. Индустриальная система в отличие от своих экономических предшественников предъявляет спрос на вышколенные умы. Для обслуживания своих интеллектуальных и научных нужд она вызывает к жизни такую социальную силу, которая, как мы надеемся, отвергнет ее монополию на определение задач, стоящих перед обществом»⁶¹.

Речь идет о том, что роль политического руководителя общества могут на себя взять ученые и педагоги. Выше уже говорилось о причинах, которые делают такую надежду мифом, совершенно не согласующимся с объективными законами развития общества. Но такой миф выполняет определенную служебную роль: он отвлекает внимание трудящихся от действительных противоречий капитализма, затушевывает необходимость и направление борьбы рабочего класса и всех трудящихся за свое социальное освобождение.

Таким образом, игнорирование капиталистических производственных отношений, классового деления буржуазного общества привело Гэлбрейта к тому, что, сознавая необходимость коренных изменений в современном американском обществе, он выдвигает в качестве основного условия осуществления экономических реформ совершенствование сферы надстройки, так называемого «общественного понимания». Однако такой субъективно-идеалистический подход переворачивает все с ног на голову. В действительности «общественное понимание» является лишь формой отражения реальных производственных отношений в обществе, его экономического базиса. Без коренных изменений в экономическом базисе не может быть и коренных изменений в обществе.

Всячески принижая революционно-преобразующую роль рабочего класса, Гэлбрейт ложно трактует и вопрос о движущих социальных силах современного общества,

необоснованно пытается доказать, что в условиях научно-технической революции только интеллигенция может претендовать на роль активной социально-политической силы. Однако в действительности интеллигенция как социальная группа не обладает необходимыми признаками, лежащими в основе определения классов. В современном буржуазном обществе ее роль действительно повышается, хотя она выражает интересы разных классов капиталистического общества. Опыт классовой борьбы в развитых капиталистических странах свидетельствует о том, что среди значительной части интеллигенции зреет понимание необходимости тесного союза между всеми непролетарскими слоями трудящихся и рабочим классом в борьбе против гнета монополистического капитала.

Глава IV

¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 283.

² J. K. Galbraith. The New Industrial State, 2d ed, p. 268.

³ Ibid., p. 238 – 239.

⁴ Ibid., p. 276.

⁵ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 334.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

⁷ См. «Народонаселение стран мира». Справочник. М., 1974, с. 284.

⁸ См. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. 2. М., 1975, с. 214.

⁹ См. «США: экономика, политика, идеология», 1975, № 10, с. 25.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См. «США: экономика, политика, идеология», 1977, № 3, с. 18.

¹² См. там же.

¹³ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 328.

¹⁴ Цит. по: П. Я. Киселев. Современный капитализм и трудовое законодательство. М., 1971, с. 71.

¹⁵ См. «Международное рабочее движение». Справочник, с. 257.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 314.

¹⁸ См. Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 323.

¹⁹ См. там же, с. 336 – 337.

²⁰ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, с. 380.

²¹ Там же, с. 379.

²² Там же, с. 441 – 442.

²³ Там же, с. 327.

- ²⁴ Там же, с. 314.
- ²⁵ Там же, с. 316.
- ²⁶ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 183.
- ²⁷ Там же, с. 345.
- ²⁸ Там же, с. 344.
- ²⁹ Там же, с. 313.
- ³⁰ Там же, с. 314.
- ³¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 660.
- ³² *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 330.
- ³³ Там же, с. 334.
- ³⁴ Там же, с. 98.
- ³⁵ Там же, с. 441.
- ³⁶ *Дж. Гэлбрейт*. Экономические теории и цели общества, с. 282.
- ³⁷ Там же, с. 290.
- ³⁸ Там же, с. 293.
- ³⁹ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 442.
- ⁴⁰ См. там же, с. 335.
- ⁴¹ См. *С. Н. Надель*. Научно-техническая интеллигенция в современном буржуазном обществе. М., 1971, с. 59–60.
- ⁴² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, с. 191.
- ⁴³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.
- ⁴⁴ *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 340.
- ⁴⁵ См. там же, с. 342–343.
- ⁴⁶ См. там же, с. 347.
- ⁴⁷ Там же, с. 341.
- ⁴⁸ См. там же, с. 337–338.
- ⁴⁹ Там же, с. 441.
- ⁵⁰ Там же, с. 448.
- ⁵¹ См. там же, с. 383–384.
- ⁵² См. там же, с. 384.
- ⁵³ См. там же, с. 390.
- ⁵⁴ См. там же, с. 385.
- ⁵⁵ См. там же, с. 385–386.
- ⁵⁶ См. там же, с. 387.
- ⁵⁷ См. там же, с. 388.
- ⁵⁸ См. там же, с. 389.
- ⁵⁹ «США: экономика, политика, идеология», 1971, № 1, с. 85.
- ⁶⁰ См. *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, с. 443 – 444.
- ⁶¹ См. там же, с. 463.

Критический анализ концепции «нового индустриального общества» показывает, что Гэлбрейт, поставив перед собой задачу теоретически обосновать «новое понимание функции экономической системы»¹ современного капитализма, на самом деле создал еще одну социальную утопию, направленную на апологетику государственно-монополистического капитализма. Буржуазный реформист, опираясь на искаженную интерпретацию вызванных бурным развитием научно-технической революции последствий, новыми красками пытается разрисовать современный облик государственно-монополистического капитализма как «некапиталистическое» общество, якобы возникшее и развивающееся под непосредственным влиянием научно-технической революции.

Однако созданная Гэлбрейтом теоретическая модель «нового индустриального общества», якобы уже преодолевшего в своем развитии основные черты и противоречия капитализма, представляет собой надуманную абстрактную схему. Противоречия современного буржуазного общества, с особой силой проявившиеся в середине 70-х годов, наглядно убеждают, что в основе общественного развития лежат глубинные закономерности развития капитализма, открытые еще К. Марксом, а не сформулированная Гэлбрейтом так называемая «логика индустриальной эволюции» с ее императивами «техники», планирования и организации.

В действительности экономическая основа «нового индустриального общества» («планирующая система» или мир «развитых корпораций» с их «промышленным планированием» и «властью технотрактуры») представляет собой не что иное, как монополизированную часть экономики, функционирующую в соответствии с законами развития капитализма на его империалистической стадии. Дж. Гэлбрейт признал полную несостоятельность традиционной буржуаз-

ной экономической теории, назвав ее «ширмой, прикрывающей власть корпорации». Задавшись целью снять эту ширму и показать власть корпораций во всех ее проявлениях (в том числе и в негативных), он в то же время извратил социально-экономическую природу этой власти. Таким образом Гэлбрейт искусно вывел из-под огня критики действительные источники концентрации экономической и политической власти в современном буржуазном обществе — господство монополий и власть финансовой олигархии. Вместо одной «ширмы», прикрывавшей власть монополий путем ее полного игнорирования, Гэлбрейт возвел другую «ширму», более надежно укрывающую эту власть в условиях резко усилившегося общественного протеста против антисоциальной деятельности монополий. В этом проявляется классово-апологетическая направленность концепции Гэлбрейта.

Не совпадает с реальностью современного государственно-монополистического капитализма и то, что Гэлбрейт именуется как «государство техноструктуры», «общая стратегия реформ», «управление в интересах общества». За всем этим скрывается система государственно-монополистического регулирования экономики, которая, как показал кризис 1974—1975 гг., уже не в состоянии обеспечить стабильный рост и одновременно контролировать инфляцию и рост безработицы. Поэтому как обновленные рецепты государственно-монополистического регулирования, основанные на искаженной трактовке экономической роли современного буржуазного государства, так и надежды Гэлбрейта на спасительную силу парламентских методов и законодательной сферы в деле обуздания власти монополий и освобождения от этой власти государственного аппарата представляют собой не более как буржуазно-реформистскую утопию.

В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт пытался связать многие негативные тенденции «нового индустриального общества» с неумелым руководством стоявшей в то время у власти республиканской администрации, погрязшей в коррупции и связях с «планирующей системой». Однако пришедшая ей на смену в 1976 г. администрация демократической партии своей практической деятельностью разрушает надежды либерального реформиста. В условиях капитализма те или иные формы государственно-монополистической надстройки не отличаются друг от друга по своей сущности. И две ведущие бур-

жуазные партии США, и конгресс, и исполнительная власть хотя и разными методами, но решают одну и ту же задачу — обеспечивать господство класса буржуазии и прежде всего ее монополистической верхушки.

Полностью противоречит действительности интерпретация Гэлбрейтом ряда социально-политических тенденций современного капитализма, а также попытка теоретически обновить старый миф буржуазной апологетики о якобы снижающейся революционной роли рабочего класса в условиях научно-технической революции. Кризисные потрясения экономической базы современного капитализма послужили основой для резкого обострения социально-политических противоречий буржуазного общества, его государственной системы, идеологии, культуры и морали. Эти противоречия не служат подтверждением гэлбрейтианской утопии о «неклассовом» характере некоторых «негативных тенденций» в «новом индустриальном обществе», а свидетельствуют о правильности вывода марксистско-ленинской науки о том, что по мере развития научно-технической революции «нестабильность капитализма становится все более очевидной»².

Таким образом, концепция Гэлбрейта, являясь своего рода порождением кризиса традиционной буржуазной экономической теории, на деле представляет собой свидетельство дальнейшего банкротства буржуазной идеологии по мере углубления общего кризиса капитализма. Эта концепция показывает, что и поиск новых теорий экономического развития капитализма не спасает от кризисного состояния буржуазную экономическую теорию. «Новая» концепция Гэлбрейта, критика им традиционной экономической теории и попытка заменить одни формы апологетики государственно-монополистического капитализма другими — более тонкими и замаскированными — наглядное свидетельство разложения буржуазной политэкономии, ее дальнейшей вульгаризации.

Заключение

¹ Дж. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества, с. 28.

² «Материалы XXV съезда КПСС», с. 28.

Введение	3
Глава I	
Социально-экономическая сущность концепции «нового индустриального общества»	7
1. Новая форма апологетики капитализма в условиях научно-технической революции	—
2. Особенности методологии концепции «нового индустриального общества»	26
3. Иллюзии Гэлбрейта о конвергенции двух систем и «новом социализме»	44
Глава II	
Апология капиталистической монополии	67
1. Роль «развитой корпорации» в мнимой замене рынка «промышленным планированием»	68
2. «Революция техноструктуры» и реальные отношения капиталистической собственности	83
3. Ложность тезиса о тенденциях к «социализации» крупной корпорации	93
4. Расхождение интересов монополий и общества в оценке буржуазного реформиста	107
5. Монополистическая конкуренция под видом «механизма власти техноструктуры»	122
Глава III	
Государство в системе современного капитализма	143
1. Экономическая роль буржуазного государства в трактовке Гэлбрейта	144

2. Утопический характер гэлбрейтианской теории регулирования спроса	158
3. «Новые» рецепты избавления капитализма от безработицы	176
4. Идеализация контроля над заработной платой и ценами	188

Глава IV

Социально-политические тенденции в представлении автора концепции «нового индустриального общества»	207
1. Миф об «интеграции» рабочего класса в капитализм	—
2. Искажение социальной роли интеллигенции в буржуазном обществе	223
Заключение	242

- Корягин А. Г. и Фролов Б. И.**
К 70 Социальная утопия Гэлбрейта. Критика
концепции «нового индустриального общества».
М., «Мысль», 1978.
246 с.

Книга посвящена критическому разбору одной из основных теорий современной буржуазной идеологии – концепции «нового индустриального общества» видного американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта, изложенной в его книгах «Новое индустриальное общество», «Экономические теории и цели общества». Наряду с комплексным анализом сущности концепции Гэлбрейта особое внимание в ней сосредоточивается на извращенной трактовке социальных последствий научно-технической революции, на критическом разборе новых форм апологетики капиталистической монополии и государства, используемых в идеологической борьбе с социализмом.

ИБ № 863

КОРЯГИН АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ
ФРОЛОВ БОРИС ИВАНОВИЧ

Социальная утопия **Дж. Гэлбрейта**

Критика концепции
«нового индустриального общества»

Заведующий редакцией **С. П. Кудрявцев**

Редактор **И. С. Додолева**

Младший редактор **Н. В. Бородин**

Оформление художника **Т. Кольченко**

Художественный редактор **В. Ф. Найденко**

Технический редактор **Е. Ф. Леонова**

Корректор **В. С. Матвеева**

Сдано в набор 23.09.77. Подписано в печать 08.02.78.
A05025. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарн. плэтин. Высокая печать. Усл. печатных листов 13,02.
Учетно-издательских листов 14,55. Тираж 19000 экз. Заказ
№ 1526. Цена 95 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградское производственно-техническое объ-
единение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союз-
полиграфпрома при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчин-
ская ул., 26.

95 коп.

15
8093-6

Издательство
«Мысль»